

УРАЛЬСКИЙ

ледоплыш

2
ФЕВРАЛЬ
1959

Санитарка.

Рисунок В. Васильева

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

2 (11) · ФЕВРАЛЬ · 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

ОСТАЛЬНЫЕ НЕ ВЕРНУТСЯ

И. Вихрев

УРАЛЬСКИЙ СТАРОЖИЛ

Б. Семенов

ИВАН КУТЯКОВ

Л. Большаков

ВСЕ ВМЕСТЕ

Из рассказов Кости Харитонова

НОВЕЛЛЫ О КАМНЕ

А. Малахов

СЛЕДОПЫТЫ НАШИХ ДРУЗЕЙ

НАЧАЛО БОРЬБЫ

А. Старостин

БРАТ ГУЛИ-БЪЯБОНА

Из записок Виктора Трофимова

МОРОЗ-ХУДОЖНИК

К. Фомин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ

М. Мамедов

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

С. Шмерлинг

*Я вижу танк на пьедестале...
В нем, силу Родины храня,
Воплощена огня и стали
Несокрушимая броня.*

*Она, выдавшая походы,
Победным символом
встает
Того великого народа,
Который выплавил ее.*

*И, всемогущую, литую,
Послал на самый смертный
бой,
Чтобы спасти страну родную
В жестокой схватке огневой...*

*Летели танки, приближая
Рассветы вечной
тишины,—
Вели их, недруга сменяя,
России верные сыны.*

Леонид Шкавро

Урал

Кем ты будешь

—СТАЛЬНОЕ

В конце прошлого месяца XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза утвердил план великой семилетки. Наш народ приступил к гигантской работе, чтобы выполнить этот план. Через семь лет для каждого человека нашей страны будет делаться больше продукции, чем на душу населения в любом другом государстве. Советский народ начал решающий этап развернутого строительства коммунизма.

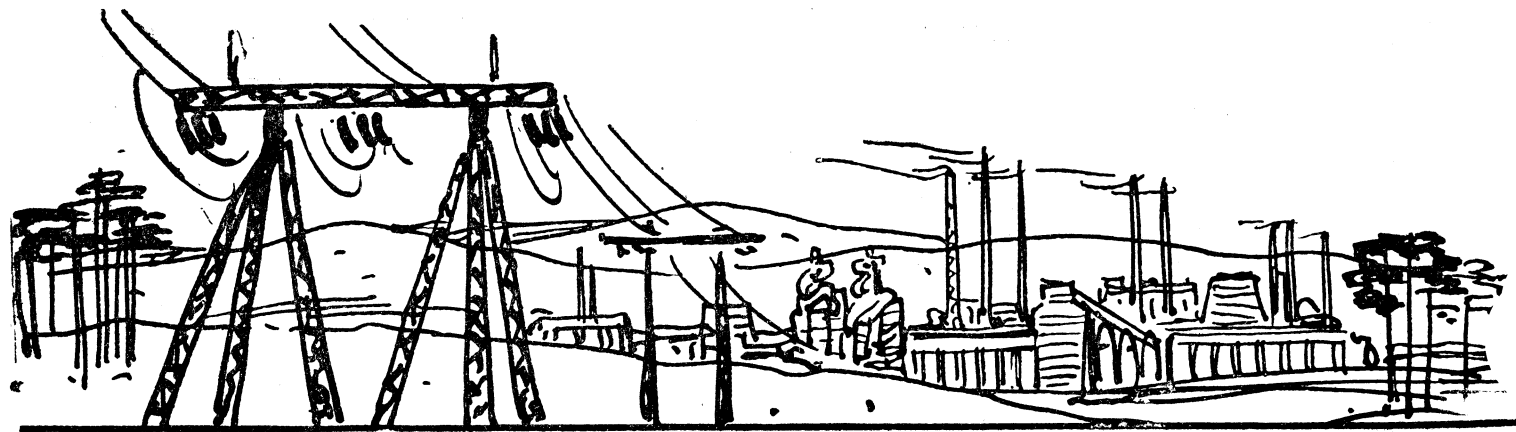
Кем ты будешь через семь лет? Что ты станешь делать в ту пору, придя на смену старшим?

Ты зовешься прославленным именем — уралец. Урал — стальное сердце Родины, край, который питает металлом, машинами, ценными ископаемыми всю страну. На Урале родилась отечественная индустрия. Урал — отец других промышленно-рых краев нашей могучей индустриаль-

ной державы. Урал — арсенал государства и великий работник в мирные дни. Он издавна славится умельцами и воинами, инженерами и искателями-следопытами.

Уральцы не какая-то особая народность, как считают некоторые несведущие люди. Уральцы, как подтверждает и недавняя перепись населения СССР, — это отважные сыны почти всех национальностей социалистических республик: русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры, казаки, мордвины, коми, ненцы.

Это представители десятков других народов Родины. Это люди, привлеченные кипением больших строек, живущие ныне в преддверии легендарной Сибири, которая манит крепкие сердца миллионами дел, начатых твоими старшими братьями и сестрами.

—1965

Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец.

А. Твардовский

через семь лет?

СЕРДЦЕ

Родины

Что будешь делать ты через семь лет?

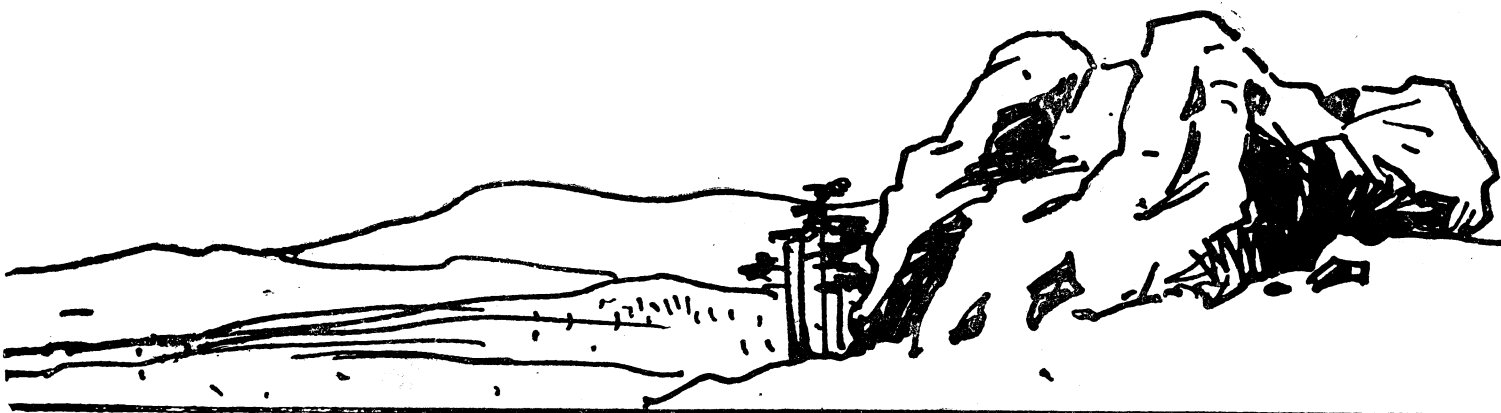
В начавшемся семилетии главное, чтобы каждый научился делать больше того, чем до сих пор, то есть главное — поднять производительность труда. Для этого каждому надо знать и уметь больше чем знали и умели прежде. Для этого каждый будет совершенствовать организацию своего труда. Будешь ли ты способен стать организатором какой-нибудь работы?

Гибкая, пытливая мысль человека, вооруженного новейшей техникой, работающего меньше часов, чем твои отцы и старшие братья, будет двигать дальше строительство коммунизма. А у уральца дел впереди — непочатый край. По предположениям наших ученых неисчислимые природные богатства Уральского хребта, которые сейчас разрабатываются,— это

лишь верхний слой сокровищ. В глубине земных недр, куда потом проникнешь ты, лежит второй, еще более мощный и более богатый пласт.

И тебе выпадет на долю вскрывать и осваивать его на благо людям твоей Родины. Вскрывать не киркой и лопатой, как было прежде, не экскаваторами и горными комбайнами, как сейчас, а новыми, еще не созданными машинами, с новыми, еще не придуманными приборами, новыми, еще не установленными способами.

Готовься, юный уралец! Стальное сердце Родины начало биться новым ритмом, по новому семилетнему плану, намеченному XXI съездом КПСС. Уралу понадобится очень много больших, сильных, умных людей, готовых посвятить свою жизнь беззаветному служению делу народов Советской страны.

И. ВИХРЕВ

Рисунки Л. ПОЛСТОВАЛОВОЙ

Повесть

Из кабины пилота открылась дверь, и появился летчик:

— Через пять с половиной минут квадрат двадцать четыре.

Все мгновенно встали.

— Прыгаем в таком порядке: Смирнов, Иванов, Стукач и я,— громко сказал Бурев.

— Только сразу, ребята, иначе вас ветром растащит,— добавил летчик,— а взрывчатку я выброшу.

Моторы умолкли, самолет заметно снижался. Свет в кабине потускнел.

Наконец с хрустом открылась дверка. Высокий, стройный Володя Смирнов взглянул на лейтенанта: «Можно?» — и ринулся в темноту. За ним выпрыгнул коренастый Павлик Иванов. Согнувшись и сжав зубы, одним шагом метнулся в ночь большой и нескладный Григорий Стукач. Последним прыгнул командир группы лейтенант Степан Бурев.

В лицо ударил холодный воздух, захватило дыхание. Но вот грудь и спину сдавило, и Бурев, закачавшись, повис в

темноте. Он услышал, как совсем рядом со свистом пронесся пакет взрывчатки, и почти под самыми ногами возникло пятно парашюта. Надо следить, где упадет.

Ощутимо приближалась земля. «Только бы на дерево не свалиться», — мелькнула мысль. В последний момент он заметил поднявшийся заревом к небу свет прожекторов там, куда ушел самолет. Парашют, наткнувшись на что-то, обдал ветром и, трепыхнувшись, повис.

Бурев поднялся на ноги, прислушался. Он стоял посреди большого болота. Вокруг торчали черные, словно обугленные, высокие пни да чахлые, с кривыми стволами, голые березки. Со всех сторон черной зубчатой стеной тянулся хвойный лес.

Степан покачался, пробуя прочность корки болота. Взглянул на компас: самолет ушел, чуть отклонившись на северо-восток, огибая город справа. Значит, надо идти по прямой в обратную сторону.

Бурев отстегнул ремни парашюта, собрал в комок холодный шелк, забросал валежником. Пройдя сотню метров,

На тактических учениях.

Фото Г. Чертополохова.

наткнулся на парашют со взрывчаткой. Распутал скрутившиеся стропы, освободил груз от ремней, поднял ящик и поставил на видное место. Подал условный сигнал. Через минуту раздался ответный птичий посвист...

Собрались все вместе лишь через час. На бугорке, среди голых приземистых березок, присели, чтобы минуту отдохнуть, сориентироваться.

— Идем сюда, — Бурев, развернув карту, указал на восточный край болота, где темной громадой подымался сосновый бор. — Парашюты скрутить стропами и спрятать. Гриша, ты берешь ящик. Давайте по одному.

Цепочкой вышли на опушку. Остановились под старой раскидистой сосной. Стукач осторожно опустил ящик на жесткий брусничник, плотно устилавший землю.

Наступил рассвет. Потянул ветерок. Холодный, серый горизонт виднелся в разрыве леса. С севера надвигались хмурые облака. «Как бы снег не выпал, — с тревогой подумал Бурев, — ведь разведчики не взяли ни одного белого маскировочного халата».

Появился ушедший вперед Павлик Иванов.

— Все в порядке, товарищ лейтенант, — доложил он тихо. — Ни одной живой души. Действительно, рядом речка. Я прошел вдоль берега. Тут как раз она изгибается.

Бурев вытащил из-под телогрейки карту. Развернул.

— Гриша, закрой-ка нас плащ-палаткой.

При свете фонарика разыскали железную дорогу, мост, начали разглядывать местность севернее дороги. Жирной, волнистой линией разрезала карту речка. Она не выходила за полосу соснового леса, только в одном месте острым углом подступала к болоту.

Лейтенант поставил точку своего местонахождения. Выпрыгнули почти в пяти километрах северо-западнее моста...

Через час группа разместилась в глухом овраге на берегу речки.

* * *

В шесть часов вечера командующему Н-ской группировкой немецких войск обергруппенфюреру СС Гейвицу позвонили из штаба соединения.

— Есть предположение, что в районе болот, севернее моста через Песчанку, высадилась десантная группа русских. Они, очевидно, имеют задание взорвать мост — единственное уязвимое место на железнодорожной ветке, — доложил адъютант командира соединения. — День назад над этим районом летал русский разведчик. Сегодня ночью с северо-запада, южнее города, прошел тяжелый транспортный бомбардировщик. Бомбы сброшены на случайные автомашины. Над болотами самолет пролетел с приглушенными моторами.

Обергруппенфюрер не очень-то поверил сообщению. Много ли можно сбросить людей с одного самолета? Он подошел к карте. «Русских интересует железная дорога. И, конечно, прежде всего, этот мост». Допускать хотя бы малейшего перебоя в движении по дороге ни в коем случае нельзя. Иначе вся группировка будет отрезана от баз. Около трехсот танков, более тысячи орудий, тысячи автомашин — все это можно потерять, если русские начнут наступление. А на фронте что-то неспокойно...

Обергруппенфюрер вызвал адъютанта:

— Кто охраняет мост через Песчанку?

— Рота СС, во главе с оберштурмфюрером Штиммером. Сто сорок человек!

— Немедленно передайте

оберштурмфюреру, что севернее моста с самолета выброшен русский десант. Усилить посты. Отдайте от моего имени приказ выделить на охрану дороги еще два батальона пехоты...

* * *

С утра к мосту ушли лейтенант Степан Бурев и Володя Смирнов. Место для наблюдения выбрали на высоком берегу, в густом кустарнике. Отсюда хорошо был виден и мост, широкая поляна по обеим сторонам речки, и все пространство дальше вдоль дороги. На луговине до самого леса раньше, по-видимому, рос кустарник. Немцы его вырубали: кучи хвороста лежали на той и другой стороне недалеко от землянок.

Речка не замерзала, на перекатах качались белые гребешки пены. Только края берегов затянуло серой коркой льда.

За двойным ярусом колючей проволоки фашисты чувствовали себя спокойно. Возле походной кухни возился повар. Кутаясь в тонкую шинель, подпрыгивал на мосту часовой. На лес никто внимания не обращал.

«Если по пять человек в землянке, и то семьдесят набирается,— подсчитал Степан.— Вероятно, часть людей есть и на той стороне».

Погода резко переменилась. Небо закрыли серые, низкие тучи. Изредка в холодном воздухе пролетали легкие снежинки. Старый сосновый бор роптал, отбиваясь от ветра.

«Только бы снег не выпал»,— тревожно поглядывал на небо Бурев.

Лежать на холоде без движения— далеко не приятное занятие. Ноги заоченели, студёный воздух пробивался сквозь ватник, руки в теплых меховых варежках непослушно держали бинокль.

— Товарищ лейтенант, вы читали «Гиперболоид инженера Гарина»?— зашептал Володя.— Вот бы его нам! Чиркнул бы два раза— и моста нет...

Возле одной из землянок появился высокий сухопарый офицер. Размахивая рукой, он что-то кричал на вытянувшегося в струнку солдата. Солдат, выслушав наставления, козырнул и опустился в окопчик рядом с пулеметом. В то же мгновение появился постовой и возле пулемета на правом берегу. «Ого! Зна-

чит, дежурные ушли с поста по собственной инициативе! Это надо учесть»,— обрадовался Бурев.

Офицер в сопровождении солдата вышел на полотно дороги. Миновав ряды колючей проволоки, они спустились с насыпи, двинулись к густому островку кустарника метрах в восьмистах левее моста. Бурев перевел бинокль на этот островок, оголенный со всех сторон, и тут же увидел поднятые вверх стволы зенитных орудий. Целая батарея!

Время перевалило за полдень. На мосту сменились часовые. Не отрывая от глаз бинокля, Бурев думал: «Обстановка сложная. Очень сложная. С четырьмя автоматами на сотню человек в открытую не пойдешь. Нужно брать хитростью. А где найти самое уязвимое место?»

Вернувшись в овраг, Бурев решил часок вздремнуть. Неожиданно его потревожил Смирнов.

— Товарищ лейтенант!

Бурев скинул с себя жесткую плащ-палатку и от огорчения присвистнул...

Ветер утих. Над землей нависла темная туча. Пошел снег. Обгоняя друг друга, снежинки почти отвесно падали вниз на застывшую землю.

— Есть выход, товарищ лейтенант!— Володя указал в сторону ящика, спрятанного в кустах. Там, рядом с ящиком, лежал сверток.— Парашют. Он совсем белый! Маскхалаты можно смастерить!

Бурев поднялся, развернул палатку, вытряхнул из нее белый, блестящий шелк парашюта...

А снег, рыхлый и мягкий, как заячий пух, неторопливо покрывал мерзлую землю. К вечеру под плотным снежным покровом скрылись и сухая жесткая трава, и жухлые свернувшиеся листья, и зеленый брусничник.

Иванов и Стукач вернулись с дежурства уже в сумерках.

Согревшись, Павлик доложил:

— Товарищ лейтенант! Офицер еще

не вернулся. В ангаре у немцев хранятся мины. Видели, как гитлеровцы три раза утаскивали по две штуки к зенитчикам. Такие круглые, в металлической оболочке, противотанковые. Часовые сменяются в три и в пять часов.

«Значит, надо действовать, и быстро!» — подумал Бурев и присел на ящик. Разведчики придвинулись к нему.

— Думали, как выполнять задачу будем? — спросил лейтенант.

— Разрешите, — подался вперед Володя. — Я считаю, лучше всего к мосту спуститься вниз по речке, прямо по воде. Тол завернуть в палатку, зашить, чтоб вода не попала. Проволоку, если она под водой проходит, разрезать.

— Та-ак! Ну, а твое мнение, Иванов? Павлик покусывал сухой стебелек.

— А не лучше ли, товарищ лейтенант, незаметно подползти к этому ангару и взорвать мины гранатой? Склад у самой насыпи, мост взлетит, как перышко.

— Ты знаешь, сколько у немцев в этом складе мин?

— В том-то и дело!.. — виновато проговорил Павлик. — Может быть...

— А ты что думаешь, Григорий? — повернулся Бурев к Стукачу.

— По речке надежнее...

— Вот что, Володя предлагает хороший ход. — Лейтенант вытащил из кармана листок, на котором был аккуратно нарисован план моста, нанесены все посты немецкой охраны. — Один из нас спускается по речке. Он выполняет главную задачу — взрывает мост. Остальные отвлекают внимание немцев, принимают их удар на себя. Немцы, конечно, после взрыва всполошатся, но, если удастся пробраться к мосту бесшумно, зажечь шнур и успеть отбежать, мы можем спокойно отойти. Одного придется бросить к зенитчикам, чтобы отвлечь их внимание. Как? Согласны?

— Товарищ лейтенант, разрешите мне взорвать мост, — попросил Володя.

— Почему тебе? — с жаром возразил Павлик.

— Ты же с ящиком не справишься.

— Перестаньте! — сурово сказал лейтенант.

И сразу все повернулись к нему. После минутного раздумья Бурев объявил решение: по речке спускается Володя Смирнов, вдоль левого берега подползает сам лейтенант и сдерживает

немцев в центре и на правом берегу; Павлик Иванов прикрывает левый фланг и при необходимости идет на помощь Стукачу, который отвлекает внимание зенитчиков.

— Налет проведем в половине одиннадцатого, — закончил Бурев.

— В это время, товарищ лейтенант, у них ни один спать не будет! — воскликнул Павлик.

— Ждать поздней ночи нам нельзя, — ответил Бурев, — речка может стать. Ясно?

— Понятно!..

— Надо готовиться к операции, — Бурев выпрямился. — Сейчас восемь часов...

* * *

Оберштурмфюрер Штиммер прибыл в распоряжение своей роты в девятом часу вечера. Именины командира зенитной батареи капитана Шульца справили на славу. Штиммер еле держался на ногах.

Денщик Ганс с трудом затащил хмельного гитлеровца в землянку и стал раздевать. В это время появился Крафт, помощник Штиммера.

— Господин оберштурмфюрер, на ваше имя получена секретная шифрограмма, — доложил он и протянул Штиммеру листок бумаги.

— Что? Чего тебе нужно, Крафт? — мутными глазами уставился на помощника оберштурмфюрер.

— Получена секретная шифрограмма...

Непослушными руками Штиммер взял бумажку.

— Ганс, где шифр?

Цифры расплывались, прыгали. «Север... русские... болота... — покачиваясь на скамейке, читал про себя Штиммер. — Черт побери, ничего не разберешь...»

Оберштурмфюрер поднял тяжелую голову. Двоилось, трюилось лицо Крафта.

— Шифрограмма? Значит, что-то важное... — Штиммер еще раз уставился на бумагу.

— Эх, чертовщина, все в глазах сливается. На постель!

Ганс, стянув со Штиммера сапоги, уложил его на топчан.

«Прочитать... обязательно прочи-

тать...» Сознание оберштурмфюрера туманилось. Вот эти круги в глазах пройдут, и он поднимется, он прочитает...

* * *

Остановились на берегу в том месте, где Песчанка делала небольшой изгиб. Стукач бережно поставил на кромку льда тяжелый ящик.

Долгую минуту молча слушали, как шумит потревоженный ветром лес, всплескивает, натываясь на камни, вода, далеким громом где-то впереди гудит артиллерийская канонада.

— Лишнее оставить!

Простились с Володей. Все понимали: у него самое трудное задание.

Стукач обхватил худенькие с виду плечи парня, потряс их огромными ручищами, склонился к уху:

— Давай, Вовка. На тебя вся надежда!

Бурев нашел в темноте горячую руку Володи.

— Спустишься здесь. Через пятнадцать минут, если будет спокойно, потихоньку двинешься вперед. Смотри, не подмочи спички и шнур. Проволоку, как разрежешь, сразу раздвигай шире, чтобы на обратном пути не зацепиться.

— Ясно, товарищ лейтенант!

— Ну, счастливо! — Степан еще раз крепко сжал ладонь Володи.

Три тени, перепрыгивая с камня на камень, пересекли речку и слились с темной стеной леса, поднимавшегося над берегом.

Володя выбрал место для спуска к речке, сдвинул на лед ящик, присел.

До слуха донеслось легкое постукивание вагонных колес на стыках рельсов. У моста, очевидно, паровоз сбавил ход: слышно было, как лягнули, сходясь, буфера вагонов. Паровоз приглушенно свистнул и, набирая скорость, ушел в сторону города. Еще один прошел.

Володя взглянул на часы. Пора!

Тихонько подтолкнул к черной бурлящей реке ящик. Ледяная вода мгновенно обожгла тело. Ощупал шапку, в которой неудобно давили голову запал, шнур и спички, стянул завязки у подбородка: так надежнее. Легко стащил в воду ящик со взрывчаткой. До места, где кончался кустарник и начиналась поляна, шел пригнувшись. Затем окунулся в воду по шею, встал на колени и, выбирая одной рукой дорогу, а другой сдерживая ящик, начал осторожно двигаться вперед.

От нестерпимого холода зубы выбивали дробь. Вода, перемешанная со снегом, жгучим холодком пробивалась сквозь отяжелевшую ватную одежду.

ЛОВКОСТЬ, НАХОДЧИВОСТЬ, ХИТРОСТЬ

Роковой колодец

Бывший колхозник плотник Кузьма Перемышкин на войне стал сапером. К нему по всем статьям подходила половица «Мал золотник, да дорог». Ростом Кузьму, действительно, природа обделила. Ему ни на одном складе не могли подобрать ни шинели, ни сапог. Их шили по специальному заказу в дивизионной

мастерской. Ценили Кузьму в роте за то, что он с первых дней фронтовой жизни показал себя очень смекалистым бойцом. То под носом у гитлеровцев разминировал проход для наших разведчиков, то в свободное от саперных занятий время заберется со снайперской винтовкой на самую что ни на есть невзрачную сосенку на переднем крае и, смотришь, ухлопает двух, а то и трех фашистов.

За три месяца боевых действий Кузь-

Прижимаясь к холодной земле, Степан Бурев метр за метром подбирался все ближе и ближе к мосту. Миновал уже половину пути. Соленый пот ручьями скатывался со лба. Немцы молчат; ни одного звука, только ветер сыплет сверху снежок. А может быть, звуки заглушают сильные удары сердца?

Порыв ветра выбросил из-за моста плотную тучу мелкой снежной пыли, закрутил по поляне. Все вокруг скрылось в сером густом клубке. Остере-

гаясь, чтобы внезапно не выскочить на чистое место, Бурев в три перебежки достиг больших, беспорядочно наваленных куч тростника. Подправил сбившуюся с головы накидку, отдышался, стер ладонью со лба пот. Осмотрел автомат, проверил, не растерял ли патронные диски и гранаты.

Ветер внезапно утих. Снежная тучка пронеслась над землей, напоролась на густой, высокий гребень соснового

бора и осела. Стало как будто светлее. На мосту, сгорбившись от холода, маячит часовой. У пулеметов никого нет. С левой стороны, из землянки, слышится мелодия губной гармоники.

— Не ждут! Это хорошо! — обрадовался Бурев. — Добрались ли Павлик и Стукач?

Степан неотступно следил за черным силуэтом часового. Прижав к боку винтовку, тот похлопывал замерзшими руками, подпрыгивая на месте.

Но что же Володя? Не случилось ли с ним чего-нибудь?

И в эту секунду Бурев отчетливо услышал тонкий протяжный звук. Он донесся откуда-то с речки. Вероятно, Володя разрезал проволоку.

Часовой насторожился, вскинул винтовку, нагнулся к краю моста и стал всматриваться в темноту.

— Хальт!

Клацкнул затвор винтовки. Нет, нельзя допустить, чтобы этот немец сорвал операцию! Бурев поднял автомат, взял на мушку часового и нажал на спусковой крючок.

Фашист закачался, винтовка выпала из его рук, со звоном ударилась о шпалы. Длинное тело свалилось на насыпь.

ма Перемышкин заслужил три медали «За отвагу». И сослуживцы шутили:

— А что, если война затянется? У нашего Кузьмы грудь хоть и широкая, но медали-то размещать будет негде.

В дни боев на Волховском фронте Кузьма первым среди бойцов своей дивизии заслужил орден Красного Знамени.

Командиру срочно потребовался «язык». За ним ходили полковые разведчики, но безуспешно. Не добилась результата и группа дивизионной разведки. Тогда ефрейтор Перемышкин обратился к старшему командиру и сказал:

— Дайте мне полтысячи мин и группу саперов. «Язык» будет.

Целый день Кузьма ползал по нейтральной полосе, изучая местность. А ночью его группа принялась расставлять мины и указки с надписью на немецком языке: «Заминировано». На это же дело ушла и вторая ночь. Мины залегли на широком участке. И только узкий коридорчик саперы оставили для прохода, обозначив и его табличками с не-

мецкими надписями. Они знали: «язык» потребуется и гитлеровцам.

Так и случилось. На третью ночь фашистские разведчики сунулись на одном участке — мины, на другом — тоже. Они долго ползали вдоль переднего края и уже далеко за полночь нашли проход.

Кузьма Перемышкин оказался хитрее гитлеровцев. Он лежал с тройкой помощников за каменным валуном, в отрытом окопе. Метрах в ста от них нахбдился старый колодец без сруба. Он-то и стал роковым местом для оккупантов.

Этот колодец саперы предусмотрительно закрыли фанерой и сверху присыпали свежей землей, будто заброшенной сюда из воронки от разорвавшейся мины.

Два гитлеровца, которые двигались впереди других, ничего не подозревая, напоззли на фанеру и рухнули в колодец. А ефрейтор Перемышкин, имея при себе телефонный аппарат, моментально передал условный сигнал командиру минометной батареи. И минометчики шквальным огнем уничтожили всех раз-

Из землянок начали выскакивать перепуганные немцы. Где-то рядом ровно и спокойно застрекотал автомат Иванова. Лейтенант посылал очередь за очередью. На одно мгновение поляну осветил мощный свет прожектора и сразу потух. Внезапно с той стороны, где были расположены зенитчики, донесся глухой взрыв противотанковой гранаты, и началась беспорядочная стрельба.

Четверка разведчиков вступила в открытую и неравную схватку с врагом.

* * *

Вот и проволока. Володя нащупал рукой проход и, тихонько протолкнув вперед ящик, приподнял нижнюю проволоку, проскользнул сам. Второй ярус был укреплен основательно. Сдвинув взрывчатку почти к самому берегу, наткаясь бесчувственными от холода пальцами на острые ржавые колючки, Володя ряд за рядом исследовал преграду: «Нужно разрезать пять рядов...»

Он отчетливо слышит, как стучат по шпалам сапоги часового. «Подошли ли ребята? Лейтенант должен быть где-то совсем близко...»

Разрезан и раздвинут нижний ряд.

Руки едва слушаются. Загнуты в сторону концы рядов второго, третьего, четвертого... Остался последний верхний ряд, тугой струной пересекающий речку. Володя попробовал приподнять проволоку так, чтобы пробраться к мосту, не намочив шапки. Где-то на берегу закачались колья. Нет, все-таки придется резать и этот...

Острый, хлесткий, как звук выстрела, проклятый звон проволоки! Колочка впилась в ладонь и с силой рванула кожу. От неожиданности и резкой боли в руке Володя по грудь высунулся из воды. Над головой послышалось:

— Хальт!

ведчиков, оставшихся на поверхности. А те двое, что попали в колодец, стояли по горло в воде и истошно зывали о помощи.

Тишину сразу же разбудил треск автоматной очереди, и часовой мешком свалился вниз. Володя понял: медлить нельзя ни одной секунды. Он с силой толкнул ящик и, упираясь о камни, рывком пробрался под мост.

Рядом разгорался бой. Тяжелым вздохом ахнул взрыв. Ожил и сразу же захлебнулся разбитый гранатой пулемет.

«Скорей, скорей!
Теперь все зависит
от тебя!»

Володя поднял из воды отяжелевший ящик и придвинул его к основанию бетонной опоры, подпиравшей середину моста. Снизу из-за насыпи со свистом проносился холодный и жгучий ветер.

«Скорей, скорей!»

Острой, как бритва, финкой Володя распорол верх плащ-палатки, в разрезе показались кубики тола. Бережно снял

Когда отстрелялись минометчики, саперы во главе с Кузьмой Перемышкиным бесшумно подползли к колодцу, спустили туда веревки и помогли фашистам выбраться на поверхность.

«Языки», мокрые и дрожащие, на вид оказались неказистыми, но, когда их привели в чувство, разговорились и дали очень ценные сведения.

По четыре на каждого

Теплый летний вечер. Используя затишье в боях, четверо связистов во главе с немолодым, но очень подвижным бойким лейтенантом Кудровым вели линию связи от одного боевого охранения к другому.

Работа шла споро. Противник почти не обстреливал передний край, не запускал ракет. Бойцы без задержки продвигались вперед.

Примерно на середине расстояния между боевыми охранениями, там, где мо-

шапку и, выбивая зубами дробь, расправил шнур, уложил запал среди взрывчатки.

«Скорей, скорей!» — торопили автоматные очереди.

Как непослушны пальцы! Володя раскрыл коробку. Неожиданно она, как живая, выскользнула из окоченевших рук. Володя судорожным движением ощупал карманы обледеневшего ватника. Под руку попала граната.

«Спасение! Отбежать к проволоке и метнуть. А если не попадет, если взрыва не будет?»

Сзади послышался шорох. С насыпи скатились в воду камешки.

Володя всем телом повернулся на шум. В десяти шагах, наставив на него автомат, согнувшись, стоял враг.

«Эх, автомат бы!» Володя метнулся к краю бетонной опоры. Но пули догнали, острой болью впились в поясницу. Скользя руками по шершавому и обледенелому бетону, он повалился прямо на ящик.

«Все! Теперь не уйти! Но мост, поезд!»

Обеими руками сжал гранату. Последним усилием выдернул кольцо.

Легко, будто игрушечная, переломи-

лодая сосновая поросль гибкими и тонкими метелками прорезала небольшую круглую полянку, точно обведенную циркулем, связисты решили немного отдохнуть.

— Затянуться бы теперь разок-другой моршаночкой,— заметил молодой связист Купчик.

У лейтенанта Кудрова засосало под ложечкой. Но приказ есть приказ, и его нарушать нельзя. Сладко помечтав о том, чего сейчас не осуществишь, рядовой Купчик вдруг ощутил запах папиросного табака.

— Или мне почудилось, или так и есть?— спросил солдат, обращаясь к товарищам.

Связисты принялись. Точно. Кудров жестом приказал связистам лечь и не шевелиться.

Прошло немного времени. Где-то поодаль хрустнула сухая хворостина. Лейтенант подал новый знак — приготовить автомат.

Укрытые за толстой старой листвен-

ницей, под комель срезанной артиллерийским снарядом, солдаты насторожились.

На опушке показалась группа фашистов.

Лейтенант Кудров не растерялся. Он подал команду:

— Первому взводу — слева, второму взводу — справа приготовиться к атаке!

Немецкие разведчики залегли в густой лебедь. Перепугавшись грозной команды, они не сделали ни одного выстрела.

— Ваше сопротивление бессмысленно,— лейтенант Кудров, хорошо владея немецким языком, обратился к фашистам.— Старшему командиру выделить двух человек, собрать все оружие и сложить на поляне.

Из лебеды сразу же поднялись два немецких разведчика и, торопливо собрав автоматы, сложили их в указанное место.

И каково было удивление обезоружен-

лась от взрыва бетонная опора, затрещали, потеряв основание, тяжелые балки.

* * *

Широкая, в полметра глубиной канава, вырытая, видимо, во время строительства железной дороги, подступала почти к самому полотну. Павлик без особого труда добрался до конца канавы. Но отсюда до крайних землянок было еще не менее пятидесяти метров. Когда над поляной закрутился снежный вихрь, он быстро добежал до первого ряда проволоки.

Белая накидка сливалась со снегом. Павлик устроился поудобнее, выставил вперед автомат, положил рядом гранаты. Враги были совсем рядом.

В тишине прозвучали автоматные выстрелы. Павлик увидел, как качнулся и рухнул на насыпь часовой. Сжав автомат, Иванов замер. Распахнулась дверь крайней слева землянки. Серую темноту разрезал тонкий, как лезвие, луч света. Павлик взял на прицел выход и выпустил короткую очередь в первую тень. Дико крикнул раненый. Сержант методически стал посылать очередь за оче-

редью по узким и неглубоким траншеям слева, где стоял пулемет. Длинный ствол его в это время повернулся к Павлику и заговорил, попыхивая огнем.

Короткий и точный бросок. Яркая вспышка. Над головой со свистом пронеслись осколки гранаты. Пулемет, описав дугу, отлетел за бруствер.

Вокруг, вспарывая снег, впились в землю пули. «Надо отползти к канаве, иначе...» Павлик метнул в траншею еще две гранаты. Он не заметил, что угол белой накидки, прикрывшей голову, соскользнул, шапка теперь четко выделяется на снегу. Страшный удар в лицо ослепил Павлика, потушил сознание.

* * *

За несколько минут до взрыва, когда опомнившиеся немцы с яростью начали поливать свинцом кучи хвороста, Бурева кто-то тронул за плечо. Он обернулся, увидел рядом горящие глаза Григория Стукача.

— Товарищ лейтенант,— задыхаясь, сообщил разведчик.— Павлик Иванов убит. Прямо в голову пуля...

ных шестнадцати немецких разведчиков, когда они увидели всего лишь четырех связистов!

Цистерна со свастикой.

Дело было засушливой осенью. Как-то под утро на нейтральной полосе загорелась широкая гряда сосняка. Огонь

— А ты почему ушел?

— Нечего делать, товарищ лейтенант. Послушайте...

У зенитчиков неистовствовал пулемет. Пули счищали с землянок снег и песок, вскапывали насыпь, ударялись о рельсы и с воем отлетали в сторону. Зенитчики, очевидно, решили, что русские захватили мост. Немцы у землянок яростно отстреливались.

— Отползай, Гриша, — сказал Степан. — Унесешь к лесу Павлика.

Стукач исчез так же незаметно, как и появился.

Дробя на осколки стылый ивняк, пули все чаще врезались в землю рядом. Меняя позиции, Бурев посылал по врагу очередь за очередью, а сам с тревогой вглядывался в черные очертания моста.

Огненная вспышка! В лицо ударила волна воздуха.

— Взорван!

Он отчетливо увидел мост, который не рухнул, а повис над речкой. «К утру, ну, от силы днем, опять восстановят, — мелькнула мысль. — Значит, нужно взрывать минный склад. Эх, побольше бы там было мин!»

Степан вытащил из-за пояса гранату.

заметался, запрыгал по макушкам деревьев, и густая плотная пелена дыма поползла вдоль переднего края, уклоняясь в сторону противника. Наши правфланговые полки воспользовались неожиданной дымовой завесой и обходным маневром выбили фашистов с укрепленных высот.

Спустившись за болото, поросшее ольховником, гитлеровцы остановились на заранее укрепленном рубеже и открыли ружейно-пулеметный и минометно-артиллерийский огонь. Передовые стрелковые роты с хода бросились в лобовую атаку — не помогло, попробовали пробиться обходным путем — тоже безрезультатно.

Поздно ночью, когда на переднем крае изредка трещали пулеметы да время от времени рвались артиллерийские снаряды, в блиндаж командира роты грузно ввалился старшина Рудометов — усатый уралец, командир пулеметного расчета. Обливаясь потом, он сообщил:

— На нашем участке, возле узко-

Склад должен быть где-то тут. Чтобы бросить гранату наверняка, Степан поднялся во весь рост. Да, вот она, эта черная яма, в каких-нибудь пятнадцати метрах.

Лейтенант с силой метнул гранату. Неподалеку ударил автомат. Будто раскаленным железом провели по ногам.

* *

Первые же выстрелы и взрывы гранат подняли Штиммера с постели.

— Что такое, Ганс? В чем дело?

Побледневший денщик, сам ничего не понимая, крутил головой и боязливо озирался.

— Быстро узнать! — крикнул Штиммер.

Ганс схватил автомат и, закрыв дверь, вывалился в темноту.

Хмель моментально улетучился из головы оберштурмфюрера. Дрожа всем телом, Штиммер натянул сапоги и шинель. Все еще мутные глаза задержались на скомканных листах, валявшихся на полу. Что это? Кажется, была шифрограмма? Оберштурмфюрер поднял листы. В землянку возвратился Ганс. Левую руку он прижимал к груди, а правой волочил за ремень автомат.

колейки лежит целехонькая цистерна со спиртом.

— Уж не выпить ли захотелось?— пошутил командир.

— Зачем выпить? Я его, сатану, никогда и в рот не брал. И, пожалуй, до конца жизни не возьму.

— Тогда чего же вы хотите?

— Разрешите мне взять человек десять, и мы немцев обезвредим.

И тут старшина таинственно поведал суть своего «рационализаторского» предложения.

Под покровом темноты бойцы во главе со старшиной Рудометовым подползли к цистерне. Орудя шоферскими домкратами и березовыми слегами, водворили ее на узкоколейку, которую немцы не успели взорвать. На лобовой части цистерны была видна фашистская свастика, а по бокам красовалось слово «Спирт».

— Теперь поднатужимся и с разгону запустим этот «подарочек» к фрицам,— распорядился старшина.

Узкоколейная дорога в сторону немецкой обороны спускалась под уклон. Упираясь в шпалы, бойцы с большой осторожностью толкали вперед цистерну со свастикой.

Утром старшина Рудометов, облачившись в зелено-пятнистую плащ-накидку, забрался с перископом на высокую сосну и сквозь густые кроны долга наблюдал за поведением фашистов. Они перепились спиртом до беспамятства, начиная от рядовых и кончая ротными командирами.

Цистерна со свастикой сделала свое дело. Большая группа наших разведчиков, проникла в расположение немцев и захватила укрепленный рубеж. Это открыло удобную брешь в обороне противника. Наши части снова перешли в наступление.

Подполковник Ю. ЛЕВИН,
подполковник Н. МЫЛЬНИКОВ

— Русские... господин оберштурм...— задыхаясь, сообщил он.— Много русских....

Схватив автомат Ганса, оберштурм-фюрер выбежал из землянки.

Возле моста творилось невообразимое. Пули, казалось, сыпали со всех

сторон. У самой проволоки валялся разбитый пулемет. В узкой и неглубокой траншее, полузаваленной снегом, извиваясь от боли, кричал раненый. Со стороны зенитчиков в район землянок непрерывно сыпал очереди пулемет. «Значит, русские успели захватить батарею».

Смертельный страх овладел Штиммером и загнал его обратно в землянку.

Оберштурмфюрер трясущимися руками собрал с пола измятые листы, лихорадочно начал расшифровывать. «Русские северных болотах выбросили десант...»

«Все, все ясно!»

Сильный взрыв всколыхнул землю. Лампочка закачалась и потухла. Затрещали перекладки на потолке. Теряя самообладание, Штиммер выскочил вновь наружу. Стрельба утихла. Он метнулся по траншее и лицом к лицу столкнулся с Крафтом.

— Что случилось? Почему прозвали русских?

Крафт, сжимая в руках автомат, уставился на оберштурмфюрера.

— Кажется, их всего горстка, — пересилив себя, ответил Крафт.

— А батарея?

— Произошла ошибка...

В этот миг Штиммер увидел, что за проволокой у кучи хвороста поднялся человек с гранатой в руках. Он сразу понял, что могло произойти. Мины, больше пяти тысяч мин!

— Огонь! Огонь! — заколотил он по спине Крафта.

Но очередь не помогла. Штиммер отчетливо услышал, как с шелестом пролетела граната и, звякнув, ударилась о металлические крышки мин. Вжимая голову в плечи, оберштурмфюрер свалился в траншею...

Очнувшись после взрыва, Штиммер сжал руками уши, потряс головой. «Оглох!» И тут различил глухой треск горящего сухого дерева. Оберштурмфюрер поднялся. «Где же русские?» Огонь пожирал бревна, лежавшие возле склада с минами. Вместо моста зияла огромная пропасть...

«Сделали свое и ушли? Теперь все пропало!»

Рядом бился в предсмертных судорогах Крафт. Штиммер, трусливо озираясь, выстрелил в голову помощника. «Теперь никаких свидетелей...» С трудом добрался до полуразрушенной землянки. Каким-то чудом уцелел телефон, сброшенный взрывной волной со стола. Он подавал сигналы вызова. Штиммер в темноте нащупал трубку. Где-то далеко слышался голос начальника охраны дороги,

— Мост! Мост! — кричал тот в грубку.— Мост? Кто? Штиммер? Что случилось?

— На мост напал батальон русских,— доложил оберштурмфюрер.— Рота понесла большие потери... Мост взорван.

Через полчаса вся обстановка для Штиммера стала ясной. Убито одиннадцать человек. Пятнадцать ранено. Убит командир зенитной батареи капитан Шульц. Взорван склад с минами и мост. Разрушены все землянки...

Преследовать русских Штиммер побоялся. Черт знает, может быть, они организовали в лесу засаду.

Перед рассветом оберштурмфюреру сообщили, что в километре западнее моста на насыпи обнаружены следы: видимо, русские, пробираясь к своим, пересекли дорогу, и что на ближайшую восточную станцию прибыл поезд с самим обергруппенфюрером Гейвицем. Штиммер знал, что Гейвиц крут на расправу: в пылу гнева этот человек может пустить в ход и пистолет. Оберштурмфюрер быстро собрал взвод солдат и бросился в погоню за русскими.

* * *

Этот трудный и неравный бой, как четкая фотография, запечатлелся в памяти Григория Стукача...

Взорвав прожектор, он по канаве проскользнул на поляну между зенитчиками и охраной моста. Здесь выпустил десяток очередей, направляя автомат то в сторону батареи, то в солдат, выскакивающих из ближайших землянок. Убедившись, что хитрость удалась, Григорий пополз на помощь Буреву.

Лейтенант лежал, вытянувшись и склонив голову на автомат у самого края канавы. Пальцы намертво сжали боевое оружие.

— Товарищ лейтенант! — затряс его Григорий.

Бережно подхватив совсем легкое тело, Стукач отнес его на опушку леса, осмотрел. Ноги выше колен перебиты, дыхание редкое, со всхлипами. Он распахнул на лейтенанте телогрейку и отшатнулся: вся левая половина груди Бурева была разворочена осколком.

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! — шептал разведчик.

Отстегнул от ремня фляжку с водкой и приставил ее к плотно сжатым губам: — Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!

Бурев приоткрыл сухие воспаленные глаза.

— Товарищ лейтенант! Ожили? Я вас понесу!

— Гриша, друг...— узнал Бурев.— Не надо... Я умираю. Иди, Гриша, возле речки... Передай нашим... Все передай.— Он задыхался. Изо рта тоненькой струйкой текла кровь.— Отцу напиши...

Это были последние слова Степана Бурева.

— Товарищ лейтенант! Степан Николаевич! — долго еще слышался в притихшем внезапно лесу хриловатый голос Стукача.

* * *

А дальше все прошло, как в тумане...

Григорий Стукач по одному перенес тела погибших товарищей к тому месту, откуда они каких-то полчаса назад отправились на штурм моста. Разыскал на берегу яму, опустил в нее Павлика Иванова. С непокрытой головой целую минуту стоял над темным бугорком.

Осторожно завернул в плащ-палатку тело лейтенанта, поднял его на плечи и вдруг ощутил в правой ноге острую боль. Присел, оцупал ногу. Видимо, пуля насквозь прошла мякоть. Григорий посмотрел на часы. Шел первый час ночи.

Надо спешить. К рассвету он должен быть у своих. Во что бы то ни стало должен! Идти было трудно. Снег заровнял ямы, засыпал вывернутые ветром деревья. Несколько раз разведчик споткнулся. Боль в ноге разгоралась. Часа через два Стукач вышел к речке. Извиваясь среди леса, она показывала путь туда, к своим. Григорий остановился, сзади за ним оставался широкий след. Если бросятся в погоню, то по этому следу настигнут в два счета. А если пробираться прямо по воде? Григорий спустился к берегу. Черная вода, перемешанная со снегом, облизывая кромки льда, торопливо убегала вперед. Прошел вдоль берега. Разыскал, видимо, сброшенные взрывом и прибитые ко льду несколько бревен. Снял ремень. Но он оказался слишком коротким, чтобы связать бревна. Отрезал от плащ-палатки две ленты, стянул ими лесины,

бережно уложил на них тело лейтенанта и автомат...

Толкая перед собой самодельный плот, Григорий Стукач всю ночь в ледяной воде пробирался к линии фронта.

* * *

Поезд с обергруппенфюрером под охраной нескольких танков, установленных на платформах с обеих сторон паровоза, подошел к месту только на рассвете. Гейвиц в сопровождении группы высших офицеров и автоматчиков, цепочкой окружавших офицеров, направился к провалу.

Металлические пролеты, словно чьей-то могучей рукой, были отброшены в стороны. Над поляной висел седой, холодный туман. Снег перестал идти...

Обергруппенфюрер передернул плечами.

— Сколько потребуется времени, чтоб восстановить мост?— нарушил, наконец, молчание его скрипучий, сердитый голос.

— Четыре-пять суток, господин генерал,— выдвинулся из группы офицеров тучноватый полковник.

— Где этот оберштурмфюрер? — неожиданно рявкнул Гейвиц, хватаясь за кобуру пистолета.

— Русские пересекли дорогу, господин обергруппенфюрер. Оберштурмфюрер Штиммер преследует десантников,— сообщил адъютант.

— Предать военному суду! Расстрелять!— окончательно вышел из себя Гейвиц.— Именем фюрера приказываю через два дня восстановить движение по дороге. Поднять на ноги все прифронтовые части, русских взять живыми или мертвыми!

Ни на кого не глядя, Гейвиц широкими судорожными шагами двинулся к поезду...

Через полчаса из штаба Н-ской группы немецких войск во все части, расположенные южнее железной дороги, полетел срочный приказ: «Русские десантники возвращаются к линии фронта. Именем фюрера приказываю ни одного человека не пропускать через передний край...»

* * *

На всем участке советских войск в эту тревожную ночь стояла необычная тишина. К утру похолодало, над опален-

ной огненными ранами земель, прикрытой рыхлым снегом, как пухлой марлевой повязкой, плавала морозная дымка.

Сержант-пехотинец, положив на брус автомат, стоял в стрелковой ячейке и внимательно вглядывался в пустынную, посветлевшую от снега даль. Впереди отчетливо виднелись кольца проволочных заграждений. Внизу, в километре, у самого ската высоты, черной лентой тянулся лес. Совсем рядом плескалась речка.

Сержант пристально следил за нейтральной полосой, задерживая взор на пологих берегах реки.

Из штаба полка еще в двенадцатом часу позвонили, что с той стороны должны вернуться разведчики.

Приближался рассвет. Все явственнее начали проступать сквозь серую кисею и лес, и ряды проволоки, и белые бугры немецких траншей, и густой кустарник, щетинившийся по обеим берегам. Если пойдут, то только сейчас. Хорошо, что речка ни у нас, ни у немцев не перегорожена проволокой. Надо смотреть и смотреть...

Сержант метр за метром просматривал берег. Пустынно и тихо.

Но вот где-то рядом плеснулась речка, хрустнул лед, и словно сказочный ледяной богатырь вдруг поднялся из воды и вышел на берег. Согнувшись под тяжелой ношей, видимый сотнями глаз, пошатываясь, он пошел к траншее. Как по команде, затарахтели немецкие пулеметы. А человек, не ускоряя и не замедляя шагов, точно ему было все безразлично, продвигался вперед. Подошел к траншее, бережно подал сгрудившимся солдатам ношу и медленно опустился на землю. Десятки рук протянулись, чтобы подхватить этого великана в обледенелой одежде.

Разведчик открыл глаза, повернул серое, обмороженное лицо, попытался встать. И внезапно в его смертельно усталых глазах вспыхнула жизнь. Скрипя стылой одеждой, опираясь о стенку траншеи, разведчик медленно выпрямился.

— Товарищ майор... Задание выполнено... Мост взорван. А тут...—он поискал глазами плащ-палатку.—Наш лейтенант... Остальные не вернутся...

ДАЙ РУКУ,

У

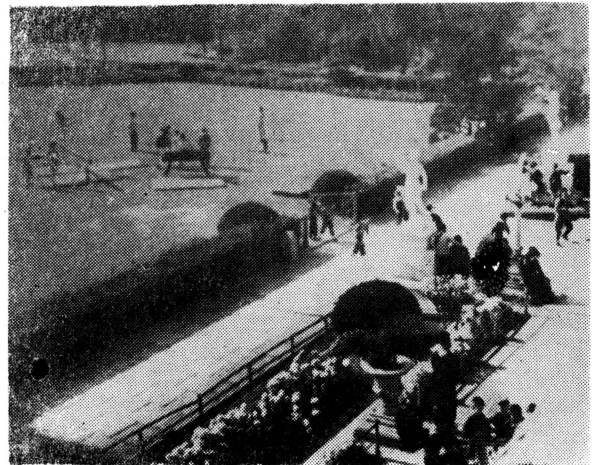
же много лет сотни свердловских школьников ведут оживленную переписку с ребятами из различных стран мира. Пионерские дружины большинства школ города обмениваются письмами со многими зарубежными детскими организациями.

В Свердловском Дворце пионеров создан Комитет по интернациональной дружбе. Собирается он по воскресеньям.

При Комитете работает три секции.

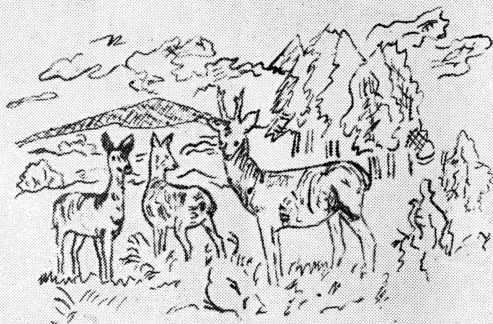
Много разных вопросов обсуждается на заседаниях Комитета: как помочь организовать переписку с зарубежными друзьями, как оформить школьный уголок интернациональной связи, как провести в отряде или дружине интересный сбор, посвященный дружбе и миру. В Комитете регулярно проводятся беседы о той или иной стране, проходят встречи со студентами стран народной демократии и с товарищами, которые побывали за рубежом. Так, например, секретарь горкома комсомола Инна Борисова рассказала ребятам о жизни пионеров международного лагеря в Польше, где она побывала прошлым летом. Пионеры этого лагеря прислали свердловчанам подарки. Самым дорогим подарком был пре-

Парк Шанхайского Дворца пионеров.

ШКОЛЬНИКОВ

Люда Серова
дворец пионеров
и Свердловск
УУУР

Люде
нарисовала Эрилла

ТОВАРИЩ ДАЛЕКИЙ!

красный барельеф Эрнста Тельмана, чье имя носит пионерская организация Германской Демократической Республики.

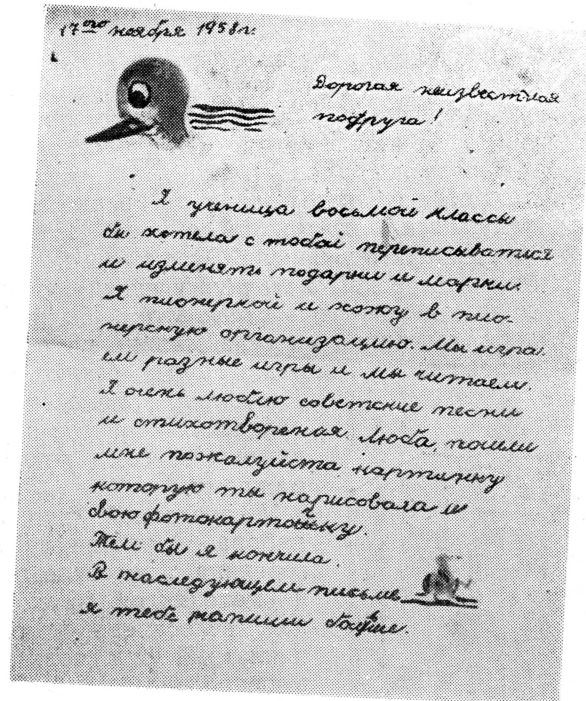
Члены Комитета разучивают игры, песни, танцы разных народов мира. Читают о них много интересных книг.

Комитет интернациональной дружбы получает письма и посылки из Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Румынии, Польши, Франции, Бельгии, Англии, Дании. Много хороших писем на русском языке пришло из Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики, Вьетнама, Индонезии, Индии и с острова Цейлон.

Мы ведем два альбома. В одном — храним все полученные письма, открытки, фотографии, во втором — записываем адреса.

В ответных письмах ребята рассказывают о жизни пионерских организаций, о самых интересных своих делах, о родном городе и его исторических памятниках, посылают открытки, фотографии и всевозможные поделки, изготовленные своими руками.

Любовь КРАПИВИНА,
руководитель Комитета
интернациональной дружбы

Заседание Свердловского
Комитета интернациональ-
ной дружбы.

Уральский СТАРОЖИЛ

РОСТОМ С СЕМИЭТАЖНЫЙ ДОМ

Недавно редактор журнала предложил мне съездить в Сысерть — небольшой старинный городок в пятидесяти километрах от Свердловска — и рассказать о заводе гидромашин.

Когда я увидел завод, то крепко призадумался. Что писать о нем? Если б Уралмаш, Челябинский тракторный или Магнитогорский металлургический, тогда другое дело — гиганты! А этот... Ни труб тебе дымящих, ни гула машин, ни рева паровозов... Тишина. Почти безлюдно.

Несколько маленьких заводских корпусов выглядят совсем по-домашнему.

У проходной, вдоль забора растянулась вереница велосипедов и мотоциклов. Такой же велосипедно-мотоциклетный ряд, только в специальном деревянном стойле я заметил и на территории завода.

Может быть, я не туда попал?..

— Какую продукцию выпускают ваши цехи? — спросил я у инженеров.

— Насосы и турбины.

Услышав о мелких и крупных насосах, я сразу все понял: мелкими насосами накачивают камеры велосипедов, а крупные — для мотоциклов.

— Это машины наших рабочих, — в ответ на мою догадку услышал я. — А насосы мы выпускаем совершенно другого назначения.

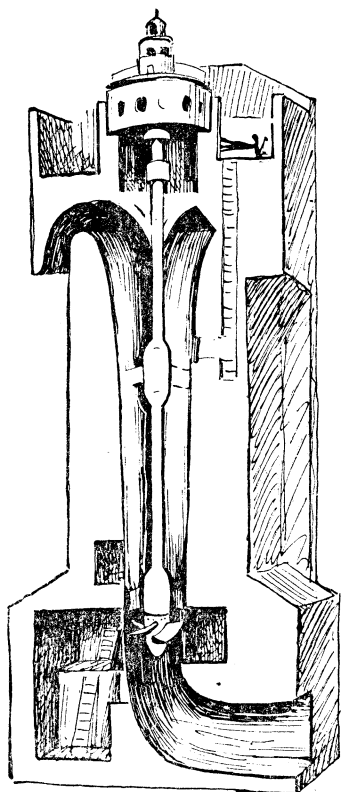
И действительно, пройдя по цехам, я убедился в некоторой «неточности» своих представлений... Крупные насосы оказались весьма внушительными: весом до 70 тонн, а ростом с семиэтажный дом!

— Для чего нужны такие гиганты? Где применяются, как работают? — Изумленный, я забросал инженеров вопросами, и вот что они мне рассказали...

20 МИНУТ — И ОЗЕРА НЕТ

...Несколько уникальных насосов завод изготовил для Волго-Донского канала. У Волги и Дона различные уровни воды. Канал, соединяющий эти реки, проходит через безводный водораздел и состоит из горизонтальных участков-ступеней. На концах ступеней — шлюзы, которые нужны для подъема и опускания судна. Однако при каждом «шлюзовании» вода из верхней ступени сливается в нижнюю. Вот эту-то убыль воды на верхней ступени и восполняют насосные станции, забирая воду из реки или специального водохранилища.

...Корабль нуждается в ремонте. Затянуть его на берег — задача довольно мудреная, а в воде нельзя добраться до тех мест, которые надо отремонтировать. Чтоб решить задачу, используют док — большой заполненный водой ящик, в который входит корабль, после чего ворота ящика герметически закрываются. А потом на помощь приходят насосы. Они откачивают из дока воду, а когда ремонт закончен, вновь наполняют его водой.

Насос подает воду в шлюзы.

...Еще совсем недавно миллионы гектаров земли страдали без влаги. Сегодня орошение засушливых земель не такая уж сложная проблема. Уральский завод гидромашин производит насосы, способные забирать из водоема в течение часа до пятидесяти четырех кубометров воды, создают они и насосы, которые поднимают воду на высоту до трех с половиной километров! А чтобы представить себе, что означает производительность насоса — 54 тысячи кубометров воды в час, можно добавить, что эта цифра почти в два раза превышает расход Москвы-реки в летнее время. Если собрать выпущенные заводом насосы и поставить их, например, на озеро Шарташ, что около Свердловска, не пройдет и 20 минут — и озера как не бывало... С такими насосами не только засухи, но и наводнения не страшны.

...На дне моря обнаружены богатые залежи полезных ископаемых. Добывать их под водой немудрено. Нужный участок моря огораживают и так же, как при ремонте кораблей в доках, выкачивают из него воду... Дно сухое. Люди приступили к добыче. Однако деятельность насосов на этом не заканчивается: ведь люди работают ниже уровня воды, море у них над головой! На страже стоят те же насосы. Они охраняют безопасность людей, техники и сооружений.

МАЛЕНЬКИЕ, ДА УДАЛЕНЬКИЕ

— Спасибо, теперь мне все ясно, — поблагодарил я товарищей.

— Но мы не рассказали вам еще о мелких насосах...

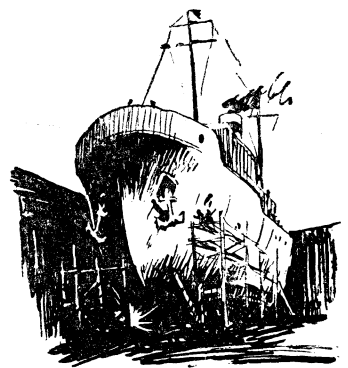
Я небрежно отмахнулся рукой:

— Мелкие — это неинтересно!

— Да вы без них и дня не проживете, — настаивали инженеры. — Попробуйте, особенно в городе, прожить без воды!

И они нарисовали мне картину безводного Свердловска. Осиротели заводы и фабрики, стоят немые, бездыханные. Не работают бани, закрыты столовые, не бьют изумрудные фонтаны. Люди сплошной вереницей с ведрами, бидонами, бачками идут со всех концов города к Верх-Исетскому пруду. Все это произошло бы в том случае, если бы не стало вдруг мелких насосов, предназначенных для снабжения населения и промышленности питьевой и технической водой.

Применение насосов в народном хозяйстве так широко, что не будь их, мы лишимся не только водоснабжения, но и электричества, потому что без насосов не смогут работать электростанции.

ЧТОБЫ СВЕТ НЕ ТУСКНЕЛ

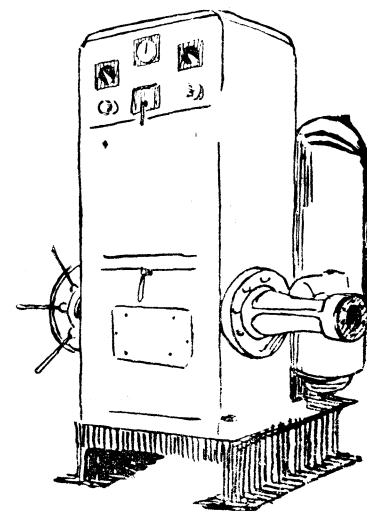
Для гидроэлектростанций (ГЭС) завод производит водяные турбины.

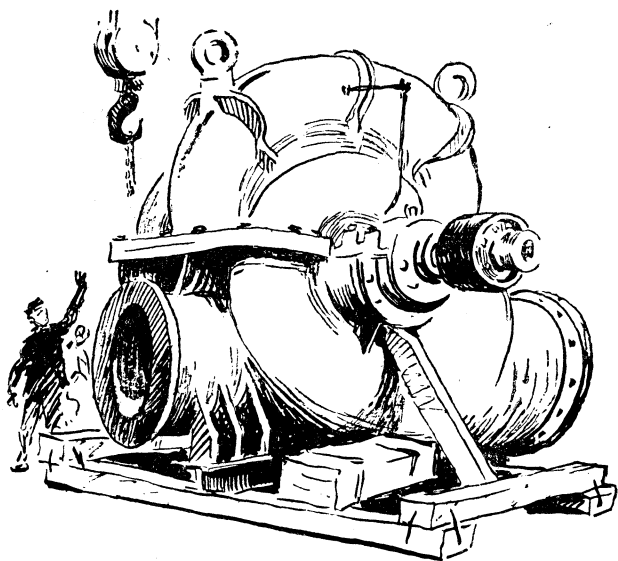
Гидравлические турбины, в отличие от паровых, обладают неприятной особенностью — у них изменчива скорость вращения. Весной и осенью, когда уровень воды в плотинах выше, напор сильнее, и турбина дает больше оборотов; зимой и летом напор слабее, и турбина вращается медленнее. Между тем, вырабатывающие электроэнергию генераторы установлены на одном валу с турбиной и требуют от нее постоянного количества оборотов.

Скорость вращения турбины меняется от загрузки генератора, поэтому она непостоянна и в течение суток.

Днем в домах не включают освещение, мало пользуются электрическими плитками, утюгами, чайниками... да и заводы потребляют энергию не всегда равномерно. Кто не замечал, как иногда, обычно по вечерам, когда нагрузка в электросети непрерывно возрастает, свет вдруг неожиданно тускнеет, а потом постепенно достигает прежней яркости... Происходит это потому, что регулирование скорости турбины в соответствии с нуждами города производится вручную и само по себе требует времени, поэтому совершается подчас с запозданием. Читателю книжку временные колебания яркости света не помеха, а вот на заводах, где работают сотни моторов, такие манипуляции портят немало нервов.

Уралгидромаш вы-

пускает автоматические регуляторы скорости, которые не допускают подобных казусов. Производя переключение в какие-то доли секунды, автомат управляет турбиной, точно учитывая и напор воды, и сколько энергии в данный момент суток берут промышленность и население.

ДЛЯ ТРОПИЧЕСКИХ СТРАН

В одном из цехов люди красили собранные машины. В носдри ударил какой-то неприятный терпкий запах.

— Это краска такая,— объяснили мне.— Она обязательно должна иметь острый запах.

— Но для чего?— удивился я.

— Чтобы тропические насекомые, которые грызут все, вплоть до металла, не подступали к машинам. Над ее составом работали ученые.

Насосы и турбины для тропических стран проходят на заводе дополнительную обработку. Такой же состав против необычных насекомых добавляется и в

резину, и в прокладочный материал, а для предохранения смазки от тропической влаги масло заключают в специальные герметические сосуды.

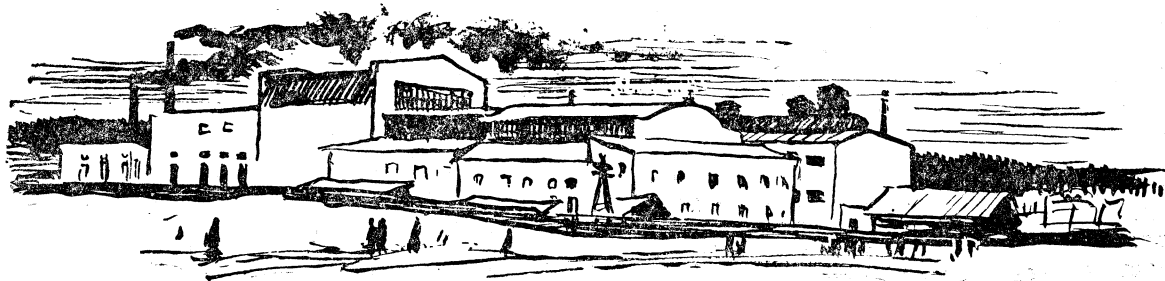
УРАЛЬСКИЙ СТАРОЖИЛ

От каменных стен заводу управления, толщиной более метра, веет глухой стариной. Когда-то, в первой половине восемнадцатого века, был основан Сысертский доменный завод. Он был расположен в четырех местах. А на площадке сегодняшнего завода находились тогда механические мастерские под названием Гвоздарня. Почти 200 лет, переходя из поколения в поколение, «железодельный» завод принадлежал капиталистам Турчаниновым, а накануне Октябрьской революции перешел в руки английской концессии «Сысерт компани Лимитед».

В двадцатые годы завод был дважды законсервирован, в тридцатые — неоднократно менял профиль и только в 1942 году определил свое производственное лицо: в разгар Великой Отечественной войны он освоил мирную продукцию — первые уральские гидромашинны.

Мне показали интересную картину-схему. В центре ее — маленький городок Сысерть, а от него во все стороны, словно лучи солнца, расходятся короткие и длинные линии. Они указывают путь уральских гидравлических машин: тут и Каховское море, и Волго-Донской канал, и Самгорский гидроузел, Ангарская, Якутская, Цимлянская гидроэлектростанции... Всех линий не перечислишь. Они растут с каждым годом, выступают за пределы страны, пересекают Чехословакию, Германию, Китай, Афганистан, Сирию и достигают тропиков.

Уральский старожил... У него богатая история и славные дела.

А. ПУДВАЛЬ

*Уходит
парнишка
на службу*

Уходит парнишка на службу
и руки товарищам жмет.
Про верную долгую дружбу
Баян на прощанье поет.

Девчонки замолкли в сторонке,
и робок застенчивый взгляд.

С немим уваженьем девчонки
на парня сегодня глядят.

Как будто бы это не Жорка,
не рядом как будто бы рос,
не тот, что за косы их дергал,
не раз доводил их до слез.

Стоит на платформе он шаткой
и по сердцу всем, по душе:

не просто какой-нибудь штатский,—
защита державы уже...
Но близится час расставанья.
Он слов не отыщет никак,
смущенный всеобщим вниманьем,
кепчонку терзает в руках...

Прощанья волнующий гомон,
простуженный колокол бьет.
И тронутся скоро вагоны,
и парень кепчонкой взмахнет.

Уедет далеко от дому
родные стеречь рубежи.
С приветами добрым знакомым
в тот дом почтальон заспешит.

*О нашей
АРМИИ*

Подводный АТОМНЫЙ ГИГАНТ

Удобные суда — подводные лодки. Но все они имеют малую скорость под водой, небольшой размер, не могут долго плавать. Им еще очень далеко до знаменитого «Наутилуса», созданного фантазией прославленного писателя Жюль Верна около 90 лет назад.

Однако с появлением атомных силовых установок положение изменилось: стало возможным строить огромные подводные корабли, которые будут подолгу оставаться под водой и плавать там с большой скоростью. Это позволит использовать их для самых разнообразных целей.

Сообщение о таком корабле сделала японская фирма «Мицубиси» на международной конференции по атомной энергии в сентябре 1958 года в Женеве. Японские инженеры разработали проект подводного атомного танкера, грузоподъ-

емность которого составляет 30 000 тонн жидкого груза. Другими словами, один этот танкер может вместить столько нефти, бензина и керосина, сколько перевозят двенадцать железнодорожных составов! Его длина будет равна 180 метрам, а диаметр средней цилиндрической части — двадцати четырем метрам.

На танкере установят атомный реактор такого же типа, как и на первой в мире советской атомной электростанции. Он даст пар двум главным турбинам общей мощностью в 22 000 лошадиных сил. Они будут вращать гребные винты. Такая сила позволит двигаться танкеру под водой со скоростью в двадцать два узла (больше сорока километров в час). Заправляться топливом атомный танкер будет один раз в два года.

А есть ли смысл строить такой танкер? Мо-

О нашей АРМИИ

Михаил НАЙДИЧ

Дети

Два паренька.
Один, лихой, курносый,
Из снега строит крепость у ворот.
И каждый день —
как Александр Матросов
И каждый день —
бросается на дот.
А вот другой,
почти такой же малый,
Собрал морщинки острые у глаз.
Он старше...
Он почувствовал, пожалуй,
Что это можно сделать
Только раз!

Часовой

Ночь туманная и мгlistая,
Всюду капельки воды.
Ветру нравится пошвыстывать,
Вот и врзался в сады.
Часовому нынче холодно,
Нелегко сейчас ему...
Но стучится сердце молодо,
Зорко взгляд пронзает тьму!
Значит, будет до последнего
Он стоять, и весь секрет
В том, что видим мы наследника
Завоеванных побед,
В том, что видим продолжателя
Нашей хватки огневой...
Да!
Непросто поджигателям
Начинать с такими бой!
Служит честно и старательно
Боевитый паренек...
Ночь... И палец указательный
Лег на спусковой крючок!

жет быть, проще создать надводный атомный танкер, и он окажется лучше?

Нет, подводный корабль будет лучше. Дело в том, что при движении корабля по поверхности воды на ней образуются волны, скорость снижается. Под водой волн нет, и кораблю легче плыть. Поэтому на нем можно установить менее мощные механизмы. Не боится он и шторма.

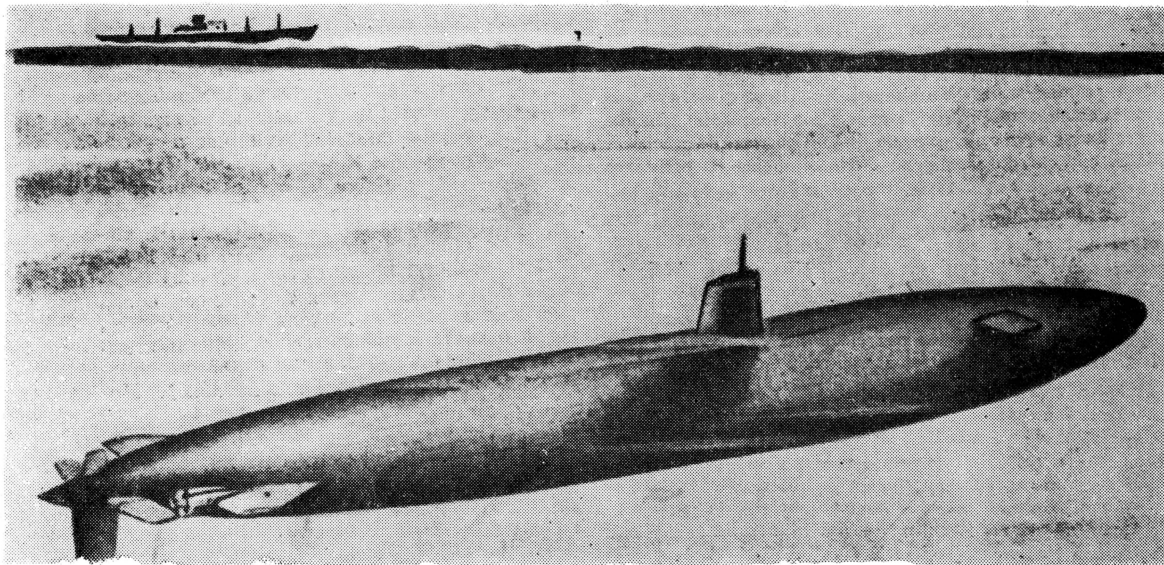
Водонепроницаемая часть подводного корабля, или, как ее называют судостроители, его прочный

корпус, может быть сравнительно небольшим, так как в нем нужно разместить силовую установку, приборы управления и помещение для команды. А весь груз будет расположен в так называемом легком корпусе. Это значительно уменьшит вес корабля.

Вот такой атомный гигант уже будет похож на знаменитый корабль капитана Немо!

Л: ВИНОГРАДОВ,

г. Москва.

ГЕРОИ УРАЛА

ИВАН КУТЯКОВ

Иван Кутяков — один из героев повести «Чапаев». В некоторых изданиях он назван своим именем, а в других значится Сизовым. В фильме Кутяков показан под его боевой кличкой — Елань.

Бывая на Южуралмашзаводе, я часто слышал о технологe Владимире Кутякове, который последнее время разрабатывал оснастку для производства крупного прокатного стана по заказу Польской Народной Республики. Однажды я должен был написать об этом заказе и встретился с Кутяковым. Он ответил на все мои вопросы, познакомил с новшествами, предложенными в процессе работы. Затем я спросил:

— Извините, Владимир Иванович, но вы, наверное, знаете, что первым заместителем Чапаева был Кутяков, которого звали еще Елань. Не родственник ли это вам?

Инженер со спокойной улыбкой ответил:

— Иван Семенович Кутяков — мой отец.

Он пригласил меня к себе на квартиру по Синегорскому проезду, 5. Мне показали семейный альбом. Фотография Чапаева... Группа бойцов и командиров Чапаевской дивизии... Вот и сам леген-

дарный Кутяков — с костылем, рука перебинтована.

В книге Фурманова, который хорошо знал Кутякова, дается очень верный портрет заместителя Чапаева.

«Измученный непрерывны-

ми боями, дважды раненный, потерявший всякую способность спокойно мыслить и говорить, в двадцать два года казавшийся стариком,— таков был командир бригады Иван Кутяков.

Он еще в 1917 году бросил в деревне свое незамысловатое хозяйство и поступил в Красную гвардию. Скоро судьба столкнула его с Чапаевым, которому пришелся Кутяков по душе умной речью, быстрым делом и поразительной смелостью, доходившей до безрассудства. Чапаев назначил его командиром пешей разведки. И были случаи, когда втроем-вчетвером подбирался Кутяков к спящим казакам. «Откроет пальбу, нагремит, обезоружит и пригонит, глядишь, разом десятка полтора. Этих дел за ним числилось множество, таких же лихих, фантастических операций, которые выделял и так любил сам Чапаев. На Иргизе, в Гусихе, Кутякову пробило ногу, похворал-похворал, отлежался. Чуть рана поджила — он опять в строй. Побыл недолго — в новом бою пробило руку. И не страшна была рана, не пугали операция, боль, мучительное лечение,— это все бы пустяки, а вот жалко оставлять боевых товарищей. И тут не долежал — воротился раньше времени...»

Альбом фотографий, письма чапаевцев, документы, которые бережно хранят Владимир Иванович и его жена Полина Федоровна Белобородова — дочь начальника снабжения кутяковской бригады, рассказывают об Иване Кутякове.

Тяжелым было его детство, сына бедняка, внука крепостного. В шесть лет он стал поводырем нищих, в восемь — подпаском, в тринадцать — батраком. На службу в царскую армию он пришел едва грамотным. Это было в 1916 году.

Февральскую революцию Кутяков встретил на фронте. Большие события быстро сделали крестьянского юношу зрелым человеком. Впервые услышав

Слева направо: И. К. Бунец, И. С. Кутяков, В. И. Чапаев.

большевиков, он всей душой почувствовал справедливость их дела и 1 мая 1917 года сам вступил в партию. Солдаты избрали его председателем ротного комитета, а потом и полкового. Зачастую приходилось работать тайком, тогда-то и получил он свою кличку Елань.

Под влиянием большевиков солдаты заявляли о своей готовности с оружием бороться за установление Советской власти. Кутякову выпала честь поехать в столицу, чтобы сообщить об этом Владимиру Ильичу Ленину.

После Октябрьской революции Иван Кутяков возвратился на Урал в свой родной Ни-

колаевский (позднее Пугачевский уезд). Но контрреволюция собирала силы, началась гражданская война, и большевик Кутяков не мог сидеть сложа руки. Он взялся за организацию красногвардейского отряда, который через несколько месяцев влился в чапаевский и вместе с некоторыми другими стал ядром будущего полка, потом бригады и, наконец, знаменитой дивизии. От командира разведки до заместителя Чапаева — таков путь Кутякова-Елани за полтора года.

Большой талант в военном искусстве показал этот двадцатилетний парень. Однажды бригаде Чапаева дали задачу: выбить противника из Николаевска (Пугачева). Чапаев, выслушав своих командиров, решил: первому Пугачевскому полку захватить переправу через реку Большой Иргиз, оттянув на себя основные силы противника, а Кутякову со своим полком, носившим имя Степана Разина, зайти в тыл врагу и всем вместе атаковать его в селе Таволожке.

«Надо быть большим мастером, чтобы разыгрывать по нотам! Кутяков был мастер на этот счет выдающийся...» — пишет Фурманов в своей книге. В этой операции Кутяков со своим полком очень хитро сумел пройти под самым носом у тяжелой батареи противника и выйти в тыл.

Затем эскадрон и три батальона разинцев бросились в атаку. Впереди скакал командир полка. В бою он получил штыковое ранение, но поля боя не оставил. Когда весть о разгроме главных сил достигла вражеского командования, оно удрало из Пугачева.

Таких боевых операций Кутяков провел немало. Его бригада первой вступила в Самару, прославилась под Бузулуком, Бугурусланом, отличилась в боях за Уфу.

Сокрушительным налетом она взяла узловую станцию Чижму, выиграла жестокое сражение на реке Белой. Отбивали «психическую атаку», известную по кинофильму, между прочим, тоже под руководством комбрига Кутякова. Он сумел вселить в своих бойцов твердую уверенность в победе и организовать смертоносный удар по белым.

За взятие Уфы Кутяков, как и Чапаев, был награжден орденом Красного Знамени. К концу гражданской войны его грудь украшали четыре боевых ордена¹, а за ликвидацию Уральского фронта он был награжден почетным золотым революционным оружием с орденом Красного Знамени на эфесе.

Крупные удары по белым дивизия несла под командованием Чапаева, а потом завершила их разгром. Мстя врагу за смерть любимого комдива, части Чапаевской дивизии, собравшись с силами, перешли в решительное наступление по всему фронту и после 600-километрового марша в трудных условиях (крепчайшие морозы, тиф) ворвались в Гурьев.

Владимир Ильич Ленин прислал в дивизию телеграмму, в которой благодарил бойцов за героическую борьбу и ликвидацию Уральского фронта.

Потом Польский фронт, бои на Днестре, Здвиже, Уже... Дивизия Чапаева высоко несла свои не раз простреленные боевые знамена. Во главе ее шли командиры чапаевской выучки, а впереди — Иван Кутяков. В народной песне о Чапаеве не случайно есть такие строки:

Он умер, и не умер он!
И в грохоте подков
Ведет его дивизию
Товарищ Кутяков.
По коням и в погоне,
Сквозь степи и в огонь
Чапаевские конники
Несутся на врагов!

¹ Три ордена Боевого Красного Знамени и орден Красного Знамени Хорезма.

Много пришлось еще повоевать Кутякову: и с бандами Махно, и с басмачами. А после гражданской войны Иван Семенович взялся за учение. Он пришел в Академию генерального штаба и успешно ее закончил. В последующие годы, командуя дивизией, корпусом, Кутяков продолжал овладевать военной наукой. Сам он обогатил ее своими книгами: «С Чапаевым по Уральским степям», «Разгром Уральской белоказахской армии», «Контрудар Фрунзе на Восточном фронте в 1919 году» и другими. Эти книги до сих пор на вооружении у командиров Советской Армии.

Жизнь Ивана Семеновича Кутякова оборвалась незадолго до Великой Отечественной войны...

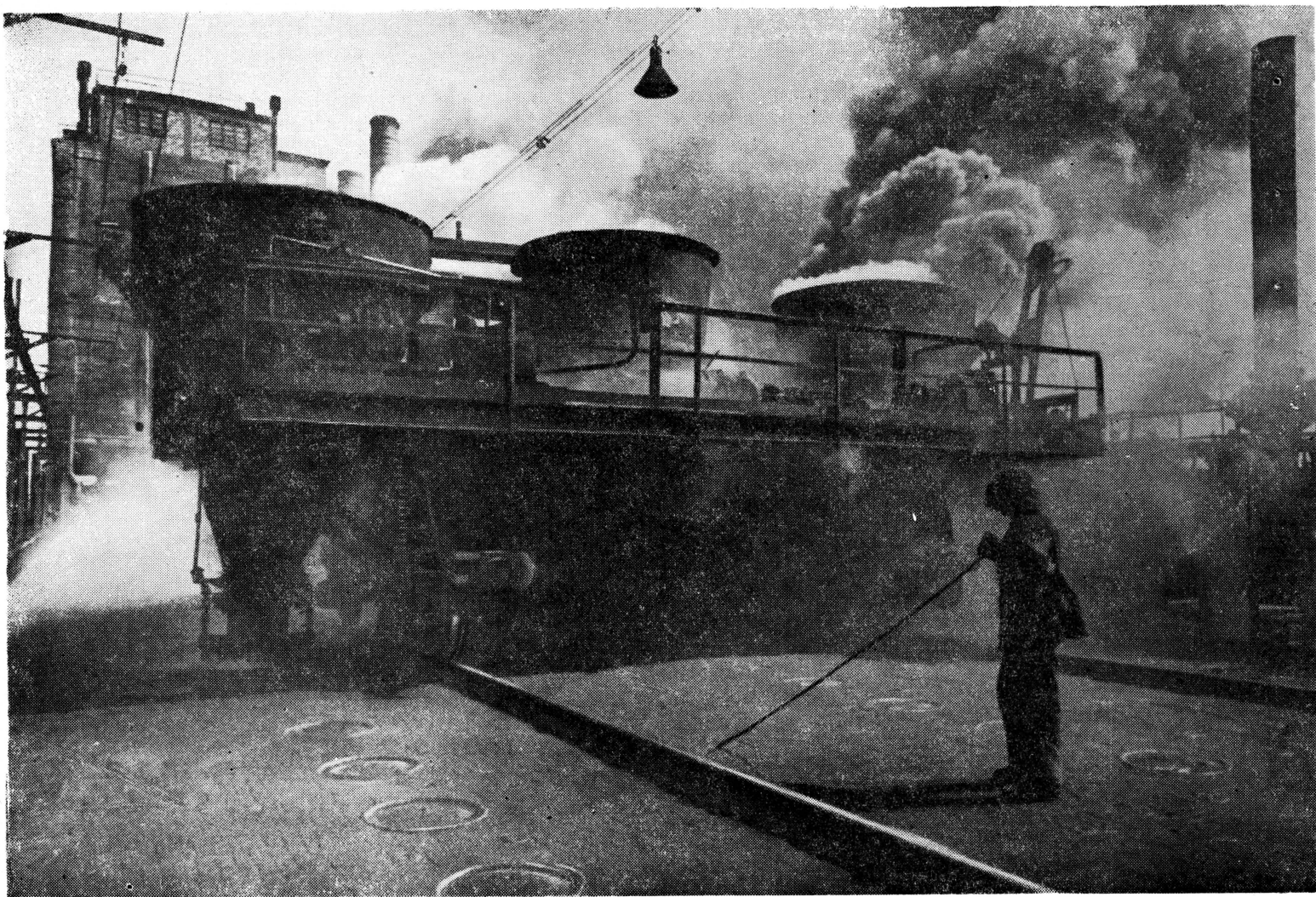
Делались попытки оклеветать Кутякова. Некоторое время назад в Саратове была напечатана «повесть», в которой ближайшего соратника Чапаева и его верного друга представили чуть ли не как виновника лбищенской трагедии. За доброе имя замечательного командира вступились заслуженные чапаевцы: генерал-полковник артиллерии Герой Советского Союза Н. Хлебников, М. Попова и другие. Они выступили в «Правде» с письмом «Клевета на героя гражданской войны». Честное имя помощника Чапаева не очернить!

Кутяковы получают много писем. Среди тех, кто пишет, больше всего чапаевцев. Они шлют весточки отовсюду: из Москвы и Куйбышева, Ленинграда и Саратова. По всей советской земле живут участники битв за Советскую власть и свято хранят память о тех, кто вел их на врага. Теплые, сердечные письма прислали знаменитая пулеметчица Мария Андреевна Попова, дочь Чапаева Клавдия Васильевна и другие.

Я рассказываю лишь самое важное из того, что узнал, услышал сам. Мне хочется, чтобы наши юноши и девушки продолжили поиски бойцов и командиров легендарной Чапаевской дивизии. Это благородная и благодарная задача. На Урале живут десятки, возможно, сотни чапаевцев, и каждый из них хранит в своей памяти много интересного. Над этим стоит подумать уральским следопытам.

Л. БОЛЬШАКОВ,

г. Орск, Оренбургской области

Здесь мастера работают до пота,
нередко им бывает не до сна,
их боевую жаркую работу
родимая приветствует страна.

Фото Б. НАЗАРОВА.

НОВЕЛЛЫ О КАМНЕ

Профессор А. А. МАЛАХОВ

У каждого геолога есть своя заветная коллекция минералов, горных пород, окаменелостей. В ней хранится все то, что поразило его, оставило какой-то след в памяти. Некоторые образцы привлекают красотой, изяществом; иные заставляют задуматься над их происхождением, а многие представляют большую научную ценность, потому что в них скрыт какой-то пока еще не разгаданный научной факт.

В моей коллекции много таких образцов. Почти каждый из них — своеобразная новелла, короткий рассказ из мира камня.

Еще большее количество эпизодов хранит моя память. В ней тоже, как в коллекции, запечатлены случаи из практики и путешествий, хранятся мысли, факты, обобщения.

Бывает так: какой-то эпизод врезался в память, поразила воображение. Затем прошло некоторое время, накопились новые факты, и мысль вновь возвращается к нему. И тогда уже намечаются пути решения не разгаданного ранее.

Многие годы листок за листком откладывались в моем рабочем столе заметки и воспоминания, размышления и предположения, связанные с миром камня. Из них-то и составились эти новеллы о камне. Это как бы заметки на полях непрочитанных листов «каменной книги».

1. По стопам легенды

Как-то раз я рассматривал карту Пермской области, где были нанесены условными знаками места находок мамонтовых костей. Меня удивило, что во многих районах нет сведений о находке остатков мамонтов. А ведь должны быть!

Где же они?

Оказывается, в глухих районах Пермской области до сих пор каждая находка костей мамонта окутана тайной. Местные жители прячут найденные кости на чердаках и в погребках. Тайком, скрываясь от людей, пожилые люди отпиливают от кости маленькие кусочки, толкут их, растирая в тончайший порошок, и потом небольшими дозами принимают внутрь. До сих пор многие верят, что мамонтовые кости способствуют долголетию.

Легенду о драконовых (а иногда и мамонтовых) костях можно услышать в различных уголках земного шара. В 1700 году в одном из пунктов Германии нашли сразу более 60 бивней мамонтов. Часть их передали в музей, а часть сдали... в аптеку, где их истолкли в порошок и стали продавать как лекарство — «драконову кость», способную излечивать все болезни.

Пойдемте по стопам этой легенды. Конечно, вначале надо узнать, что представляет из себя мамонтова кость.

Недавно профессор Свердловского горного института Г. Н. Вертушков доказал, что в костях мамонта, найденных в окрестностях города Камышлова, содержатся два минерала: ньюберит и коллофанит. Ни того, ни другого минерала до этого на Урале не встречали. Они возникли в костях мамонта после сложных химических реакций.

Может быть, в них-то, этих минералах, и кроется разгадка легенды? Может быть, люди, употреблявшие в пищу кости мамонта, принимали ньюберит и коллофанит в различных сочетаниях и пропорциях? Ведь никто из медиков не изучал свойства этих минералов. Может быть, они способствуют долголетию человека?

А вот второй путь разгадки легенды. Группа ученых одного из уральских музеев провела любопытные исследования. Они взяли бивни мамонта и изучили степень их радиоактивности. Оказалось, что некоторые бивни мамонта радиоактивны, причем неравномерно: у основания бивня активность незначительна, а у окончания повышается.

Может быть, на долголетие влияют радиоактивные свойства бивней? Может быть, прием внутрь некоторых радиоактивных соединений (в незначительных, конечно, количествах) способствует облучению внутренних органов человека? А это приводит к долголетию.

Но повышенная радиоактивность, говорят, разрушает организм. Вдруг примешь такой порошок и не удлинит, а укоротишь свою жизнь?

Изучением этого никто пока не занимался.

2. Кто съел аметист?

Недавно геолог Александр Васильевич Глазков нашел на Ватихской копи около села Мурзинки необычный образец аметиста. Грани кристалла оказались как бы изъеденными. Лупа помогла увидеть на шероховатой поверхности граней скопление каких-то минералов.

Сделали химический анализ. Оказалось, что минералы принадлежат к группе сидеритов — карбонатов железа. Но мы знаем, что сидерит, как говорят, «неактивен»: он не мог химически воздействовать на кварц. В чем же дело?

С такой же загадкой, но иных минералов встретились и другие ученые. Загадку стали разгадывать.

Несколько лет тому назад на вершины Тянь-Шаня на высоту в 4—5 тысяч метров от уровня моря взобралась необычная группа альпинистов. В их рюкзаках лежали странные металлические баллоны.

Зачем? Оказывается, в зоне вечных снегов иногда встречаются участки горных пород, покрытые тонкой, как рубашка, корочкой полярного загара. За ней-то и пришли альпинисты. Они отобрали образцы корочки и в запаянных баллонах с большой осторожностью доставили их в Москву.

Профессор М. А. Глазковская, изучавшая привезенные образцы, установила интересное явление. Почти на каждом из минералов встречаются... своеобразные бактерии и микроскопические грибки. Камень съели бактерии!

Выяснилось, что есть бактерии, которые питаются исключительно роговой обманкой (есть такой минерал), но, если их пересадить на полевой шпат, они умирают. Есть микроскопические грибки, питающиеся только полевыми шпатами. Пересаженные на роговую обманку, они не развиваются.

Наибольшее количество бактерий, как известно, встречается в обычных почвах. Подсчитали, что один гектар пахотного слоя почвы лесолуговой и степной зон содержит от 5 до 10 тонн живых микроорганизмов.

Исследователи океанических впадин, путешествовавшие на специально оборудованном судне «Витязь», обнаружили бактерии на глубине в 10,5 километра.

Есть бактерии, в результате жизнедеятельности которых возникают железные руды. Другая группа бактерий усваивает азот из воздуха.

Находка геолога Глазкова, по-видимому, добавит новый штрих к нашим знаниям о деятельности бактерий в мире камня.

3. Жизненное пространство

Проходя мимо витрин в минералогических и краеведческих музеях, мы всегда любимся красивыми друзьями великолепных кристаллов и минералов. Но, рассматривая их, мы часто даже и не подозреваем о той сложной жизни, которую пережили эти каменные соцветия.

Если проследить условия образования минералов и горных пород, то можно найти примеры, напоминающие нам условия жизни живой природы: можно говорить и о «мирном сосуществовании» отдельных семейств минералов, и о сложной «борьбе за освоение жизненного пространства».

В музее Свердловского горного института посетители часто останавливаются около витрин, где подобраны уникальные кристаллы горного хрусталя, аметистов и полевого шпата. Один из образцов, найденный в Петрокаменском районе, очень интересен. Мелкие кристаллы аметиста выросли на крупный и образуют как бы один цельный кристалл — настоящее семейство.

Мы знаем и другие закономерные сочетания отдельных минералов.

Так, во всех странах мира золото почти всегда встречается с кварцем. Нашел кварцевую жилу — посмотри, нет ли в ней желтых крупинок золота! Счастливицам в таких жилах попадали «крупинки» в несколько килограммов весом.

Можно назвать и других «близнецов». Галенит (свинцовый блеск) всегда встречается со сфалеритом (цинковой обманкой). Оба эти минерала в уральских колчеданных месторождениях находятся обычно в сочетании с медной рудой и пиритом. Киноварь (сернистая ртуть) почти всегда соседствует с антимонитом — сурьмяной рудой.

Эти минералы и многие им подобные мирно сосуществуют друг с другом, занимая определенные участки жизненного пространства.

Когда стали детальнее изучать законы сосуществования минералов, то увидели, что это связано с условиями той среды, где они формировались.

Вот, например, гипс в зависимости от условий среды находит себе различных спутников. Если он выпадал из осадка на дне морского залива, вместе с ним отлагались различные соли: калийные, натриевые, магниевые. Если накапливался в жерлах вулканов, с ним отлагались красивые кристаллы разнообразных соединений бора. Иногда гипс накапливался при выветривании некоторых горных пород. В этом случае его спутниками становились гидроокислы железа и каолиновые глины.

Законы сосуществования, или парагенезиса, минералов раскрывают нам не только такие мирные картины. В определенных условиях может возникнуть «антагонизм» минералов. Кварц и нефелин, образно выражаясь, терпеть не могут друг друга — никогда не встречаются совместно. Кварц и кальцит часто бывают добрыми соседями, но их никогда не встретишь вместе, если они образовались при высокой температуре и не очень большом давлении.

Не все протекает мирно в природе. Активно и ожесточенно у некоторых минеральных видов протекает «борьба за жизненное пространство». Случай такой борьбы описал профессор Ленинградского горного института Д. П. Григорьев.

На неровной поверхности горной породы отложился малахит. Определились центры его роста. Но не во всех участках существовали условия для роста. Лучше всего росли те, что располагались повыше. К ним притекло больше питательных растворов. Их незадачливые родственники, жившие в пониженных зонах, были в худ-

На цветной вклейке рисунки А. Ряудина к «Новеллам о камне» профессора А. А. Малахова.

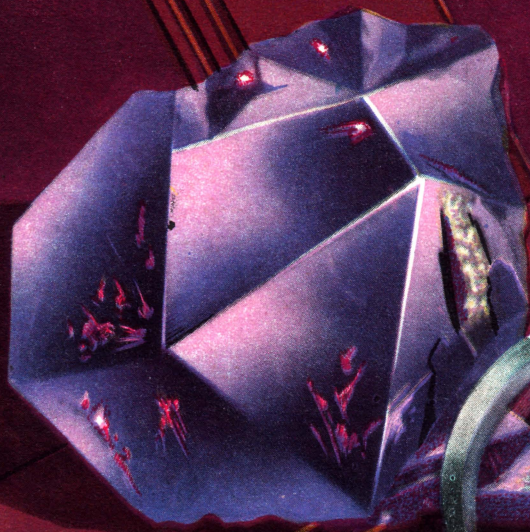
1. Самолет в «мертвой петле»? Фантастический стратегический план летит на Луну? Это образец пейзажного агата.

2. Кристалл аметиста съели бактерии.

3. На срезе малахита запечатлен момент «борьбы за жизненное пространство».

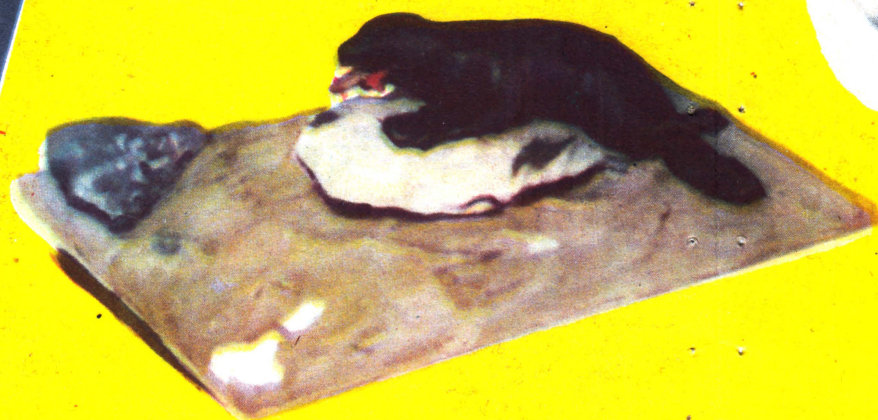
1

2

3

КОНКУРС СВЕРДЛОВСКОГО ЗООПАРКА

Наш зоопарк пригласил ребят принять участие в зоологическом конкурсе. Свои работы нам прислали школьники Свердловска и других городов области. Кто как умел нарисовал, вылепил, сделал вышивку известных животных и птиц.

Всем очень понравился пластилиновый косуленок Жени Сурсякова, ученика 3-го класса 2-й железнодорожной школы. Сережа Коркин из этого же класса вылепил тюленя. Красивый лебедь получился у Саши Стефанова из 4-го „Б“ класса школы № 100, а черепаха Тани Панкратовой из 4-го „Б“ класса 20-й школы, кажется, вот-вот зашевелится и медленно двинется в путь. Как живой, выглядит слон Коли Андреева (5-й класс, школа № 35).

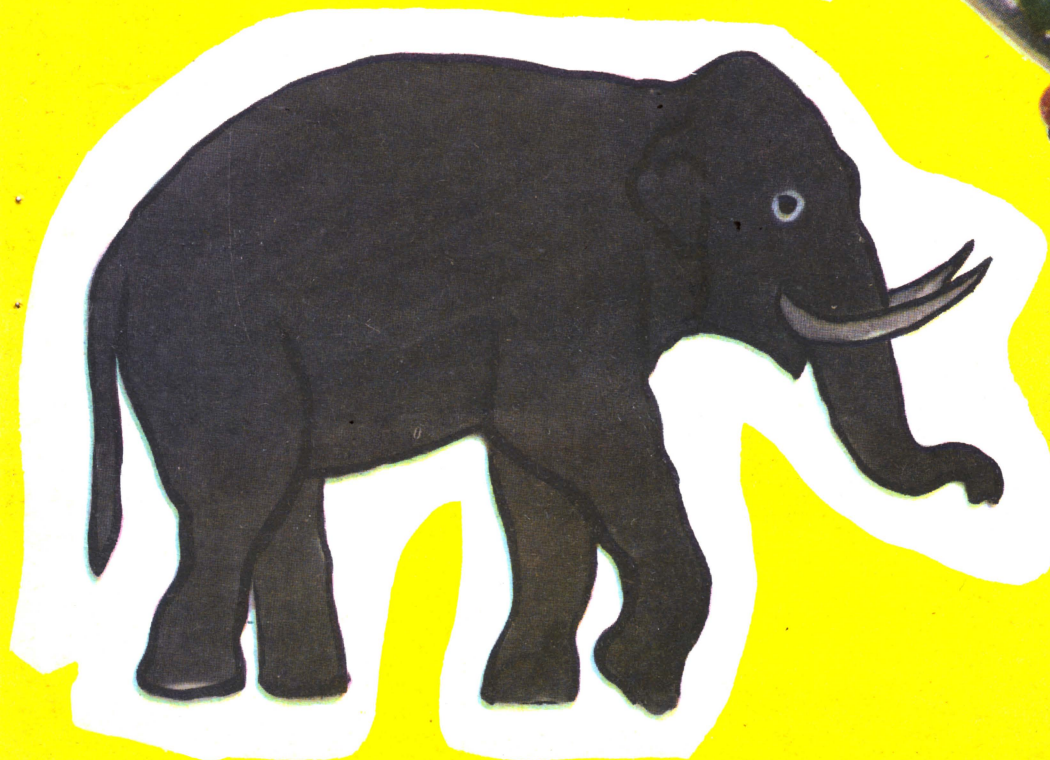
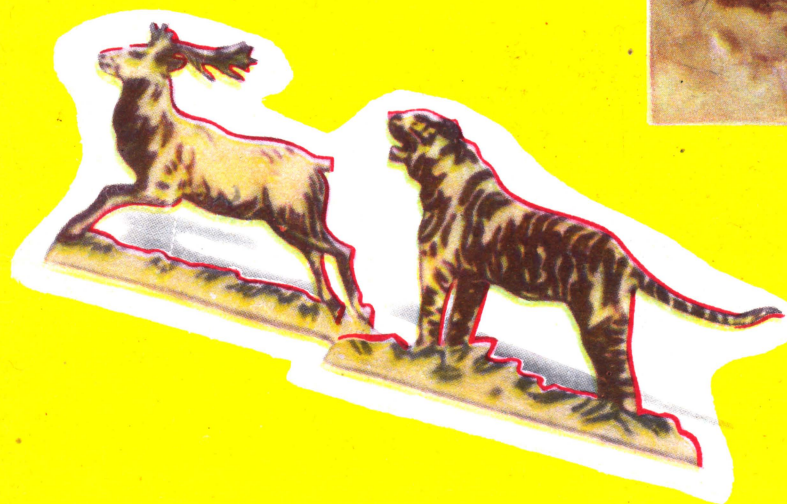
Вышивки принесли и девочки, и мальчики. Саша Тюшняков, ученик 5-го класса 20-й школы вышил крестом зайцев: заяц везет зайчонка на санках.

Интересно выпиливает и выжигает по дереву Володя Логинов, ученик 5-го класса школы № 20. Тигр и олень удались ему одинаково хорошо. Оригинальную лепку по стеклу прислали ученики 1-й школы Плеханов, Антонов, Аверкиев, Микитченко.

Лучшие произведения были премированы.

**В. БОСЕННО,
Е. СЛУКИНА,**
сотрудники

культурно-массового сектора
Свердловского зоопарка

ших условиях. Они вынуждены были уступить «жизненное пространство» наиболее удачливым соперникам.

В витринах почти всех геологических музеев можно встретить отполированные камни, испещренные клиновидными знаками, похожими на древнееврейские письмена. Это дало основание называть минерал «письменным гранитом».

По одной из теорий образования письменных гранитов такие породы возникли из остаточного расплава магмы. В таком расплаве были вещества, которые дали начало двум минералам: кварцу и полевоому шпату. Когда расплав достигал критической температуры, происходила мгновенная кристаллизация этих веществ. Каждый минерал, кристаллизуясь, стремился занять определенное пространство, и кристаллы, формируясь, протыкали друг друга.

Еще более сложная «межвидовая борьба» идет непрерывно под землей при активном участии подземных вод. Сравнительно легко под землей растворяются известняки. А на их месте часто возникают другие породы. В Третьем Северном руднике на Урале был найден коралл, состоящий из магнетита. Когда-то коралл состоял из кальцита, но подземные воды вытеснили кальцит, а освободившееся пространство занял магнетит.

* * *

Мы привели примеры своеобразной жизни камня: здесь и «мирное сосуществование», и «антагонизм», и сложные виды «внутривидовой» и «межвидовой» борьбы.

И невольно встает вопрос: не поможет ли изучение этих явлений перекинуть один из мостов между живой и неживой природой?

Летом 1957 года в Москве собрались ученые из многих стран мира для обмена мнениями по вопросам происхождения жизни на Земле. На этом совещании господствовала теория, предложенная академиком А. И. Опаринным. Он подробно рассмотрел пути, которые привели к созданию белка из неорганических химических соединений. А белок — это основа жизни.

Как знать, может быть, в живом белке нашли отражение далекие этапы сложных процессов, происходивших в неживой природе? А может быть, все это элементы только случайного сходства?

4. Каменные пейзажи

Однажды, путешествуя в далекой Тиманской тундре, я нашел на берегу одной из рек красивый образец агата. На отполированной поверхности небольшого куска породы был отчетливо виден огненный силуэт вздымающегося вверх сказочного самолета. Как не сохранить такую ка-

На цветной вклейке рисунки А. Ряудина к «Новеллам о камне» профессора А. А. Малахова.

На отшлифованной поверхности образца пейзажной яшмы оказался девонский пейзаж.

менную картину! Она до сих пор хранится в моей коллекции.

В природе встречается много так называемых пейзажных декоративных камней, но неповторима красота пейзажных яшм.

Яшмы по праву принадлежат к числу красивейших декоративных поделочных камней. Только в окрестностях Орска на Южном Урале насчитывается до 200 их разновидностей. «Чего только ни увидите вы, рассматривая коллекции орских яшм! — писал академик А. Е. Ферсман. — Вот бушующее море, покрытое серовато-зеленой пеной... На горизонте сквозь черные тучи пробивается огненная полоса заходящего солнца.

Вот какой-то хаос огненно-красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара, и черная фигура всадника резкими контурами выделяется на фоне пламени. А вот мирный осенний ландшафт: голые деревья, чистый первый снежок, кое-где еще остатки зеленой травы...»

В частном собрании минералов мне пришлось как-то видеть удивительные по красоте образцы пейзажных яшм.

В одном из них на темном, почти черном, фоне видны две красные фигурки, очень похожие на силуэты женщины, закутанной в чадру. Вот женщина, прислушиваясь, наклонилась, другая ей что-то рассказывает. «Сплетницами» называют этот рисунок хозяин коллекции.

Особенно интересен образец пейзажной яшмы, хранящийся в музее Свердловского горного института. Как будто неведомый художник кистью написал бушующее море. Вдали группа вулканических островов, освещенных лучами заходящего солнца. На переднем плане какие-то причудливые линии, похожие на древнюю растительность (см. цветную вклейку).

Здесь, на этом образце, природа как бы рассказала нам о происхождении яшм. По одной из многочисленных теорий образования яшм Урал в далекие геологические времена представлял собой архипелаг вулканических островов, очень сходных с изображенными на рисунке. На дне архипелага накапливался вулканический пепел. При этом он часто смешивался в разнообразных пропорциях с разноцветным илом.

Затем море отступило. Урал стал невысокой сушей. Ил древнего моря стал обезвоживаться, уплотняться. Разноцветные кремнистые растворы, выдавливаемые из осадка, циркулировали в еще не уплотненном его слое и окрашивали образующиеся горные породы в различные цвета.

Прошли десятки миллионов лет. Породы уплотнились, из некогда рыхлого илистого осадка возникла разноцветная яшма. Полируя и шлифуя ее кусочки, человек и стал выявлять эти каменные картины.

ВСЕ ВМЕСТЕ

Из рассказов Кости Харитонова

На завод мы пришли все вместе, вторым: я, Витя и Галка. Галку так звали все потому, что ростом она была очень маленькая и косички у нее были черные-черные.

Мы пришли и сказали:

— Хотим стать рабочими.

Начальник отдела кадров удивился. Он приподнял на лоб очки, уселся поудобней на стуле, долго разглядывал нас, особенно Галку, а потом строго спросил:

— Сдюжите?

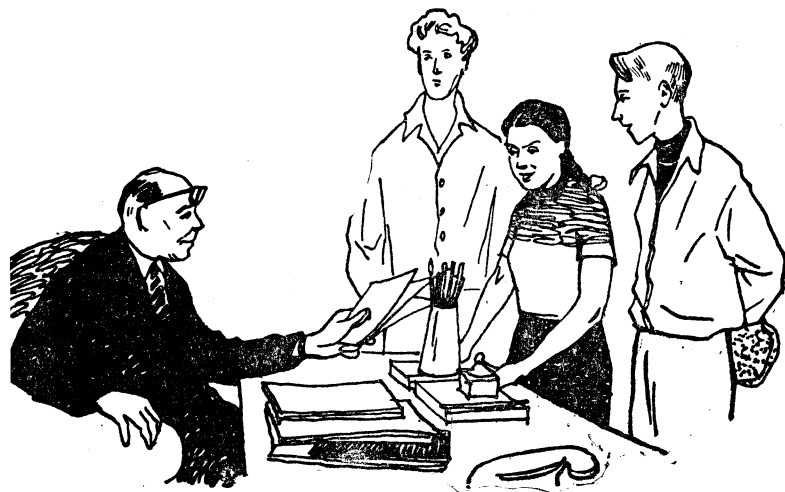
— Сдюжим!— легко и уверенно ответила Галка, как будто речь шла о каком-то пустяке.

У Галки вообще такая манера — все за всех решать самой: «сделаем», «приготовим», «поможем». Помню, в седьмом классе вызвали нас в пионерскую комнату. «Ребята,— сказала старшая вожатая,— нужно остаться после уроков и помочь четвертому «В» сделать газету». А было это шестого ноября. В семь часов в школе праздничный вечер, всем надо готовиться. Я решил отказаться. Не успел вымолвить ни одного слова, как Галка выпалила: «Останемся и сделаем». Вышли в коридор, я набросился на Галку. Она презрительно посмотрела на меня: «Можешь идти домой, сами справимся». Я к Витьке, ведь он мне друг. Но не тут-то было: Витька виновато потупился и молча поплелся за Галкой в четвертый «В». Что делать? Пошел и я.

Выпустили вместе стенгазету, вместе отправились домой, вместе вернулись на вечер. С того дня так и повелось: трудная задача — решаем вместе, на каток — вместе, интересная книга — читаем по очереди, а потом спорим вместе. Так в классе нас и стали называть «все вместе».

В те дни я мечтал стать знаменитым хирургом (у меня отец хирург). Галка воображала себя чемпионом Союза по конькам. Каталась она с увлечением, напористо, «технично», как говорил тренер. Все пророчили ей золотую медаль. Витька, по-моему, сразу родился математиком. Еще в первом классе он раньше других к двум прибавлял два, и даже пять умножал на пять. А потом... Любую задачу решал быстро и с выдумкой. С физикой и химией у него тоже получалось отлично. Отвечал кратко и «главное», так считали учителя. Но на литературе Витькино скудословие поражало всех. Отвечал он примерно так: «Онегин — представитель дворянского класса, лишний человек. Не удовлетворен светским обществом. Не может сблизиться с народом... Ну, и еще любил Татьяну». Последнюю фразу Витька произносил скороговоркой, как бы между прочим. Больше, чем на тройку, редко вытягивал. Когда мы его стыдили, Витя сердился: «Чего пристали? Моя область — точная наука». Так его и прозвали «точной наукой».

И вот мы все вместе решили идти на завод. Конечно, моя мама, как услышала, что я хочу стать рабочим, подняла настоящий бунт. Куда там восстание рабов в Риме!! Мама была убеждена, что из меня получится «крупный» врач. «Это у тебя в крови,— твердила она.— По наследству от отца». Но вмешался отец, и все стало на свои места. «Нечего за ро-

дительской спиной сидеть, — сказал он, — пусть поработает, почувствует самостоятельность. Если голова на плечах крепко держится, успеет и врачом стать».

Пришли мы в большой механический цех свердловского машиностроительного завода. Станки, станки, станки. Над головой краны, лица у людей сосредоточенные, шума ужасно много, все двигается, но суетни нет. Встретил нас мастер Сергей Никифорович Маслов. Спрятал под усами лукавую улыбку. «Были вы школьниками, а стали учениками-фрезеровщиками. Опять как бы в школу попали. Но ничего, не робейте». Сказал он это доброжелательно, хотел нас подбодрить. Но мы старались выглядеть бодро. Между нами говоря, мне было немного не по себе. Но рядом стояла Галка. Так разве ж можно робеть? Вид у нее был прямо-таки вопросительно-восклицательный: все ее удивляло, и за все хотелось поскорей взяться.

Сергей Никифорович развел нас по станкам к нашим новым учителям, и... пошли дни учебы.

Интересно смотреть, как устанавливается грубая заготовка, включается станок. Несколько минут — и вращающаяся фреза превращает заготовку в блестящую деталь. Помню, как мы первый раз работали самостоятельно. Только прогудел гудок на обед, примчалась Галка. Из-под косынки выбились волосы, распушились, рассыпались по высокому лбу, одна щека в черных разводах, другая пунцовая от волнения. В руке — деталь. Быстро-быстро, захлебываясь, Галка затараторила: «Смотри, Костя, смотри, Костя... сама сделала. Я ее в тумбочку

спрятала, чтобы не забыть, какая первая!» Но я открыл свою тумбочку и достал из нее деталь, точь-в-точь, как у Галки. «Тоже первая, и не хуже твоей». Витька работал по соседству со мной. Он молча воспроизвел мои движения, показывая свою первую деталь.

Так мы учились, уставали, были трудности, не все получалось, как требовали. Лучше всех работал Витька. Видно, ему «точная наука» помогала. Иногда мы с завистью посматривали на доску передовиков, на свежие «молнии», которые сообщали о разных трудовых успехах. Но и это нас особенно не огорчало. Ведь мы начинающие, успеем еще сказать о себе.

Самое большое огорчение принесла первая получка. Долго мы ломали голову, как ее разумней потратить. Решили порадовать родителей. Витя купил большой торт. «Остальное отдам матери для сестренки». Мы с Галкой приобрели по красивой вазе. Но именно вазы все испортили. Галка вечером пришла ко мне мрачная. От мамы ей попало: хотела Галке на зимнее пальто отложить, а тут она вазу принесла. Я успокоил Галку. Мне тоже досталось. Оказалось, что у нас уже есть такая ваза, которая почему-то раньше не попадалась мне на глаза.

Но я опять отвлекся и рассказываю не о главном. Главное случилось двадцать пятого декабря 1958 года.

Декабрь вообще знаменательный и, я бы сказал, замечательный месяц. Мы перестали быть учениками и стали самостоятельными фрезеровщиками. Правда, перед защитой рабочего разряда волновались больше, чем перед сдачей экзамена по физике нашему завучу Юлии Федоровне. А ведь комиссия состояла всего из двух человек: мастера Сергея Никифоровича, нашего главного помощника и учителя, и технолога цеха. Сошло благополучно: каждый получил четвертый разряд.

Но нам все-таки не повезло. Стоило нам стать полноценными рабочими, как в цех плохо пошли заготовки. На заводе нужного металла не хватало.

Весь завод готовился к встрече Нового года. На доске показателей стрелочки других цехов упорно и стремительно продвигались вперед: 75, 80, 90 процентов. Мы застряли позади. А большие белые буквы с лозунга, что висел перед входом

в цех, настойчиво звали нас досрочно выполнить план к Новому году. Мы же стояли на месте. Ох, и обидно было!..

Но с двадцатого декабря все изменилось. Заготовок пошло много. Работы — хоть отбавляй. А двадцать пятого случилось непредвиденное.

Окончилась смена. Мы с Витькой убрали инструмент, стали станки обтирать. Вдруг Галка прибежала: «Ребята! Что делать? Мой сменщик не пришел, заболел! На станке некому работать во вторую смену». — «Как некому? А ты, а я, а Костя? Все вместе будем», — решил на этот раз за всех Витька. Пошли мы к Галкиному станку. Но не тут-то было. Мастер категорически запретил «вчерашним ученикам» стоять вторую смену. Как

мы ни доказывали, что не устали, что будем работать по очереди, ничего не помогло.

Выручили Галкины слезы. Здорово это у девочек получается: только захотела, и, пожалуйста, слезы тут как тут. Расплакалась Галка, мастер не выдержал, пошел к начальнику цеха. Начальник цеха разрешил.

Все вместе бросились мы к станку. Каждый хотел продолжить работу первым. Но разве можно спорить с Галкой? Правда, она ничего не сказала, но посмотрела... Вот тут я вспомнил выражение «метать громы и молнии». Грома не было, а молний больше, чем достаточно. Пришлось уступить первенство ей. Работали точно по часам, ни одной лишней минуты никто не хотел отдать другому. Отдыхающие с удовольствием смотрели, как около станка росла горка деталей-близнецов.

Домой мы ночью возвращались, усталые, но довольные. Шли молча.

— А что будет завтра? — неожиданно спросила Галка и сама ответила: — А вот что. Появляемся утром в цехе. Встречает нас... Нет, никто не встречает.

На следующий день приходим в первую смену. Смотрим, у стенда со стенгазетой рабочие стоят. Мы, конечно, заинтересовались, подошли. На большом белом листе ватмана заводской художник нарисовал букет из трех одинаковых голов, только на одной косички наподобие колосьев. Букет окаймлен листочками, совсем такими, как на фестивальном значке. Под ними огромные буквы стихов:

Разгон в работе ими верный взят.
И норма сделана на 350,
Две смены на одном рабочем месте
Бригада дружная трудилась.—
Все вместе.

А ниже: «Молодцы, ребята!»

В стихах была неточность и отсутствовала «художественность», как сказала бы наша литераторша Ольга Степановна.

Но разве дело в этом? Стихи ведь были для нас, о нас, и кончались даже по-нашему: «все вместе». Вот тут, честно говоря, мы растерялись по-настоящему. Потом посмотрели друг на друга, улыбнулись и пошли к станкам.

Нечего скрывать, в этот день мы чувствовали себя немного героями.

СЛЕДОПЫТЫ наших ДРУЗЕЙ

В Венгрии знаменит страстный любитель природы, мастер фотографирования птиц и зверей, кинооператор Иштван Хомоки-Надь. Он объездил все самые интересные и дикие уголки своей страны. Страсть неутомимого естествоиспытателя гонит его то в зыбучие пески — дюны области Альфельд, то в топи болот меж Тиссой и Дунаем, то в полутемные заросли придунайского леса.

Десять лет Хомоки-Надь, наблюдая и изучая природу, делал фотографии. Он снимал мало встречающихся пернатых, ценных для науки о птицах — орнитологии. Часто он был самым первым, кому удавалось заснять редких птиц. Но изображения были неподвижными, и Хомоки-Надь долго мечтал оживить их, мечтал о кинокамере.

«Человек обычно добивается того, чего ему хочется», — говорит Хомоки-Надь о хорошем упорстве. Когда Венгрия стала демократической, его мечта осуществилась, и весной 1950 года был готов его первый фильм, первый венгерский фильм о природе. С тех пор на экраны кинотеатров мира вышло множество интересных, красочных и увлекательных фильмов Хомоки-Надя о таинственной жизни птиц и зверей.

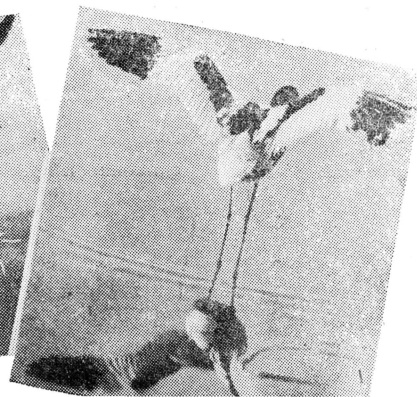
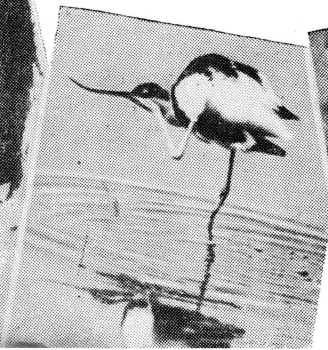
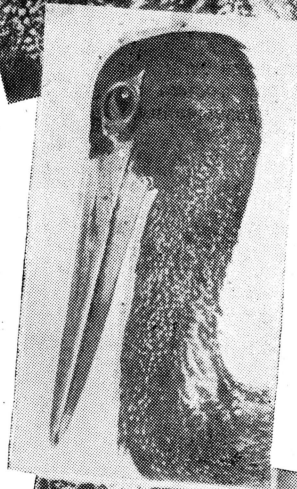
Особенно ценна его киноповесть «В лесу кобчиков», которая раскрыла дотоле не изученную жизнь этих млечных хищных птиц. А цветной фильм Хомоки-Надя «От весны до листопада» в 1953 году на международном кинофестивале в Венеции получил первую премию.

О том, как делались его снимки и фильмы, Иштван Хомоки-Надь написал занимательную книгу «С кинокамерой в таинственном мире птиц и зверей». В ней рассказывается о необычайных способах натуральных съемок, о том, как трудно бывает сфотографировать даже самую простую птичку.

Со смешными подробностями Хомоки-Надь описывает, как он днями сидел, обмотав голову полотенцем, смоченным в уксусе, под палящим солнцем, или почти без движения на сыром дне улубления, в отвесной стене на высоте тридцати пяти метров, или на верхушке дерева. Однажды, чтобы приблизиться к камышовке и записать на пленку своеобразный голос этой птички, Хомоки-Надь добился своего только тогда, когда надел зеленое платье жены.

Восемь месяцев снимался цветной фильм «От весны до листопада», в котором запечатлена жизнь более семидесяти различных животных. А когда оставалось заснять несколько кадров с сочной зеленой травой, вдруг преждевременно настала зима, выпал снег. Не ждать же следующей весны! И участники киноэкспедиции обходили лес и горячей водой обливали полянки, ища под снегом нужную травку. И нашли. Лужайка была заснята.

У каждого кадра, сделанного Хомоки-Надем, своя история, на каждый затрачено много энергии, изобретательности, настойчивости. Об одной такой съемке рассказывается в его очерке «Поединок с дикой уткой», взятом из книги «С кинокамерой в таинственном мире птиц и зверей».

Поединок с дикой уткой

Рисунки М. Заводчикова

Я «охотился» с объективом за дикой уткой в лесу Кохари-Сентлеринца в восточной части Альфельда, то есть Венгерской низменности.

Прошло много лет, прежде чем я на это решился. Я предпочитал взбираться на верхушки дубов, часами просиживать там, по пояс в воде бродить в камышовых зарослях. Я снимал на цветную пленку множество разных птиц, но фотографировать диких уток я не осмеливался. Правда, иногда мне приходилось наталкиваться на их гнезда, и я даже подготавливал съемку, но, должен признаться, дальше фотографирования яиц диких уток дело не шло. Малейший шелест — и хитрая птица покидала гнездо. В таких случаях я успокаивал себя тем, что в конце-то концов эта плоскоклювая птица не является орнитологической редкостью, в Венгрии ее и сейчас еще немало. Тем не менее, в фотолитературе о птицах почти нет сделанных в природных условиях снимков диких уток.

И вот однажды мой помощник сообщил, что в лесу появились кряквы.

Я почувствовал, что приближается интересное приключение. И действительно, все последующее превзошло мои ожидания.

Прежде всего, оказалось, что утки только «посмеялись» над спрятанным около гнезда и замаскированным травой съемочным аппаратом. Они и не думали оставаться в таком, «опасном» месте.

Тогда я построил специальную палатку для съемок. Это была крошечная сборная комната с зелеными парусиновыми стенами, в которой можно было кое-как сидеть на маленьком охотничьем стуле. В начале мая эта палатка была уже установлена в лесу, под шелестящими кронами дубов.

А примерно в ста метрах, глубоко спрятавшись в траве, сидела на яйцах кряква.

Поединок начался.

Фотограф и дикая утка постоянно поддразнивали друг друга.

Сначала все шло так, как это обычно бывает при фотографировании птиц, гнездящихся на земле: каждый день я переносил палатку на десять метров ближе к гнезду. Но дикая утка не была обычной простодушной птицей. Правда, некоторое время она притворялась такой и относилась спокойно к приближению палатки, но

только до тех пор, пока расстояние не сократилось до двадцати метров.

А тогда она ушла из гнезда и долго не возвращалась. Мне не оставалось ничего другого, как опять отдалиться на тридцать метров. Тогда утка вновь уселась, спокойно помаргивая хитрыми глазами, как бы говоря: «Победа будет за мной!»

Я решил пожертвовать несколькими днями и стал переносить палатку каждый раз только на пять метров, соблюдая при этом чрезвычайную осторожность. Пропадали ценные дни... Наконец я приблизился на критические двадцать метров, а на следующий день утиные яйца лежали в гнезде, покинутые и холодные...

Когда расстояние до палатки увеличилось, утка снова садилась. Мне начинало казаться, что мое умение фотографировать птиц потерпело «нокаут», а утка умеет «считать».

И тут-то, благодаря моему многолетнему «птичьему» опыту, у меня возникла новая идея. Переднюю часть палатки я прикрыл сплетенным из новых веток щитком. Теперь она выглядела совсем как засада охотника для стрельбы по фазанам.

Дикая утка была поражена, смутилась, потеряла самообладание и терпела приближение палатки. Я уже надеялся, что дело мною выиграно, и, на свое несчастье, стал вести себя слишком самоуверенно, как это бывает с футбольными командами, заранее уверенными в успехе.

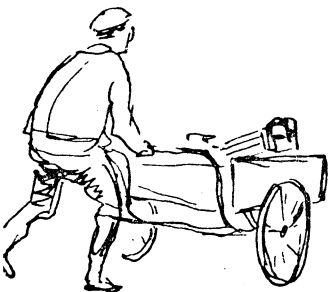
Дело в том, что утка терпела мои махинации только до тех пор, пока я не приблизился на расстояние десяти метров. А тогда она покинула гнездо на целые сутки.

Яйца уже начали темнеть. Я разыскал свой овоскоп. В глубине леса заплесало желтое пятно светового конуса, и аппарат показал, что под белой скорлупой уже действительно развиваются эмбрионы утят. Достаточно было сильной росы, чтобы из этих яиц никогда не выдупились утята, а у меня не получился цветной фильм о дикой утке.

Положение было тяжелое. С расстояния в десять метров фотографируют только дилетанты, а утка не соглашалась даже и на такое расстояние.

По несколько часов в день проводил я за покрытыми мхом стволами деревьев и, следя за уткой в бинокль, ломал себе голову.

И вот однажды, во второй половине дня, утка внезапно появилась среди мшистых пней.

Уже начали кричать ушастые совы, и я уже собирался уходить, как вдруг вижу: моя утка поднимается, осторожно обходит свое гнездо, рвет траву и с необычайной заботливостью прикрывает ею яйца, так что на их месте теперь виднеется только зеленое пятно. Потом, шумя крыльями, она улетает к Тиссе, чтобы пощипать ряски и полакомиться гольцами.

Я не зевал и перенес свою палатку на несколько метров ближе. С той поры в сумерках часто можно было видеть движущиеся по залитой полянке тени людей. Как только наступала темнота и утка улетала, мы подтягивали качающуюся палатку все ближе и ближе, а вокруг нас кружился хоровод летучих мышей. Так удалось приблизить палатку до четырех метров, но тут утка обратила на нее внимание, и начался решающий этап поединка.

На несколько дней нужно было оставить в покое участок леса, где жила утка, но затем лампа овоскопа снова стала зажигаться. Нельзя было терять времени: утка все усерднее высидывала яйца. По ночам мы все ближе и ближе приближались к ней.

Мы продвигались каждый раз на несколько сантиметров. Это были захватывающие, полные напряженного ожидания дни. По утрам наша обувь промокала от росы.

Когда, наконец, палатка очутилась в полутора метрах от гнезда, я решил, что уже вышел из борьбы победителем, а все остальное — чистая формальность, имеющая лишь символическое значение. Надо только забраться в палатку, расстегнуть ее застежку-молнию, выставить в отверстие объектив — и я уже имею чудеснейшие снимки сидящей на яйцах дикой утки.

Но от моей чрезмерной самоуверенности меня очень скоро заставил отказаться мой маленький противник — хитрая кряква.

Едва я крайне осторожно выставил в отверстие объектив аппарата, как утка уже взлетела и вернулась в гнездо только на следующий день.

Я разозлился, самолюбие мое было задето. Тогда я вставил в отверстие точную копию объектива, сделанную из куска окрашенной жести и стекла.

Утка вскоре привыкла к нему и спокойно сидела в гнезде.

Я облегченно вздохнул (куда девалась моя самоуверенность!) и на следующий день залез в палатку. Как только я очутился в ней, утка исчезла.

Итак, теперь она не пускала меня даже в палатку! Как бы осторожно я ни влезал в нее, она улавливала малейший шорох и сразу же покидала гнездо.

Ничего подобного я еще не видел! Мне не оставалось ничего другого, как позвать лесорубов и вырубить до палатки лесную тропу.

Но потом оказалось, что и этого недостаточно. Пришлось принести песок и посыпать им тропинку. После этого я смог пробираться по мягкой песчаной дорожке на четвереньках к моему псевдообъективу и смотреть в глаза утки с расстояния в полметра. Свет отражался в ее коричневых глазах, она упорно сидела на яйцах, поединок достиг кульминационного пункта.

Маленькая дикая утка с коричневой головкой тоже подошла к «финишу».

Я был поражен тем, какие утонченные органы чувств у этой нетребовательной птицы. Мне пришлось граблями разровнять землю внутри

палатки и подвести сырую почву из леса (все это, конечно, темной ночью). Но даже после этого я мог забираться в палатку, только сняв предварительно ботинки, потому что кряква улавливала малейшие шорохи.

С горящим лицом, босиком, запыхавшись, пробирался я в палатку, в которой все еще не сделал ни одного снимка. О том, чтобы собрать аппарат внутри палатки, не могло быть и речи. Его нужно было доставить туда уже «в полной готовности», что еще больше затрудняло дело.

Поединок начинал действовать мне на нервы.

Я уже давно отказался от намерения сделать серию снимков. Хоть бы получить всего один снимок, один только раз щелкнуть аппаратом, и никогда в жизни я больше не буду снимать диких уток!

Но иногда казалось, что даже и этот единственный снимок вряд ли удастся сделать. Теперь эта маленькая темноголовая бестия не давала мне возможности заменить псевдообъектив настоящим. Но все же после долгих раздумий я нашел выход и из этого положения: приложив настоящий объектив к внутреннему концу его двойника, я мог фотографировать как бы через «туннель».

Но это было бы слишком хорошо! В решительный момент вдруг пошел дождь, и казалось, ему не будет конца...

В овоскоп теперь была видна под скорлупой только темная масса, значит, там, внутри, были уже совсем развившиеся утята.

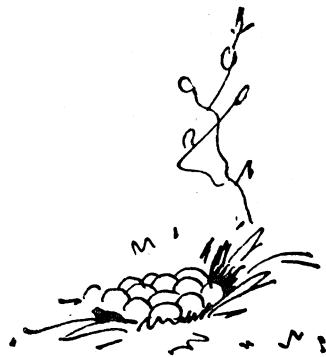
А дождь все шел и шел, бесконечно и безнадежно... В любой момент утята могли вылупиться и разбежаться, и пропали тогда все мои трехнедельные труды!

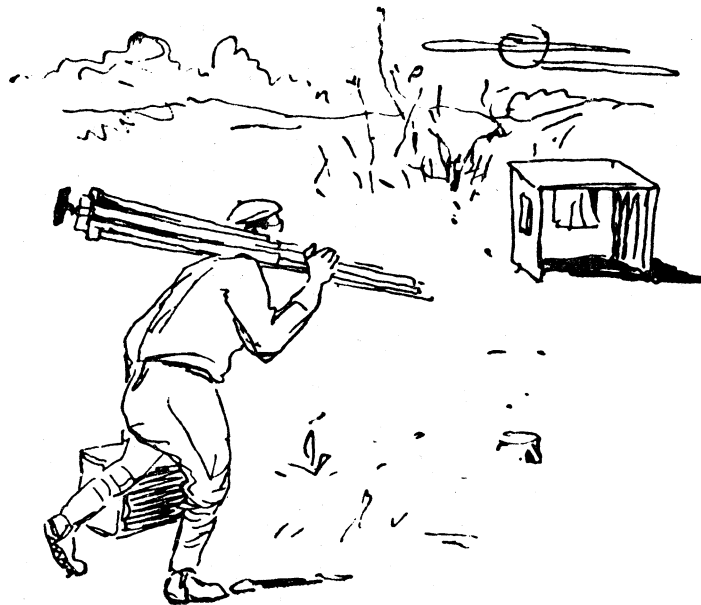
В этом поединке я решительно терял всякие шансы на победу. Приходилось признать, что у меня не хватает знаний, что маленькая утка перехитрила меня и что я должен фотографировать не то, что хочу, а то, что позволяет себя фотографировать...

И тогда у меня возникла спасательная мысль, которая помогла мне завершить фотографирование утки. Как всегда, мне и на этот раз пришлось почерпнуть свою идею из глубин «птичьей психологии».

Я нашел в лесу другое утиное гнездо. В нем были свежие яйца. Два из них я положил в гнездо своей «фотоутки», а два из ее гнезда подложил дома под курицу-наседку.

У утино гнезда я принял последние меры предосторожности. Тихонько разрыхлив часть гнезда со стороны палатки, я увидел масляни-

сто поблескивающие яйца. Просвечивание яиц, подложенных под наседку, показало, что теперь утка-мать будет терпеть даже прикосновение к ее гнезду. Потом я направил объектив на утку и несколько дней не подходил к гнезду.

Я сидел дома и время от времени рассматривал яйца, взятые из утиног гнезда. Если внимательно взглянуть в хрустальный шар, можно увидеть в нем изумительные, чудесные вещи.

Моим хрустальным шаром были утиные яйца. Рассматривая и просвечивая их, я точно знал, как ведет себя в далеком лесном гнезде утка, как она высживает свои яйца, потому что яйца, подложенные под наседку, развивались точно так же, как и те, что остались в спрятанном в траве утином гнезде.

Проходили дни, и однажды после обеда яйца под наседкой вдруг начали попискивать (конечно, то же самое должно было происходить и в лесу, у дикой утки). Один за другим вылуплялись утята.

На следующий день небо было безоблачным. Проснувшись, я увидел, что на спину наседки

взобрались два только что вылупившихся утенка, два пушистых цыганенка с желтыми полосками. Вероятно, и там, в лесу, под дубами, у дикой утки тоже вылупились утята, и, может быть, она увела свой выводок к Тиссе.

Если только... если только не удался мой опыт с «птичьей психологией»! Осторожно пробрался я в свою палатку. В ней было совершенно темно, только на металлических частях аппарата играли отблески света. Затаив дыхание, заглянул я в визир.

У меня потемнело в глазах: то, что я увидел, превзошло все мои надежды.

Десять маленьких очаровательных утят бегали и сутились вокруг гнезда или выглядывали из-под крыла матери. А сама утка-мать спокойно сидела на двух подложенных ей яйцах. Еще не высиженные, они удерживали ее на месте, обеспечивая мне награду за мой двадцатидневный труд.

Правда, напоследок утка подшутила надо мной еще раз. Пока меня не было, она снова заделала открытую мною часть гнезда со стороны палатки, которая стала даже выше, чем прежде.

Но все же великолепная птица сидела здесь, тихонько побрякивая и удерживая своих птенцов. В вышине покачивались дубовые листья, солнце просвечивало клюв утки, а ее коричневые глаза светились материнским счастьем...

Я тихо вздохнул (она сразу подняла голову), нажал на спуск, но щелчка уже не слышал, потому что как раз в этот момент над нами закричала кукушка.

Когда я снова посмотрел в аппарат, утки не было, а за ней, как живые комочки, как пушистые мышки, бежали ее утята.

Еще мгновение, и все исчезли; только два яйца белели в опустевшем гнезде, как бы говоря: «Из этого удивительного поединка ты вышел победителем, но эту маленькую дикую утку ты все же не победил...»

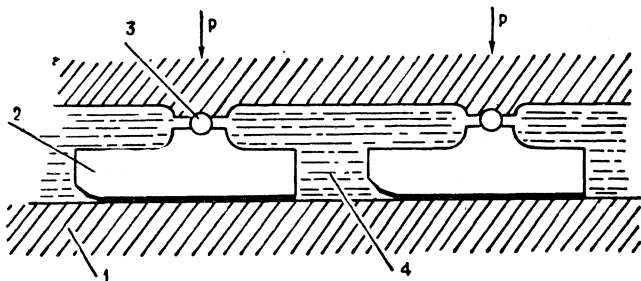
ПРОЧНОСТЬ *масла*

Масло — вещество жидкое и поэтому не кажется прочным. А вот вращающиеся части гидроагрегата самой большой в мире Куйбышевской ГЭС плавают на тонком слое масла, и оно выдерживает их.

Огромная электрическая машина — гидрогенератор — и гидравлическая турбина плюс давление воды на турбину в сумме составляют 3500 тонн. Эта нагрузка воспринимается упорным подшипником, или, как его чаще называют, подпятником. Между неподвижными и вращающимися металлическими плоскостями образуется тонкий слой масла.

Как же масло выдерживает такое большое давление?

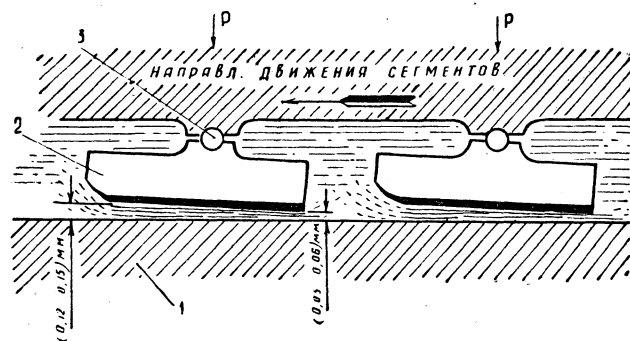
Подпятник состоит из неподвижного основания — кольца (1) и вращающихся частей — сегментов (2). Чаще он делается наоборот: из неподвижных самоустанавливающихся сегментов и вращающегося по ним плоского кольца. Подпятник размещен в ванне, заполненной маслом (4). Когда машина стоит, то сегменты лежат на стальном основании, и между ними нет слоя масла.

Но вот турбина начала вращаться, сегменты заскользили по поверхности основания. При этом с одной стороны они увлекают за собой прилегающее масло, а с другой — набегают на него. И между основанием и сегментами образуется постоянный клинообразный масля-

ный слой, на котором как бы плавают огромная тяжесть.

Почти то же самое происходит, когда по озеру мчится глассер или когда соревнуются спортсмены-аквапланисты. Спортсмен на буксире за моторной лодкой на небольшой плоской доске скользит по воде и не тонет. И глассер, и доска-акваплан наклонены под небольшим углом к поверхности воды.

Оказывается, если какая-то плоскость установлена под углом к горизонту жидкости и приобрела скорость движения, то появляется сила, поднимающая нагруженную плоскость. На этом физическом законе и основана работа подпятника.

Многие иностранные специалисты еще 2—3 года тому назад говорили, что гидроагрегаты по 200—300 тысяч киловатт не реальны, так как невозможна такая конструкция подпятника, которая выдержит большие нагрузки. Но они ошиблись.

Подпятники даже на нагрузку 6000—8000 тонн реальны для осуществления в наши дни на основе конструкций, разработанных и испытанных заводом «Уралэлектроаппарат».

К. КОСТИН,

конструктор завода
«Уралэлектроаппарат»

У высокогорских ГОРНЯКОВ

От нашего корреспондента

3

1

2

Тридцать лет назад старейший фотокорреспондент Урала Л. Сурин был на Высокогорском железном руднике в Нижнем Тагиле и сохранил снимки. Теперь они смотрятся как документы истории. Вот как выглядел рудник в те годы (снимок 1).

Ну, а сейчас? Каким стал рудник в наши дни?

Недавно наш фотокорреспондент побывал на горе Высокой. И вот что он там увидел..:

Горы Высокой давно уже нет. Она исчезла. Горняки в шутку говорят: «Была гора Высокая, стала яма глубокая». Теперь руду добывают на уступах огромного котлована.

Ни днем, ни ночью на руднике не умолкает приглушенный рокот мощных машин, гудки электровозов. Одни экскаваторы подготавливают фронт работ: убирают слой пустой породы, под которым таится руда, другие — своими вместительными ковшами выгребают руду из недр бывшей горы.

На руднике почти не видно людей, зато много машин. Здесь все механизировано и электрифицировано. Вот новенький четырехкубовый экскаватор, сделанный на Уралмашзаводе. Он заканчивает загрузку очередного состава думпкаров (снимок 2).

Эта мощная машина — в умелых руках молодых экскаваторщиков Николая Кокурина и Леонида Кушаренко (снимок 3). Оба они недавно пришли на рудник, но уже считаются мастерами своего дела.

Вот он, огромный котлован открытых разработок. Вверху — Герой Социалистического Труда Николай Ржаников.

А скоро будут инженерами. Леонид учится на третьем курсе заочного отделения Уральского политехнического института имени Кирова. Николай готовится поступить в этот же институт.

...Беспрерывно идут с уступа на уступ котлована составы думпкаров (снимок 4), отвозя руду домнам Тагила. Недавно от наших чехословацких друзей прибыли электровозы новейшей конструкции 13-Е. На руднике их быстро освоили, и сейчас они отлично работают в дружной семье советских механизмов (снимок 5).

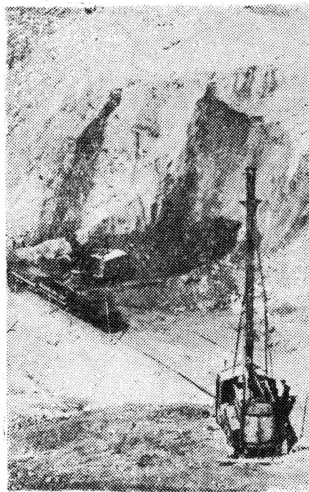
На уступах карьера полным ходом идет добыча руды, а на других в это время готовят новые участки. Буровые станки проходят колодцы для закладки взрывчатки (снимок 6).

Неподалеку от открытых разработок высятся копы шахты «Магнетитовая». На одном из них днем и ночью горит красная звезда: коллектив не только выполняет план, но и перевыполняет его.

Вот два товарища — Николай Ржаников и Анатолий Заузолков. Шестнадцатилетними парнями они впервые увидели шахту, познали шахтерские профессии, учились, стали проходчиками.

Сначала Николай и Анатолий работали в одной бригаде. На руднике заметили их упорство, смекалку, трудолюбие, и друзьям пришлось расстаться. Они стали бригадирами молодежных бригад и теперь неизменно держат первенство в соревновании.

В прошлом году Николаю Николаевичу Ржаникову присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, а Анатолий Александрович Заузолков

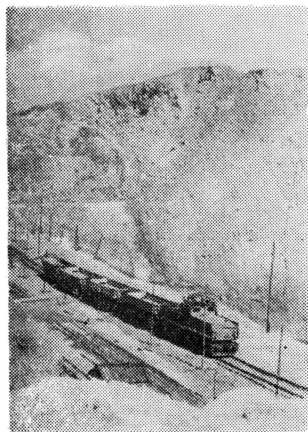

Шахта Магнетитовая. Вверху — знатный проходчик Анатолий Заузолков.

месте будет механизированный и автоматизированный, уходящий глубоко в землю рудник.

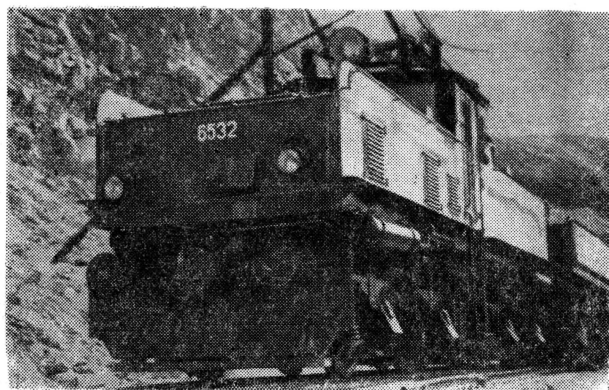
В легендах наши потомки будут поминать героев нашего времени, которые, вгрызаясь в землю, добывают руду — хлеб уральской индустрии.

В. ДИАНОВ

награжден орденом Ленина.

За семилетку, которую начала сейчас наша страна, трудами таких героев местность в районе горы изменится еще больше. Нижне-тагильским следопытам следует, пока не поздно, заняться изучением горы Высокой. Придет время, когда она останется только в преданиях, на ее

6

5

Начало борьбы

Из воспоминаний матроса-красногвардейца

А. СТАРОСТИН

Рисунки С. КИПРИНА

В ноябре 1917 года в Екатеринбург из Оренбургских степей стали приходить тревожные известия: атаман Дутов поднимал казачество против молодой Республики Советов.

Усиленные отряды Красной гвардии круглые сутки дежурили на екатеринбургском вокзале, разоружали казачьи эшелоны. Казаки следовали в полном боевом снаряжении с распавшихся фронтов империалистической войны в свои станицы. Там вели агитационную работу посланники Дутова.

Как-то ранним утром я и мои товарищи-матросы, прибывшие из Петрограда для помощи красному Уралу, возвращались с очередной вокзальной «вахты». С нами шел начальник Центрального штаба екатеринбургской Красной гвардии, кочегар линейного корабля «Заря свободы» Павел Хохряков.

Миновав завод «Ятес», мы стали подниматься в гору по Вознесенскому проспекту¹ и неожиданно наткнулись на человека, лежащего на тротуаре. Хохряков зажег спичку.

— Офицер, должно быть, — произнес он, увидев серую каракулеву папаху. Из-под правого бока лежащего растекалась кровавая лужа, грудь тяжело подымалась.

— Жив еще.

Пострадавшего решили доставить в

больницу. На наше счастье из ворот большого дома выехала подвода. Мы положили офицера на подводу и поручили матросу Сергею Дьячкову доставить его в больницу.

— Подожди! — сказал Хохряков, когда возница собирался тронуть лошадь. — Может, у него документы есть.

Осмотрели карманы офицера. За исключением письма, ничего не нашли. Хохряков взял письмо себе.

Подвода загромыкала колесами по булыжной мостовой.

В штабе Хохряков прочитал письмо вслух. Оно было адресовано девушке. Пострадавший сообщал о какой-то «среде

¹ Теперь улица К. Либкнехта в Свердловске.

подлых людей», о каком-то «ужасном деле»...

—Идем в больницу,— сказал мне Хохряков.

В палату нас не пустили. Врач, высокий, седой старик, сообщил, что пострадавшему нанесено два сильных ножевых удара. Наказав Дьячкову дежурить, мы вернулись в штаб.

— Не нравится мне все это,— произнес Хохряков, еще раз прочитав письмо.— Кто же эти подлые люди, о которых пишет раненый?

Часа через два явился Дьячков. Офицер пришел в себя и рассказал о тайной контрреволюционной организации, возникшей в Екатеринбурге. Эта организация готовила восстание.

— Я записал фамилии и адреса, которые он знает,— закончил рассказ Дьячков.

— Надо сообщить Захарычу,— сказал мне Хохряков, посмотрев адреса.— Он местный житель, может, кого знает.

Я соединился по телефону с Верх-Исетским заводом и просил передать, чтобы начальник штаба четвертого района Красной гвардии Петр Захарович Ермаков срочно явился к Хохрякову.

Примерно через полчаса Ермаков (один из организаторов боевых дружин в революции 1905 года на Урале) был у нас.

Закусив, как обычно, губу, Петр Захарович, торопливо пробежав глазами списки, проговорил:

— Все хорошо сделали, только забыли в больнице засаду оставить... Задерживать всех надо, кто раненого спросит... Раньше нас полиция так выслеживала, а мы у нее тоже кое-чему научились... Уверены вы в том, что офицер не проболтается о данных им адресах?

Хохряков тут же распорядился установить за больницей усиленное наблюдение, а Ермакова просил к ночи прислать наряд верхисетских красногвардейцев.

— Прочешем сразу все адреса,— сказал он.

После обеда матрос Семен Каторгин привел какого-то подозрительного человека. Он пытался проникнуть к раненому офицеру.

Начался допрос. Задержанный путался, пытался что-то говорить о дружеских чувствах к пострадавшему, но, когда Хохряков показал ему адреса, замолчал.

— Вы видите, нам все известно... Что можете добавить?..

В сумерки пришли красногвардейцы Верх-Исетского завода. Комната наполнилась веселым шумом и смехом. Наш предусмотрительный завхоз Родион Фомич заранее попросил мадьяра Иштвана приготовить ужин на всех.

— Вы живете сытнее, чем мы,— сказал Петр Захарович.

— Коммуной держимся,— ответил я.— Деньги отчисляем в общий котел. Даже комиссию избрали, чтобы продукты покупать.

После ужина стали ждать приказа. Ермаковские орлята с завистью смотрели на могучую фигуру матроса гвардейского экипажа Фому Гуню.

— Вот так дядя! — говорили они.— Этот стеганет, так стеганет...

В назначенное время, разделившись на несколько групп, мы отправились по различным районам. Я с матросами проверял Тихвинскую улицу.¹

Недалеко от женского монастыря находился подозрительный дом. На стук никто не отвечал, тогда Фома Гуня попробовал прочность двери плечом...

— Крепко? — спросил я.

— Та бис ее знае! Сейчас побачим.

Фома стал искать точку опоры, чтобы выдавить дверь, как вдруг неожиданно послышался женский голос:

— Кто там?

— Красногвардейцы! Именем Советской Республики откройте.

— Приходите утром.

— Ось як! — Фома с силой дернул за дверную ручку. Ручка моментально оторвалась.

— Не ломайте дверь! — раздался другой голос, мужской.— Сейчас открою.

Мы вошли в темный коридор, освещенный огарком свечи. Человек, пустивший нас, был молод и, судя по накинутой на плечи добротной шинели, офицер.

— Что вам нужно? — спрашивал он, идя вслед.

Мы зашли в большую комнату. Навстречу поднялся пожилой мужчина и,

¹ Теперь улица имени Хохрякова.

запахивая полы халата, ответил за нас провожатому:

— Это — товарищи матросы... Проходите, проходите...

— Кто здесь живет? — спросил я.

— Я... Служу в банке, — произнес человек в халате (мы видели, как дрожали его руки). — Это моя жена, а это наш родственник, собственно говоря, брат жены, так сказать, воспитанник наш.

Молодой человек, сбросив с плеч офицерскую шинель, подошел к нам.

— Вы опередили меня, — сказал он. — Я должен был сам прийти к вам. Но я готов. Разрешите собраться?..

Я оборвал его:

— Мы обязаны произвести обыск. Оружие имеется?

— Оружие я сдал добровольно такому же матросу, как и вы, когда ехал с фронта. Можете искать, но заверяю вас, что в доме нет того, чем вы интересуетесь. Я уже от всего устал, кровь лить не хочу, довольно ее лилось на войне.

Кто-то назвал фамилию человека, подобранного нами утром.

— Это Володя! — воскликнул офицер. — Мой друг... как и я, прапорщик... Вместе учились в гимназии.

Он кратко рассказал нам историю их вербовки в контрреволюционную организацию офицеров-фронтовиков.

— Ваш друг тяжело ранен и находится в больнице, — сказал Семен Каторгин.

Прапорщика под конвоем отправили в штаб, а сами завернули на Сибирский проспект¹, там встретили Петра Захаровича со своими красногвардейцами, договорились о дальнейших действиях, решив оцепить сразу несколько домов.

В первом нас встретили толстая испуганная хозяйка и молодая квартирантка; ее мужа, офицера, на месте не оказалось.

— Где он? — спросил я.

Петр Захарович толкнул меня в бок. Я догадался, что ее муж арестован.

Начался обыск, мы забрали всю переписку и стали искать оружие. Толстая хозяйка стала уверять, что ее квартиранты — люди вполне благонамеренные, ничего худого о них думать нельзя.

— Ты, гражданка, не ручайся, — сказал Ермаков. — Вот если что найдем, то и тебя за твои слова не помилуем.

Неожиданно со двора раздался голос:

— Петр Захарович!.. Сюда...

Под сараем лежало несколько винтовок и пара бомб...

Так мы «прочесали» ряд офицерских квартир и, усталые, но довольные, возвратились под утро в штаб.

Там уже был Хохряков. Он ходил по комнате и потирал озябшие руки. Мы доложили о результатах ночной облавы.

— В мою сеть рыбешки покрупней попались, — сказал Хохряков. — Сазан и щука! Сазан-то местный, а щука из Челябинска сухопутьем приплыла... да что из Челябинска! Пожалуй, из самого Оренбурга.

В десять часов начались допросы. Первым вызвали задержанного нами прапорщика. Он подтвердил свои показания и дал еще ряд дополнительных сведений. Его решили отпустить.

— Мы считаем вас честным человеком, — сказал на прощанье Хохряков, — и надеемся, что вы оправдаете наше доверие.

Когда он удалился, Хохряков прошелся по комнате и произнес, ни к кому не обращаясь:

— Этот прапорщик — наш попутчик, только идет пока стороной... Дальнейшее ему подскажет правду.

После прапорщика, говоря словами Хохрякова, рыба пошла покрупнее. Многие задержанные путались, пытались лгать, но, припертые к стене уликами, вынуждены были сознаваться во всем.

Наконец остались только «сазан» и «щука», арестованные Хохряковым. «Сазан», штабс-капитан артиллерии, как мы узнали от других, плотный мужчина с рыжей бородой, в черной толстовке, похожий на провинциального фотографа, предупредительно сказал:

— Я могу отвечать только за себя, за других я не ответчик... Подставных и запуганных вами людей я не признаю. Вас же ненавижу и разговаривать поэтому не желаю!

— А мы вас, ваше благородие, тоже ненавидим, но разговаривать все же придется, — процедил сквозь зубы Каторгин.

¹ Теперь улица имени Куйбышева.

— Но настаивать не будем,— добавил Хохряков.— Хотя себе вы сделаете хуже. Учтите, что нам все известно... Убрать его!.. Когда захочет отвечать, доложите мне...

В комнату ввели «сухопутную шуку». Это был казачий подъесаул, худощавый, среднего роста, в черной гимнастерке и желтых сапогах. Он кутался в облезлую шубу. Небольшие черные усики были как бы приклеены на его побледневшей физиономии.

Хохряков указал ему на стул и сказал:

— Садитесь!.. Вы перед следственной комиссией.

Подъесаул оглядел всех нас и, закинув ногу на ногу, чтобы они не дрожали, развязно ответил:

— Какая это следственная комиссия? Тут почти одни матросы... Да, о вас я слышал! Вы, кажется, начальник так называемого Центрального штаба...

— Где проживали? — прервал Хохряков.

— В Челябинске.

— По какому делу приехали в Екатеринбург?

— Разрешите закурить?— все еще рисуясь, спросил подъесаул.— Если это вам так интересно,— начал он, выпустив изо рта клуб дыма,— то отвечу. Приехал подыскать богатую невесту.

Мы не могли удержаться от смеха.

— Смеетесь?— огорченно сказал подъ-

есаул.— Где же вам понять. Мы, офицеры, в настоящее время, так сказать, не у дел. Мой собственный папаша на жизнь не дает ни гроша. Считает меня кутилой и игроком.

— Вы что же, по банку любите бить? — спросил Хохряков.

— Приходилось иногда, при хорошей карте.

— А сейчас на банк голову поставили? Рассчитывали выиграть, а карта-то оказалась битой... Отвечайте, сколько вам предложил денег за выигрыш атаман Дутов? — и Хохряков сверкнул стальным взглядом.

Подъесаул поспешно докурил папиросу.

В допрос вступил Ермаков. Ровным голосом, немного шепелявя, он стал напоминать подъесаулу, как тот позавчера вечером в одном из домов Екатеринбурга выступал от имени Дутова и показывал всем присутствующим удостоверение, подтверждающее это полномочие. Подъесаул пытался оправдываться, но Ермаков, ставя вопрос за вопросом, выводил его на чистую воду. Подъесаул сдался и проговорил:

— А если я все расскажу, то вы меня в штаб Духонина, на небо, не отправите?

— Там видно будет,— ответил Ермаков...

В ту же ночь наряд красногвардейцев под командованием самого Хохрякова от-

правился по адресу, который дал подьесаул. В одной из небольших улиц, прилегающих к Сенной площади¹, мы остановились.

— Кажется, здесь,— сказал Хохряков, оглядывая высокий дом на каменном фундаменте.— Только стучать надо осторожно: могут встретить пулей.

За ставнями блеснул свет.

— Кого надо?— спросил низкий бас.

— Вас... Откройте! Здесь представители Советской власти.

Дверь открылась. Мы вошли в дом. Ничего подозрительного в глаза не бросалось.

— Нам нужны бумаги и касса тайного союза фронтовых офицеров,— сказал Хохряков.— Просим сдать добровольно. Если найдем сами, то никакого смягчения перед революцией не получите.

— У меня ничего нет,— проговорил хозяин,— ни о каком союзе я не знаю... Я честный человек, отец семейства...

— Мы имеем точные сведения,— обрезал Хохряков.— Ваше заперительство не поможет. Мы будем искать, пусть день, пусть два, но найдем... Начинайте обыск!.. А вы, гражданин, распишитесь в том, что у вас нет того, что мы требуем.

Хозяин изумленно пожал плечами, но расписался.

Между тем, красногвардейцы осматривали дом, искали в столовой, на кухне, в спальнях, простукивали стены, заглядывали за рамы, на дворе при свете фонаря разбирали поленницу.

— Вы, папаша, отдайте бумажки-то,— говорил хозяину Сергей Дьячков, проверяя полку.— На черта они вам нужны? Супружницу беспокоите с детками, да и нас тоже... Все бы сейчас спали...

— Дьячков, занимайся делом! — приказал Хохряков.

— Есть заниматься делом! — ответил тот, но, когда Хохряков ушел на кухню, снова обратился к хозяину:

— Человек вы пожилой, а зачем-то с этим союзом связались. Вот и имеете теперь неприятности. Жили бы и не тужи-

ли, чай крепкий пили, книгу бы хорошую читали про любовь или про какой-нибудь Карфаген...

Из кухни послышался голос Хохрякова.

— Дьячков!.. Скажи, Сергей,— спросил Хохряков, когда тот появился на пороге,— ты умеешь загадки разгадывать?

— Смотря какие.

— Вот отгадай такую: внизу дыра, сверху дыра, а в середине огонь да вода... Что это?

— Самовар. Но для чего ты о нем вспомнил?

— А посмотри внимательно... Нужен ли он в этом доме?

На кухонном столе красовался большой тульский самовар. Дьячков хотел его проверить, но, увидев улыбающийся взгляд Хохрякова, задумался и стал смотреть по сторонам. Но так продолжалось недолго. Неожиданно, схватив в руки сковородник, он заявил:

— Я, братки, почти любую работу испробовал, только печи не ломал... Давайте-ка, попробую.

Все, кроме Хохрякова, с изумлением стали смотреть, как Дьячков с силой начал бить по печке сковородником. На пол полетела известка, глина, и вдруг в одном месте показалось отверстие для самоварной трубы, заложенное кирпичами. Мы бросились к отверстию и увидели за кирпичами бумажные свертки.

— Прекратить обыск! — скомандовал Хохряков.

Когда арестованного хозяина выводили из дома, Дьячков огорченно сказал:

— А я, папаша, ошибся насчет вас: вы не любите чай пить, самовар-то, оказывается, лишь для форсу держите... Но ничего, мы для него большую отдушину открыли...

При помощи документов, найденных в свертках, удалось полностью ликвидировать в Екатеринбурге контрреволюционный заговор офицеров, но это было только началом той борьбы, которую нам пришлось вести не на жизнь, а на смерть с теми, кто мечтал повернуть назад колесо истории.

¹ Теперь парк имени Павлика Морозова.

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

*Записки, переданные „Уральскому следопыту“
Геннадием Старковым*

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ ЧАСТИ

Студент-альпинист Виктор Трофимов, от лица которого ведется повествование, в малоисследованной части восточного Памира сорвался в ущелье. Его подобрал старый Чо — снежный человек (по-киргизски ГУЛИ-БЪЯБОН). Это человекоподобное существо живет в неприступных горах Памира, Тибета, на Гималаях. Студент университета увлекается его изучением.

Подружившись с Чо и со старухой Аа, Трофимов пытается разыскать своих товарищей-альпинистов или хотя бы выйти к какому-нибудь населенному пункту. В долгом путешествии с приключениями Трофимов отдаляется от своей цели, потому что Чо и Аа хоть и помогают ему, но не знают и не понимают, чего Трофимов хочет.

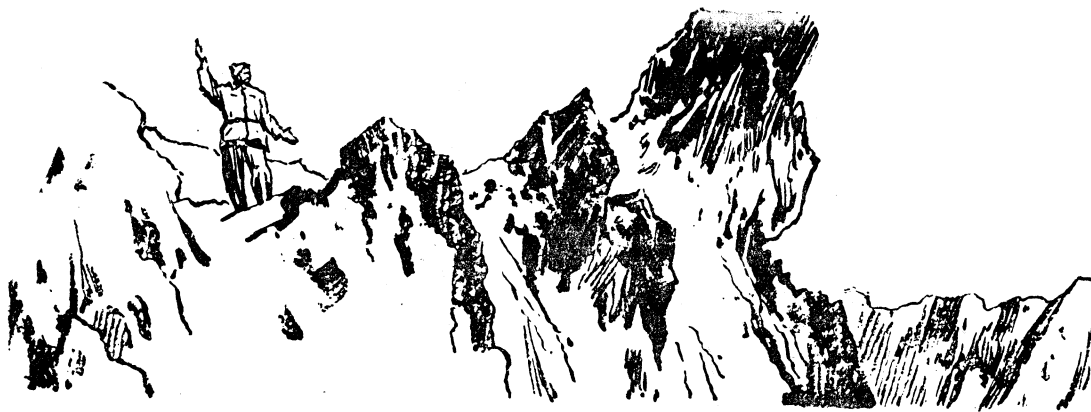
На одной из стоянок Трофимова украла другая богатырского сложения гули-бьябонка по имени Уа. Она тащит его, скрываясь от преследования Чо и Аа.

7

Неоднажды я пытался спрятаться, когда Уа опускала меня на землю и отлучалась, оставляя одного. Я убегал куда-нибудь в сторону, чтобы избавиться от Уа.

Продолжение. Начало см. в № 1,

Но у нее был слух дикой серны, орлиное зрение и нюх овчарки. Каждый раз Уа очень быстро отыскивала меня, несколько не сердилась, добродушно ворчала, очевидно, считая меня щенком-несмышленышем, и кормила мясом добытой пищи. Она говорила мне «бох-бох» и другие комплименты, урчала и преданно терлась

волосатую голову. А потом снова бесцеремонно сгребала меня в охапку, взваливала на богатырское плечо и несла дальше. Я даже приспособился и ехал на ней уже не вверх тормашками.

Я чувствовал и понимал ее хорошее отношение ко мне. Только один раз я получил от нее злую затрещину, от которой свалился замертво и долго был в беспомощности.

Произошло это так. На пятый или шестой день Уа, как обычно, положила меня в укромное местечко между скал и отправилась за пищей. Я проклинал себя за то, что обронил свой нож при первом знакомстве с Уа. Можно было бы зарезать ее или хотя бы покончить с собой — до такого отчаяния я дошел, когда убедился, что утащен за границу. Мы двигались все время на юго-восток, и горные гребни становились все более и более оледенелыми, а в разломах известняка и кристаллических сланцев начинали попадаться горячие источники. Резко расчлененный рельеф, почти без ровных плато, глубокие узкие ущелья, вместо поперечных равнин, — все говорило о том, что я уже не на Памире. Где же? Если двигаться от Памира на юго-восток, то, насколько помнится, попадешь на Каракорум. Но это уже за граница!..

Все подтверждало мне, что я на Каракоруме — на хребте самого мощного в мире оледенения и втором в мире по высоте. И я твердо решил покончить с собой. Плутать, как гули-бьябон, среди пустынных скал и снегов у самого поднебесья, но на своей территории — еще куда ни шло: есть надежда на спасение. Родная земля, пусть голая, каменистая, вселяет эту надежду и укрепляет ее. А таскаться в таких условиях по заграничам!.. Честное слово, лучше умереть!..

Я выбрался из расщелины, где меня оставила Уа, и сердце мое сжалось от без-

надежности. Солнце стояло высоко над снежнокаменными кручами, ясно показывая мне юг. Я взобрался на какую-то вершину и увидел, что горные кряжи справа, слева, впереди и позади меня четко протягивались на юго-восток, даже почти на восток. Нет, это уже не наша страна!..

Я попробовал разбить себе голову о скалу. Но то ли мой череп крепко скреен, то ли в отчаянии у меня не хватало сил, — я ударился несколько раз и лишь набил огромную шишку, потекла кровь, голова загудела, но я оставался живым. Тогда я вскочил и опрометью бросился вниз по снежному почти отвесному склону поперек хребта. Когда меня несли по этим местам, я заметил небольшую висячую долину и теперь подумал, что прыгну с нее вниз головой. В высокогорных областях, бывает, большой ледник, стекая по главной долине, углубляет ее быстрее, чем боковые менее мощные леднички — свои долинки, вот они и получают висячими над главной, как балконы. И высота вполне достаточная, чтобы разбиться в лепешку.

В несколько минут я скатился на несколько километров вниз испытанным гули-бьябонским способом, управляя руками, как рулями. Оглядываясь, остерегаясь, чтобы меня не нагнала Уа, я поднялся и побежал что было сил. Дальше склон был голый, без снега, но я уже бегал по скалам не хуже архара. Правда, шипы на моих ботинках поистерлись, и по льду я заскользил бы, но по камням мог соперничать даже с самими гули-бьябонами. Я очень боялся, что выдохнусь, прежде чем вернется и начнет преследовать меня Уа, она-то могла ходить быстрыми шагами без усталости, и этот страх подгонял меня.

И надо же было, чтоб я упал! Спрыгивая с какой-то скалы, я не удержался на ногах, потому что уступ оказался оледенелым и покатым, и растянулся почти

плашмя на острых камнях. Кое-как поднялся и снова упал — уже от боли в колене. Пришлось сесть отдышаться. Засучив штанину, поглядел: кожа ободрана до самой кости.

Альпинисту часто приходится быть в синяках, кроме того, я с мальчишества привык переносить любую боль, потому что в детстве был драчуном и забиякой. Но тут мне пришлось туго. Свербящая, ноющая и одновременно колющая боль в коленке, сама, помимо моей воли, выжимала из меня стоны, как я ни старался сдерживаться, прикусывая губы.

Разбитая нога вынудила ползти. Я изодрал в кровь руки, порвал куртку на груди, но упорно двигался вперед, торопясь и тупея от боли. Сказал бы мне с месяц назад кто-нибудь (даже Танечка, которая всегда подсмеивалась надо мной), что человек может упрямо ползти, преодолевая мучительную боль, упрямо ползти только для того, чтобы броситься вниз головой и разбиться, — я не поверил бы. А тогда я спешил и спешил, чтобы успеть умереть до того, как меня разыщет и настигнет Уа.

Не знаю, может быть, она меня и любила, эта молодая обросшая шерстью богатырша с блестящими желтыми глазами. Но ее материнская нежность, ее самозабвенное беспокойство о том, чтобы я был сыт и не замерзал морозными ночами, ее трогательная заботливость и ласковое облизывание языком так и не вызвали тогда во мне даже чувства симпатии. Я потом безжалостно помог убить ее. И только сейчас, когда описываю все это, я жалею дикую красавицу Уа. Наверное, можно было не уничтожать ее, а как-нибудь договориться жить в мире и согласии.

Я дополз до края обрыва и собрался с силами, чтобы кинуться вниз, и услышал над головою протяжный, громкий, гулбьябонский, словно порыв урагана, свист.

Я даже выругался: успела все-таки найти меня противная Уа! Я свесил голову в пропасть, оставалось последнее движение, чтоб перевалить через край, и тут вдруг почувствовал, что это не Уа, что свистит мой старый Чо.

— Вить-Вить-Вить! — раздавался пронзительный свист.

Я поднял голову. Напротив меня, на другой горе, тоже на краю висячей долилки стоял Чо. Он махал мохнатыми ручищами и радостно подпрыгивал, хлопая себя по бедрам, рыжим, на солнце почти золотистым.

Мой родной Чо! Позабыв о боли, забыв о своем намерении умереть, я вскочил на ноги и заорал:

— Чо! Дружище! Иди сюда скорее!

8

Нас разделяло всего метров двести. Эх, если бы Чо или я умел летать! Под нами лежала глубокая долина, спуститься в которую не было возможности ни мне, ни ему. Мы стояли друг против друга, словно на гигантских каменномертвых коврах-самолетах, под нами плыли облака.

— Вить-Вить! — полукричал, полусвистел Чо и, показывая мне в сторону, быстро зашагал по краю висячей долилки.

До места, где ущелье смыкалось, было километров десять. Там виднелись крутые снежные склоны в ущелье и со стороны Чо и с моей. Можно быстро скалиться и встретиться.

Прикинув расстояние, я заковылял в ту же сторону, что и Чо. Он свистел, кричал, что-то бормотал. Я не мог разобрать смысла, но понимал, что мой Чо рад за меня, рад видеть меня живым, рад, что догнал меня. Он все время что-то показывал мне зажатое в левой руке, но я не разглядел.

— Где же Аа?— спросил я, сложив руки рупором у рта.

— Аа! Аа! Аа! Аа-а-а-а!— закричал он в ответ, остановившись и обернувшись назад.

Я понял, что Аа тоже где-то недалеко, и тоже начал звать ее, помогая старому Чо, и, как можно быстрее двигаясь вперед, чтобы поскорее сойтись со своим испытанным другом.

Интересно устроен человек! Не снежный, а настоящий, вроде меня. Всего несколько минут назад, казалось, ничто не могло бы меня остановить и отвратить от безумного решения — броситься вниз головой в пропасть. Почему? У меня не было другого выхода, мне не хотелось жить, хотя меня кормило, согревало и заботилось обо мне сильное человекоподобное существо — гули-бьябонка Уа, с которой явно не пропадешь в этом холодном льдисто-каменном хаосе безлюдных бесконечных гор.

Но появился Чо, такое же человекоподобное существо. Какой теперь открывался выход из трагического положения студента-альпиниста, попавшего с одним лишь комсомольским билетом в какую-то — неизвестно какую — страну? Никакого выхода! Чо ведь даже не смог бы объяснить мне, где я: в Китае, в Афганистане, в Индии или Непале? И что меня ждет впереди? Ничего не прояснялось после встречи с Чо.

Тем не менее, я ожил. Я шагал, забыв о сумасшедшей боли в разбитой ноге, не чувствуя, что хромаю, и не спуская глаз

со своего Чо, который важно выступал по другую сторону пропасти. Я стал замечать окружающую жизнь. Я с наслаждением смотрел, как убежал в гору мощнорогий архар, как вскинулся и полетел, трусливый замахав крыльями, гигантский снежный сип, как вдали вперегонки бросилась наутек, завидя моего Чо, многочисленная стая красных волков. Эти красно-желтые пушистохвостые зверюги, поменьше наших уральских серых волков, видимо, дружно осаждали какую-нибудь парочку горных козлов. Но как только они заметили Чо, все столь же панически, сколь и сплоченно, ринулись напропалую подальше от него.

Да. Гули-бьябон в этих краях — царь зверей, владыка гор.

В те минуты я был так рад встрече со своим Чо, что даже не подумал: как-ково было бы мне, если б стая красных волков охотилась на этой стороне пропасти, где шел я. Впрочем, я, наверное, ни о чем не думал. Я спел своему Чо нашу уральскую частушку «Милый, чо, да милый, чо...» и, как мальчишка, впервые познавший эхо, бодро и беспечно кричал вместе с Чо, когда он время от времени останавливался и звал свою Аа:

— А-а-а! А-а-а!..

Эхо далеко разносило наши дружные голоса по горам, сверкавшим на солнце заснеженными гребнями и гранями льда, отшлифованного ветрами до голубизны.

Наши веселые крики тогда и принесли мне новые грустные приключения.

Нивесть откуда и совершенно неожиданно на меня налетела моя рыжешерстная похитительница Уа. Она догнала меня так ловко, что я не слышал ее шагов и обернулся лишь тогда, когда на моей спине оказалась ее косматая ручища. Я успел только увидеть, что она негодующе сузила в темные щелки свои желтые глаза, как это делают злые девчонки. В следующий момент я получил от нее затрещину по уху и, наверное, грохнулся наземь, потеряв сознание. А может быть, и не успел упасть, как она подхватила меня, взвалила на плечи и потащила.

Что теперь сетовать и рассуждать! Возможно, не орали бы мы со старым Чо — Уа не успела бы отыскать меня. И Чо меня не отдал бы и прогнал ее. И молодая красавица Уа жила бы себе и жила. И тогда бы, возможно, мы не встретили экспедицию мистера Кэнта... Эх, если бы да кабы, да во рту росли грибы!

Я пришел в себя от обжигающего ветра, который колотил лицо, шею миллионами сухих, словно песок, снежинок. Уа несла меня сквозь буран и тяжело дышала. Я отвернулся от ветра, пошевелился, кое-как натянул на голову капюшон, обхватил рукой свою владычицу за шею, вернее за то место, где должна быть шея, сунул пальцы поглубже в ее шерсть.

Уа почувствовала, что я жив, повернула ко мне румяное волосатое лицо, оскалила в приятельской улыбке свои крупные зубы, ласково поурчала и прибавила шагу. От нее пыхало жаром, и если б не сногшибательный ветер, то над нами взвивались бы клубы пара. Ее голова, живот, бедра заиндевели, а на шерсти ниже колен висели крупные ледяные сосульки. Но она шла и шла, только ей одной ведомо, куда, потому что в трех шагах из-за мчащейся снежной пелены ничего не было видно.

Здесь, в горах, на крыше мира, вдали от морей, при резко континентальном климате, естественны и дневной нагрев, и ночное охлаждение почвы. Утрами всегда заморозки, а взойдет солнце, накалит каменные громады, и стоит теплынь градусов до двадцати. Но после заката все опять быстро остывает. И бывает такое резкое понижение температуры, что я закрываю уши. А ведь они у меня уральские, и до минус двадцати пяти, а то и до тридцати в Свердловске я никогда не опускал верх ушанки.

Неожиданное падение температуры здесь вызывает сумасшедшие ветры, прямо-таки уральские бураны и пургу. Стой только разницей, что здесь не поймешь, то ли это снег из туч, которые опять-таки неизвестно где, наверху или внизу, то ли это снег сдувает с вершин, и поэтому он такой крупный и льдистый. А эта снежная буря была такая сильная и холодная, что я заподумывал: уж не пришла ли зима, может быть, Уа несет меня несколько месяцев?

Мы вошли (странно звучит «мы вошли», когда я лежу на загривке, и меня быстро несут — попробуй вырваться!) в неглубокую расщелину. Две отвесные каменные стены образовывали неширокий коридор, в который только сверху сыпался снег, и было сравнительно тихо.

Я сказал Уа, дескать, давай здесь остановимся.

— Чо, Чо! — ответила она, показывая рукой назад и пошла еще быстрее.

«Хорошо, — думаю, — значит, мой Чо идет за нами. Но откуда Уа это знает?» — тут же усомнился я. При всех самых высоких способностях чуют запахи, шорохи и еще черт знает что, едва ли можно в этакий снежный буран догнать по следу и, тем более, ощущать чье-то преследование.

«Выдумывает все эта Уа!» — решил я и впал было в самую настоящую меланхолию. Мне стало все равно, на все наплевать, будь что будет!

Однако мысли есть мысли. Думать — прекрасное свойство человека! Оно все время беспокоит тебя, напоминает о том, что ты жив, живешь, а отсюда появляются мысли: зачем и для чего живешь, и что ожидает тебя в будущем, и что ты сам можешь и должен сделать для своего будущего.

Я никогда не был пессимистом и не стал им здесь, в обществе гули-бьябонов. Среди них уныния не бывает. Может быть, потому что они не читали стихов Есенина, не учатся и не получают двоек, их не продергивают в стенной газете за плохое поведение — не знаю! Это сложный философский вопрос.

Но, во всяком случае, например, тоскливый свист неистового ветра и мрачная завеса калейдоскопически вертящегося перед глазами снега, которые могут на-

гнать на слабонервного человека полное отчаяние,— в гули-бьябоне пробуждают только энергию и упорство, прилив упрямых сил и неукротимую волю. В этом они похожи на наших альпинистов, туристов, геологов-разведчиков и вообще на всех тех, кто одержим страстью достичь намеченной цели.

Подставляя ветру и снегу лицо, я стал думать о своем научном сообщении в родном университете: «Человекоподобное существо — гули-бьябон».

Я увлекся и перестал замечать окружающее.

Я сделал твердый вывод, что гули-бьябоны не дикие животные, а люди, стоящие на самой первой ступени человеческого развития. У каждого из них есть зачатки характера. Да-да, именно характера. Ведь у дикого животного, как известно, не может быть характера, а только темперамент.

Очень жалею, что у меня не было таких мыслей прежде, когда мы в общежитии спорили с Колькой Ильинским. Колька много раз доказывал, что главное у человека — темперамент, это, дескать, его внутренняя сущность, непеределываемая основа. У одних, дескать, есть страстная порывистая настойчивость, а у других ее нет, и с таких, дескать, взятки гладки. Колька прикрывался тем, что он флегматик по темпераменту, и был подчеркнутым пижоном, антиобщественником.

До чего же ты, Коля, примитивен! У тебя темперамент гули-бьябона, они тоже, как ты, медлительны, и их как будто бы ничем не удивишь. Но если у гули-бьябонов это естественно здесь при низкой температуре, в суровых условиях высокогорной жизни, в разреженном воздухе, то у тебя это просто отсутствие высококоразвитого интеллекта. И ты еще этим рисуешься, подолгу не ходишь в парикмахерскую, говоришь, что это твой стиль. Ты просто равнодушный ко всему человек. Тебе лишь бы хорошо и во время поесть, поярче одеться да не заболеть; чуть вскочит прыщик на морде — у тебя уже трагедия!..

Тыфу! Я даже унизил моих гули-бьябонов, сравнив тебя и твой стиль с ними. Тебе бы, человек Коля Ильинский, такие черты характера, какие в зачатке есть у гули-бьябонов: мужество, чуткость, верность товариществу, последовательность, целеустремленность!

Ну, ладно. Я отвлекаюсь опять, а уже исписана половина блокнота, доставшего мне от покойного мистера Кэнта. Кто знает, может, я не выживу, и этот блокнот будет моим последним словом к товарищам людям. Надо писать поэкономнее.

Наконец-то владычица Уа (ну, как не владычица, если я в ее руках — ее собственная игрушка!) затащила меня в большую пещеру. Большую — сравнительно с той, где я познакомился с Чо. Я пригляделся, но глубина ее терялась в темноте. В пещере было тепло, даже жарко, а весь пол оказался усыпанным крупным золотым песком — каждое зерно в ноготь величины.

— Ого! — не удержался я от восклицания.

У нас на Урале много украинцев и поэтому часто слышишь мягкое произношение звука «г». Видать, и я сказал: «Охо!» А «хо» по гули-бьябонски означает нечто страшное и опасное.

Уа собиралась было сразу уходить, но задержалась, стала уговаривать меня, что никакого «хо» здесь нет. Она мягко хлопала меня по плечу, закатывала глаза и смеялась, объясняя, что пойдет за едой, а я могу лечь спать. Уа даже погладила рукою теплое пещерное дно под моими ногами, усталое золотой шебенкой, и подталкивала меня идти поглубже.

Ну, как ей растолковать, что в глубинах пещеры забираться рискованно? У нас, особенно на западном склоне южного Ура-

ла, пещеры не диковина. Я смекнул по теплоте влажному воздуху, что здесь процесс карстового образования еще не закончился, порода трещиновата и пориста, может обвалиться, что в толще идет уже механический размыв, подготовленный растворением горячей водой бьющего где-то поблизости гейзера. В глубине действительно раздавался шум воды.

Я ковырнул пальцем влажную стену, от нее легко отделялись крупные зерна золота. Размягченные спайки меж зерен в породе были какой-то маслянистой глиной, похожей на пульпу при флотации медной руды, в которой, как известно, много золота.

Попробуй популярно объясни безграмотной гули-бьябонке карстовые явления! Я и сам, хоть и уралец, плохо разбираюсь в геологии. Пришлось сказать, чтобы она быстрее уходила, а самому сделать вид, что укладываюсь спать, конечно, недалеко от входа.

Раньше мне никогда не приходилось лежать на золоте. Но ничего особенного не ощутил. На траве или даже на снегу куда лучше! Какой все-таки дурак был мистер Кэнт, когда не поверил моему рассказу о золотой пещере. По себе судит! «Если бы у вас действительно было столько золота,— сказал он,— вы никому бы об этом не говорили». А ведь мы с Чо могли бы откупиться от Кэнта.

Не помню, сколько я ждал красавицу Уа в этой золотой пещере. Вернее, я ее и не ждал. Метель в горах утихла, наступил тихий вечер, и я уснул, разомлев от влажной жары. При всех сложных переживаниях, я, оказывается, не утратил здоровой способности засыпать к ночи и дрыхнуть, как убитый, без сновидений. Верно, стало быть, говорят: уральцы — люди крепкие, у них пупы железные.

Впрочем, тогда я, кажется, видел во сне свою покойную мать. Она, будто бы, делала пельмени, и я выпросил у нее немножко сырого фарша, который очень вкусно пахнул. Намазал его на ломоть хлеба. Наверно, я был голоден.

Утром меня разбудил Чо. Да-да, именно Чо. Просыпаясь, я посчитал, что возвратилась Уа, и приготовился отбрыкиваться от ее нежностей. Прямо перед входом в пещеру алела заря. Оранжево-красная над каменными глыбами, она заливала зловещим светом снега, ставшие алыми, точно кровь. А само небо, словно избавляясь от этого неприятного цвета вни-

зу, светлело и светлело без единого облучка, чем выше, тем голубее.

— Вить! Вить!— свистяще хрюкнул Чо, приплясывая на корточках передо мной.

Уа не называла меня Вить, она мне всегда говорила «бох» — высшая похвала на гули-бьябонском языке. Я недоверчиво взгляделся в лицо: да, это был, несомненно, мой Чо.

Мы обнялись до хруста в костях. Моих костях, конечно. Чо радостно урчал. Потом он запустил свою волосатую пятерню себе в рот и извлек из-за щеки мой нож. Какой молодец! Он его нес в руке, подбрав там, где меня похитила Уа, его, видимо, он и показывал мне, когда мы встречались на разных краях пропасти. А потом положил нож себе за щеку, чтобы не мешал в руках.

Я с ликованием схватил свое последнее достояние, орудие труда, отличающее меня от гули-бьябонов. Все золото подмною ничего не стоило в сравнении с этой ценностью — дешевеньким складным ножом!

— Какая ты умница, Чо! Честное слово, ты умнее некоторых университетских тупиц, зачисленных в студенты по протекции папенок и маменек!.. Это же нож! Орудие труда! Понимаешь?

Я раскрыл нож, пощупал — не затупил-

ся ли, поднял первый попавший под руку самородок и, напевая: «Все куплю», — сказало золото. «Все возьму», — сказал булат...», — с успехом продемонстрировал внимательно следившему за моими движениями Чо, как стальное лезвие режет золото.

— Видишь? Золото здесь совсем чистое. Его твердость в чистом виде чуть больше, чем у гипса. Такое золото — редкость: обычно оно содержит серебро или медь, около четверти состава, или, в крайнем случае, находится в минерале вместе с теллурием — в кренерите, в калаверите, в сильвините.

те. Причем, не путай с сильвинитом — то, брат, сырье для калийного удобрения. У нас на Урале многие в золоте понимают, а отец мой даже был в молодости старателем-золотоискателем.

Глупо было, конечно, читать для Чо такую лекцию, блистать перед ним своей эрудицией, хвастаться. Но я был так счастлив, что мы снова вместе! Немудрено, если б я тогда же стал рассказывать ему про Таню, которая учится на нашем курсе и ждет, что я ей из альпинистского похода привезу какую-нибудь редкостную достопримечательность. В хорошие минуты жизни человек всегда думает о самом близком и дорогом.

Чо внимательно слушал меня, кивая головой и согласно похрипывая, словно все понимал. Он тоже поднял кусочек золота и пожевал в зубах, расплющив его. А я взял и отрезал у него с плеча большой клочок черно-рыжей шерсти, скатал в комок, потер им щеку, чтобы подчеркнуть ему свою признательность, и спрятал реликвию у себя на груди.

— Это я от тебя передам привет нашим ребятам. Понял?

Чо громко смеялся, в восторге оскалив зубы. Но тут же нахмурился и весь как-то сжался, мгновенно сбив с меня сентиментальное настроение и вернув в реальную обстановку, окружающую нас.

— Хо! Хо! Хо! Хо! — закричал Чо, взмахивая мохнатыми руками и всматриваясь в глубину пещеры.

Всходило солнце, и первые лучи, словно прожектор, осветили пещеру. Я обернулся. Все стены на много сотен метров сверкали золотыми блесками, а вдаль, куда показывал Чо, поднимались клубы желто-зеленого пара.

Мы оба попятились к выходу. Я от неожиданности, Чо из убежденной предосторожности.

— Не бойся, — успокаивал я. — Это плавится золото. Там, наверное, выход горячего газа. Мы сможем там добыть огня, спичек-то у меня больше нет.

Я залюбовался необычайным зрелищем. Там кипело и выгорало золото. Золотые лучи солнца пронизывали пещеру далеко вглубь, и дорога туда, дорога из золотых самородков, сверкала зеленоватым блеском. И зеленоватый дымок испаряющегося золота тоже был золотым.

Сколько еще нетронутых человеком богатств на нашей лишь частично обжитой планете! Они ждут и здесь, в этих неприступных снежнокаменных краях, своего хозяина. Конечно, будет время, и в Китае, и в Индии (на чьей же я территории?) народ возьмет власть в свои руки и придет штурмовать дикие, таинственные горы, искать, добывать, разрабатывать сокровища этих недр, тоскующих по человеческим рукам.

Как и следовало ожидать, вернулась Уа. Но ни я, ни Чо не предполагали, что она полезет драться. Она появилась с ворохом набитой сажки в руках. С десяток этих больших, оранжевых в черную полоску птиц она сунула прямо в лицо моему Чо, с расчетом обескуражить его, и пыталась сгрести меня в охапку, чтобы сразу утащить.

Чо не оторопел. Он спокойно отмахнулся от кучи птичьих туш и заступился за меня — взял Уа за плечи, люто крикнул, отшвырнул ее в сторону.

И через минуту я едва не усомнился в своем выводе, что гули-бьябоны — это люди на низшей ступени человеческого развития.

Уа дико завизжала, как сто девчонок разом, и прыгнула на Чо, стараясь совсем по-бабьи выцарапать ему глаза. Старый Чо был выдержаннее и сначала хладнокровно отмахивался руками и ногами. Им быстро стало тесно под сводами пещеры, двум рычащим мохнатым огромным зверям, и Чо, сначала осторожно оттерев меня наружу, вырвался из пещеры сам.

Тогда Уа, выскочив за нами, окончательно расвирипела — подняла обеими руками каменюгу, этак килограммов на триста, и с размаху бросила в Чо, словно мяч на баскетболе. Чо увернулся. Она схватила другой камень, чуть поменьше, и прицелилась. Но Чо успел подбежать к ней, стиснул ее вытянутые над головою руки, тряхнул — и камень выпал. Он не отпускал ее, ругаясь — что-то бормоча зло и угрожающе, но она повисла у него на руках и иступленно заколотила ногами ему по животу. Чо скрючился и оттолкнул ее подальше.

Я стоял ни жив ни мертв.

Уа мигом кинула в Чо еще одним камнем, величиною с набитый рюкзак, прямо одной рукой, как это делают все гули-бьябоны на охоте. Чо заслонил голову, но камень угодил ему в грудь. Мой Чо пошатнулся, и Уа, ни секунды не медля, не давая ему передышки, навалилась на него, кровожадно вцепилась зубами в плечо. В жестокой схватке, ударяясь о камни, оба упали. Шерсть клочьями взлетала над ними.

Уа моложе и, видать, ловчее. Она быстро оказалась сверху. Старый Чо, лежа ничком, захрипел, задыхаясь. Увидев, что его ноги конвульсивно задвигались в воздухе и уже не задевают Уа, я, не помня себя, раскрыл свой нож, кинулся на нее и всадил лезвие в холку по самую рукоять. Резко повернул, как на медвежьей охоте, и вынул.

Уа взметнулась на ноги, попятилась назад на несколько шагов, приготовившись наскочить теперь на меня. Ее желтые большие глаза превратились в черные хищные щелки. Она уже присела, чтобы покончить со мною одним прыжком.

Но тут поднялся Чо и, взяв двумя руками большой камень, запустил его в Уа. Он попал ей в самый лоб. Конечно, никакой, даже гули-бьябонский череп, не выдержит такого удара.

Старый Чо медленно подошел к рухнувшей замертво Уа. Отдышавшись, он опустился перед ней на колени и жалобно-жалобно заурчал, поглядывая на меня с укоризной.

Потом он некрепко сжал мою руку и подтянул к сердцу Уа. Сердце остановилось, в этом не было никакого сомнения. Я отвернулся: вид размозженного черепа — не из приятных. А Чо поднялся, обошел вокруг трупа, чтобы заглянуть мне в глаза.

Наши взгляды встретились. Чо покачал головой и испытующе, вопросительно смотрел на меня в упор. Я тоже встал, не отводя глаз. И наш безмолвный разговор, как мне показалось, был, примерно, таким:

— Я не виноват, что так получилось. Ты на меня не сердишься? — говорил Чо.

— Я понимаю, дружище, — говорил я, — что вас, гули-бьябонов, по-видимому, осталось очень мало, и, конечно, мне горько-горько, что погибла молодая Уа. Но поверь, у меня не было к ней никакого расположения. Она хорошо относилась ко мне, безусловно. Но я был все-таки ее пленником. Пленником. Понимаешь?

Не знаю, может быть, мне всего лишь показалось, что мы с Чо поняли друг друга. Он совсем по-человечьи положил мне руку на плечо и похвалил меня:

— Бох!

Я спросил, пощупав его грудь, где сквозь шерсть просвечивал огромный кровоподтек:

— Как тут? Ничего?

В доказательство, что все ребра целы, Чо яростно и бодро поколотил себя в

грудь кулаком. И вдруг повел носом, выпрямился, насторожился, напряжился весь, прислушиваясь к тишине мертвых гор вокруг. Я тоже внимательно огляделся окрест.

И из очень дальнего далека до нас донесся тоскующе ищущий рев:

— Оо-оо-оо-оо!.. О-о-о-о!..

— Аа! — воскликнули мы разом и как-то даже облегченно.

10

Вскоре Аа, постояв на ближайшей вершине и издали стараясь разглядеть, что у нас произошло, спустилась к нам. Чо уткнулся лбом в ее лоб, и они долго терлись друг о друга, чуть слышно урча и побрякивая. Чо ей, наверное, объяснил все.

И тогда они подняли убитую Уа и понесли ее на плечах в ближайшую расщелину. Я не мог быть безучастным и тоже подставил плечо под тяжелую грустную ношу.

Мы несли ее долго, очень долго. Чо

медленно шагал впереди на полусогнутых ногах, шагал осторожно, словно с переполненной чашей, из которой нельзя пролить ни одной капли. Светило солнце, ослепительно, до рези в глазах сверкали вокруг нетронутые снега, окаймленные дочерна темными траурными ребрами скал. Если непрерывно смотришь на однообразные горы под ярким солнцем, зрение перестает воспринимать оттенки. Только черное, белое и голубое было вокруг.

Когда наша процессия спустилась на дно неширокого и неглубокого ущельца, Уа положили наземь. Чо и Аа осмотрелись и выбрали нишу в стене, полузаваленную крупными камнями. Не издавая ни звука, они начали разбирать камни, аккуратно складывая их в стороне. Я принялся помогать.

Стояла жара, и мы часто прерывали работу, чтобы поесть снегу. У меня начинала кружиться от голода голова, снова разболелась разбитая коленка, но мои гули-бьябоны и не помышляли прекращать выборку камня из ниши. Она медленно углублялась и углублялась. Рядом вырос целый курган из камня, почти в два моих роста. Над нами то и дело кружились снежные сипы, но ни один не осмелился спуститься к мертвой Уа, лежавшей поодаль.

Меня уже покачивало от голода и непосильного труда, ведь я больше суток ничего не ел. Аа заметила, как я пошатнулся, таща камень, и протянула мне какую-то жалкую полусухую травинку. Для

подкрепления. Я безразлично сжевал ее и тяжело вздохнул.

И опять Аа с Чо перетолковали меж собою, и она ушла ненадолго. Возвратилась со множеством больших, буроватых с темными пятнами яиц в пригоршне. Я быстро съел все яйца. Аа с нежной грустью поглядывала на меня, как мать на хилого, заморенного ребенка. Она тоже устала и села отдохнуть, поскребывая себе голову, словно расчесывая волосы — толстые, как проволока.

Чо неистово работал, не сделав ни единой передышки, пока не выбрал к закату солнца весь камень из углубления. Опять молча, все втроем мы перетасили труп Уа в нишу, ставшую вместительной, как небольшая пещера.

Быстро темнело. И в коротких сумерках, когда Чо старательно усаживал мертвую Уа в нишу, я невольно сравнил ее, молодую, со старой Аа. Да, Уа была настоящей красавицей. Даже бездыханное тело ее выглядело упругим и сильным, а черты лица мужественными и по своему обаятельными. Чо усадил ее на вечный отдых, и она, казалось, просто устало над чем-то задумалась на минутку. А старая Аа ссутулилась, стоя рядом, и беззвучно всхлипывала. По ее морщинистым, обросшим мелким волосом щекам текли слезы, и могучие, но уже дряхлеющие плечи дрожали.

Чо начал укладывать камни обратно в нишу, замуровывая Уа. Я стал помогать, воспрянув силами после десятка сырых яиц. Не осталась в стороне и Аа.

Камень за камнем. Стук за стуком — размеренные тихие звуки. В южных краях солнцу стоит лишь скрыться за горизонтом — сразу наступает непроглядная тень. Но в этот вечер небесную вахту быстро сменила полновесная луна и залила всю округу холодными струями

зыбкого желтого света. И словно сдвинулись в траурном молчании горы, мрачно обступили нас, будто захотели стиснуть и захоронить в себе еще двух гулибьябонов со студентом в придачу, как приняли в свои недра красавицу Уа.

Мы продолжали работать и работать, я лез вон из кожи, чтобы не отставать от друзей. К утру ниша была завалена камнями на несколько метров толщиной. Ни дать, ни взять — произошел естественный обвал. Кто, проходя мимо, догадается, что под россыпью гранитных и гнейсовых глыб, навороченных старыми Чо и Аа, в толще горы покоится их молодая соплеменница.

Снова вошло солнце, и я заторопил моих друзей. Вперед! Вперед на северо-запад! Хотя, впрочем, слишком на запад нельзя: вдруг забредешь в Афганистан. Мне надо во что бы то ни стало дойти туда, где в припамирской горной области смыкаются льдистый Каракорум и островерхий Куэнь-Лунь! И пусть впереди хоть тысяча километров пути, я дойду до людского жилья, дойду до родной страны!

Аа и Чо не противились, шли туда, куда я показывал. Они трогательно заботились обо мне и не раз предлагали тащить меня. На небольшом высокогорном плато мы натолкнулись на птичий базар саджи. Саджа чуть похожа на голубя, только гораздо крупнее, в несколько раз, и охристая, почти оранжевая, низ беловатый, а на голове, на груди, спине и хвосте тонкие черные полоски. А пальцы сросшиеся, поэтому ее зовут еще, кажется, копыткой. Гнездо у нее прямо на земле, в каждом — два-три буроватых, с темными пятнами яйца. Вот уж попили мы этих яиц! Сначала били саджу камнями и съели несколько штук, а потом надоело потрошить и ощипывать их, и стали лакомиться одними яйцами.

Стараясь и по аппетиту не отставать от гули-бьябонов, я объелся до шемящей тяжести в желудке. После мы все трое заснули под какой-то нависшей скалой. И в ночной мороз меня согревали мои горячие, как печки, мохнатые друзья.

Я настраивал себя спать чутко, чтобы Аа и Чо снова не понесли меня куда-нибудь. Но где там! Стоило мне положить голову на мягкое плечо старой Аа, я словно провалился в небытие. И вполне вероятно, что Чо опять нес меня, как ребенка. Куда? Не знаю. Во всяком случае, когда лучи утреннего солнца зашекетали мне веки и я проснулся, трудно было определить: на много к северо-западу мы продвинулись за ночь или не на много. Может быть, мы уклонились на восток.

Но так или иначе, к полудню мы подошли к большой котловине. И внизу я увидел сизые дымки костров и белые палатки лагеря какой-то экспедиции.

Я хрипло заорал, мгновенно ошалев от бурного восторга:

— Люди! Ура-а-а!..

Опасливый Чо благоразумно взял меня за руку и попытался отвести назад. Но разве я послушался?

— Люди! Ура-а-а!..

Увы! Мой Чо верно чувствовал, что встреча с этой экспедицией чревата трагическими последствиями. Почему я тогда не подчинился ему и был так неосторожен? А ведь я грамотный, я знал, что люди на земле разные.

(Окончание в следующем номере.)

ЧИТАЙТЕ

В № 3 «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»:

«Хрестить вечно» — документальная повесть А. Показаньева об уральском комсомольце-рабочем 30-х годов Павле Зыкине,

«Будни большой стройки» — очерк И. Глазкова о Воткинской ГЭС,

«Белая полянка» — рассказ Мих. Зуева-Ордынца,

«Я скажу все...» — очерки о свердловской милиции Г. Яковлева,

«Наша Оскарловна» — воспоминания Раисы Валек об отважной подпольщице в колчаковском тылу Марии Авейде,

«По следам товарища Андрея» — рассказы Е. Ананьева о сибирской ссылке Я. М. Свердлова,

«Брат гули-бьябона» — окончание записок В. Трофимова о снежном человеке,

«За парходом» — рассказ-быль Б. Рябинина,

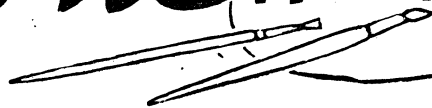
«Паша — верблюд-перепелятник» — охотничий рассказ С. Праги,

«Легенда о Великом Полозе» — рассказ натуралиста Г. Демидова,

«Зрение без глаз» — очерк М. Искрина,

«Необыкновенное путешествие» — продолжение игры читателей.

КТО Художник?

К. ФОМИН

Когда наступает зима и приходят морозы, оконные стекла покрываются фантастическими ледяными узорами.

Кто и как нарисовал их? Может быть, на стеклах имеются какие-то не видимые глазом узорные трещинки, и по их рисунку замерзает влага?

Возьмите пластинку оконного стекла и взгляните на нее в сильную лупу или под микроскопом. Вооруженному глазу стекло кажется шероховатым, покрытым пупырышками, но ни одной трещинки, а тем более узорной, на нем нет.

Если и это покажется необедительным, сделайте еще один опыт. Большой лист стекла разрежьте на две части. Одну вставьте в первичную раму окна своей комнаты, а вторую — в окно подвала. Когда они покроются льдом, взгляните на них. Вы увидите, что на стекле в комнате появились рисунки папоротников и пальм. А в подвале? Там на стекле образовалась лишь тоненькая, искрящаяся при свете корочка льда, которая состоит как бы из отдельных снежинок, таких, какие падают во время метели. Но никаких узоров нет.

В чем дело? Почему на двух частях одного и того же листа стекла в комнате ледяные узоры появляются, а в подвале нет?

Продолжим наши опыты, чтобы найти разгадку. Положим полоску стекла на крыльцо или просто на снег и опрыскаем ее из пульверизатора так, чтобы на ней получился ровный слой воды. Постепенно вода замерзнет и, вместо нее, появится сплошная матовая корочка льда. Но... она совсем не узорная. Почему? Разве это не такое же стекло, как в оконных рамах, или влага не та?

Если на пруду или в реке сделать маленькую прорубь, то можно заметить, что она начнет замерзать не сразу вся и не с середины, а с бережков. Кое-где молодой ледок образуется гладким, розовым и прозрачным, как стекло. А кое-где... Смотрите, почему же местами от бережков проруби бегут к ее середине ледяные лучи? И не какие-нибудь, а похожие на те узоры, которые мы видели зимой на оконных стеклах!

Если река или озеро далеко, можно налить в таз воды, вынести наружу и увидеть то же, что и на проруби.

Что это такое? Ведь на воде трещинок нет. Кто же рисует на воде узоры? Почему они появляются только на оконных стеклах или на воде озер, лужиц и рек?

Давайте срисуем ледяные узоры с одного из стекол окна и подождем, пока они растают, а вместо них, появятся новые. И тогда сравним рисунок на бумаге с узорами на стекле. Они будут почти одинаковыми: те же пальмы и папоротники, но только лишь похожие, а не тождественные.

Теперь мы уже можем почти с уверенностью сказать: на стеклах трещинок нет. Рисует мороз. Но как? И почему он никогда не рисует листья рябины, тополя, клена? Научился рисовать одно — пальмы и папоротники и не может или не хочет переучиваться.

Нарисуем алмазом на стеклах узоры. Нарисуем те же, что рисует и Дед Мороз — папоротники и пальмы, и подождем, пока стекло покроется льдом. И вот оказывается, что Дед Мороз не посмотрел даже на наши рисунки и рисует не по ним, а так, как сам захочет. Ему надо только стекло, на нем влага и никаких «подсказок».

Но, может быть, мы все-таки оши-

баемся и чего-нибудь не учли? Может быть, на стеклах есть какие-то узоры, но мы их не сумели обнаружить, увидеть?

Продедаем такой опыт. Вынем два стекла из окна. Вместо одного, вставим лист железа, а вместо другого — лист фанеры. На фанере и железе есть трещины, а на оцинкованном железе есть даже и узоры. Вскоре и на железе и на фанере появляется влага, — ведь в ком-

нате ее много. И вот влага замерзла. Но как? Появился не лед, а сплошные коврики пушистого снега. Дед Мороз, как оказалось, не умеет рисовать ни на фанере, ни на железе. Он рисует только на стеклах, да и то не на всех, а лишь на оконных, в жилых помещениях.

Если у вас в окнах дома есть разные стекла, большие и маленькие, то, присмотревшись к ним, вы увидите и еще одну особенность мороза-художника. На каждом стекле, большом и маленьком, Дед Мороз всегда рисует узоры по величине стекла. Если взять из окна любое большое стекло и разрезать его на маленькие листы, а потом вставить в оконные рамы, то на каждой части большого стекла появятся законченные рисунки, а не кусочки их. К тому же заметьте: узоры свои Дед Мороз всегда начинает рисовать снизу, сверху или с боков, но никогда с середины стекла. Опять загадка. Почему?

Присядем снова у того окна, стекла в котором мы заменили фанерой и железом. Возьмем лупу. Листы фанеры и железа покрылись влагой, она начинает замерзать. Но как? То здесь, то там на листах железа и фанеры появляются маленькие, как плесень, пушистые комочки снега. Попытаемся разобраться в этом.

Осев в трещину фанеры или железа, пылинка влаги попадает в ловушку. Она не может двигаться ни вниз, ни вверх. Железо и фанера не стекло. Они шероховатые, и по ним не поедешь вниз, не заскользишь. Охладившись, пылинка влаги замерзает там, где нашла себе место. Од-

нако росинка влаги не становится льдом. Замерзает она мгновенно, и поэтому так быстро расширяется, точно взрывается, рассыпается в пушистую снежинку.

А стекла тоже «потеют». Но совсем не так, как железо и фанера. Влага становится больше, она густеет и уже не может удержаться на одном месте. Стекло гладкое, точно шлифованное. Капельки бегут вниз, и поэтому больше всего влаги оказывается внизу и у боковых краев стекла, здесь их удерживает рама.

Наведем на стекло лупу. Сквозь нее ясно видно: на влагу налипли пылинки. А в нижних уголках стекла — целые слои, пленочки серой пыли. Вместе с влагой пленочки непрерывно колеблются. Переминаясь то вправо, то влево, то вниз. Да это и понятно: тонкая пленочка пыльной влаги не может закрепиться на гладком стекле и катается на нем, как на салазках. Только мороз может крепко припаять влагу к стеклу.

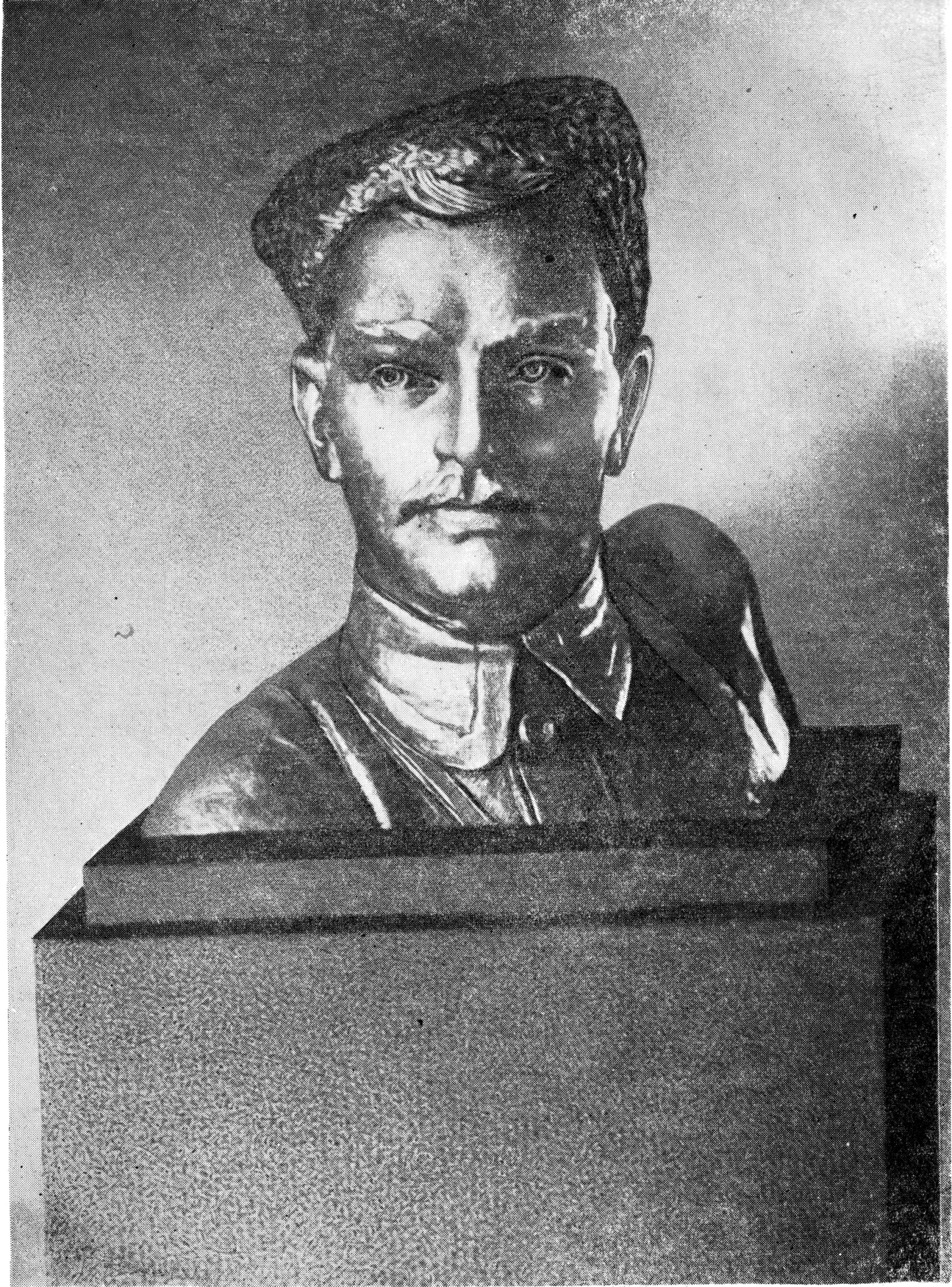
Протянем к окну руку. Чувствуете, на нее от окна дует. Может быть, это воздух и колеблет влагу? Ведь он непрерывно циркулирует у окна: теплый течет к окну сверху, от потолка, а охладившись у стекла, опускается книзу, и тогда нам кажется, что от окна «дует».

Разрежем лист папиросной бумаги на узенькие полоски. Сложим их в кисть и подвесим к раме у края стекла. Кончики кисти в тот же момент заколеблются во всех направлениях. Похоже, что на них дует ветерок.

Так оно и есть. Воздух в комнате — это не вода в трубах. Частицы очень чутки и подвижны. От малейшего дуновения, движения, дыхания, кашля частицы воздуха начинают метаться, как пылинки в луче солнца. То же самое происходит у окна.

А теперь еще раз посмотрите на стекло в лупу. Видите, в левом углу нижнего стекла, покрытая пылью, пленочка влаги все время колеблется. Вдруг пленочка развернулась, превратилась в маленький веерок. Веерок несколько секунд подрождал и... замерз прочным ледяным узором-папоротником. Замерз мгновенно таким же веерком, каким развернула влагу на стекле резко дунувшая струйка воздуха.

Значит, Дед Мороз совсем не художник? Это воздух рисует? Его струйки увлекают за собой пленочки влаги, разбрасывают веерками, а Дед Мороз только скрепляет их.

Герой гражданской войны на Урале В. М. АЗИН.

Скульптура И. Новоселова.
Государственный музей
Татарской АССР.

ПЕСНЯ О НАЧДИВЕ АЗИНЕ

«...Приходил ко мне на пароход в Елабуге красный командир тов. Азин. Был он... беспощаден к белым, к перебежчикам и отчаянно смел. Говорил он со мной главным образом о своей заботе о красноармейцах. Красноармейцы его любили. В этом году я получила письмо от одного красноармейца, бившегося с колчаковцами под его руководством. Какой горячей любовью к Азину дышит каждая строка его письма!»

Н. К. Крупская.

*В горячей пене удила,
Метелью кони стелются.
Вот шашка вспыхнула, светла,
Над боевой метелицей.*

*Вперед, орлы, вперед!
Победы солнце с нами!
Оно всегда встает,
Товарищи, над нами!*

*Слова героя никогда
С делами не расходятся.
Вперед! И грянул бой тогда,
С врагами сшиблась конница.*

*Вперед, орлы, вперед!
Победы солнце с нами!
Оно всегда встает,
Товарищи, над нами!*

*Пробита пулею рука,
Но если шашку выбили,
То верен конь, и на врага
Бросается он, вздыбленный!*

*Вперед, орлы, вперед!
Победы солнце с нами!
Оно всегда встает,
Товарищи, над нами!*

Триключення ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ

Таинственное убийство

Когда окончилась Великая Отечественная война, в одном из отделов гитлеровской Имперской канцелярии нашли письмо директора кенигсбергского музея, адресованное Гитлеру. В письме говорилось: «...В связи с участвовавшими бомбежками Кенигсберга и стремительным наступлением советских войск, я вынужден принять самостоятельное решение по вопросу сохранения сокровищ кенигсбергского Королевского замка. Указанные сокровища спрятаны на территории Королевского замка в надежном месте. В отношении участников операции приняты особые меры...»

На этом письмо заканчивалось. При нем не было ни планов, ни описаний места, где спрятаны сокровища.

Пошли по горячим следам. В Кенигсберге разыскали адрес директора музея и установили, что он жив и находится в городе. Офицер советской комендатуры пришел к директору на квартиру, но его не оказалось дома. Пришлось оставить повестку с просьбой явиться в комендатуру.

Прошел день, но директор музея не явился. Не появился он и на следующий день. Офицеры комендатуры приехали к нему домой. Открыв дверь, они увидели в комнате стол, накрытый на две персоны, и бокалы с вином. А за столом — мертвый директор музея. Рядом с бокалом вина, который сжимала его окоченевшая рука, лежала повестка с вызовом в комендатуру...

Соседи рассказали, что к «господину директору» приходил «господин в черном костюме». Они вместе поужинали, и «господин в черном» ушел.

«Господина в черном костюме» разыскать не удалось. Но анализ вина в бокале директора помог выяснить причину смерти. Вино содержало сильный яд.

Чудесная комната

Трудно найти город, окрестности которого так богаты памятниками искусства, как окрестности Ленинграда: дворцы и парки Петергофа и Пушкина, Павловска и Гатчины.

В одном из них, Екатерининском дворце города Пушкина, была до войны комната, называемая «Янтарной».

Стены комнаты состояли из отдельных панно, занимающих площадь пятьдесят пять квадратных метров. Панно были покрыты мозаикой из кусков натурального янтаря различных оттенков — от лучисто-прозрачного до густо-желтого, словно застывшие капли меда. Резными рельефными рамами из янтаря стены делились на поля, середину которых занимали мозаичные пейзажи из цветных камней.

Это было настоящее чудо по ценности материала, мастерству резьбы и художественности исполнения. Чудесный — то темный, то светлый, но всегда теплый — тон янтаря, придавал всей комнате невыразимую прелесть.

Янтарные панно изготовил в 1701—1709 годах данцигский мастер Гофрин Туссо по рисункам архитектора Шлютера.

Привезенные в Россию в 1717 году, панно только в 1743 году извлекли из ящиков и установили в Зимнем дворце. В 1755 году их перенесли в Царское село (ныне город Пушкин) в Екатерининский дворец.

Похищение комнаты

Когда началась Великая Отечественная война, сотрудники Екатерининского дворца-музея самоотверженно взялись за сохранение музейных сокровищ. Они зарыли в землю мраморные парковые скульптуры, упаковали в ящики картины, фарфор, ковры и мебель и отправили их в глубокий тыл. Дошла очередь и до янтарной комнаты. Но при попытке снять одно из панно выяснилось, что от времени оно пришло в ветхость, и мозаика может рассыпаться. Решили оставить янтарные панно на месте, наклеив на них бумажные и марлевые полоски, точно такие же, какие наклеивали на окна для предохранения их от бомбежки и артиллерийских обстрелов.

В сентябре 1941 года немцы оккупировали город Пушкин. Двадцать девять месяцев фашистской оккупации города были сплошным надругательством над человеческим достоинством советских людей и над культурными сокровищами нашего народа.

Фашисты не щадили ничего. Они рубили старые деревья Екатерининского и Александровского парков, изрыли окопами и траншеями их аллеи, опутали всю территорию парков колючей проволокой, заминировали подходы к ним.

Разграбление и разрушение исторических и художественных ценностей дворцов производилось преднамеренно, по указанию высших германских властей. Так, в приказе командующего 6-й германской армии Рейхенау говорилось: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения...»

Значительную часть Екатерининского дворца фашисты сожгли, разграбив все ценное, что оставалось еще там, вплоть до дверных ручек. По приказанию командующего Северной группой армии Георга

фон Кюхлера среди других сокровищ были вывезены в Германию и янтарные панно. Их перевезли в Кенигсберг и установили в Королевском замке. В нем открыли выставку сокровищ, доставленных из России. Организаторами выставки были доктор Роде и Герт.

Об этих-то сокровищах и говорилось в письме директора кенигсбергского музея, адресованном Гитлеру. Среди них, конечно, были и панно янтарной комнаты.

Но как их найти?

Враг замечает следы

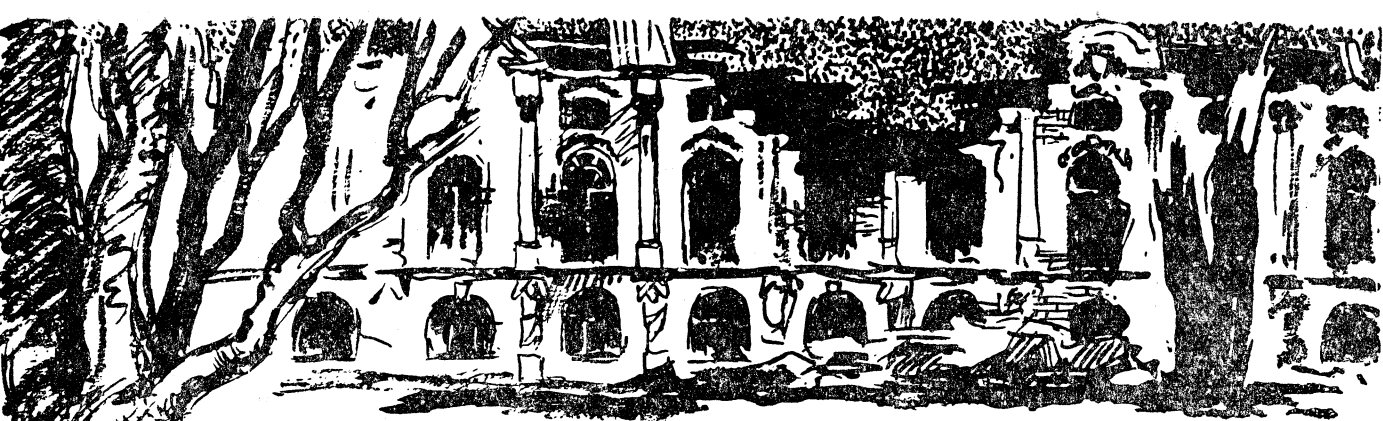
Директор кенигсбергского музея был мертв. Цепочка поисков оборвалась в самом начале. Казалось, искать дальше янтарную комнату бесполезно.

Однако вскоре пришло сообщение, что организаторы выставки в кенигсбергском замке — доктор Роде и Герт — нашлись.

На допросах они давали противоречивые показания. Герт утверждал, что большая часть сокровищ оставалась в залах замка. Их не успели подготовить к эвакуации. Янтарная комната, разобранная и уложенная в ящики, была, по его словам, вывезена в Западную Германию.

Доктор Роде, наоборот, показал, что янтарная комната все время оставалась в так называемых «покоях москвитов», где была развернута выставка. Во время бомбежки Кенигсберга часть Королевского замка разрушили, оставшуюся часть охватил пожар, в огне кото-

рого среди многих сокровищ погибла и янтарная комната.

Вскоре нашлось еще несколько работников кенигсбергского музея. Но они не знали подробностей, связанных с захоронением сокровищ, и их показания не принесли большой пользы. Только один из них сказал, что случайно видел, как ночью из замка вывезли несколько больших плоских ящиков, которые на рассвете снова возвратили на место.

Доктор Роде объяснил это следующим образом: да, комнату из янтаря пытались увезти, но было уже поздно, и поэтому решили вернуть ее на прежнее место. Он вызвался показать в развалинах замка обгоревшие остатки янтарных панно.

Роде и сотрудник Екатерининского дворца-музея в сопровождении советских автоматчиков прибыли к замку. Доктор очень быстро нашел среди развалин комнату, на полу которой лежали небольшие темные кучки спекшейся массы. Сотрудник пушкинского музея взял кусочек массы, растер ее в пальцах, понюхал. Он ощутил тонкий запах смолы. Сомнений быть не могло: это был расплавленный сгоревший янтарь.

Через день после поездки к развалинам Королевского замка неожиданно в лагере для военнопленных заболел Герт. К утру он умер. Врачи констатировали отравление. Доктор скончался через день и тоже от отравления. Во рту у него были обнаружены стеклянные осколки от ампулы.

Где сокровища?

Тогда было принято решение: обыскать подземелья Королевского замка.

Для этой цели выделили специальный инженерный батальон. Солдаты быстро разобрали каменные плиты, устилавшие двор замка. Вскоре под плитами показались трупы советских военнопленных и рядом с ними трупы эсэсовцев. Так для сохранения тайны уничтожили тех, кто прятал сокровища, и тех, кто их охранял. Вот о каких «особых мерах» докладывал Гитлеру директор музея.

Перерыли весь двор, подземелья, но янтарной комнаты не нашли. Тайны мрачных развалин старинного замка, стоящего на берегу тихой реки Прегель, раскрыть не удалось.

Сотрудник пушкинского музея не сдавался. Он сел за изучение планов кенигсбергского Королевского замка. Дни и ночи кропотливо рассматривал каждую комнату, каждый поворот коридора, каждую нишу. Планы оказались неточными, на них не были отмечены многие тайники, которыми так богат старинный замок. Кроме того, здания по существу уже не существовало, остались только груды развалин, под тяжестью которых могли быть погребены сокровища.

Вскоре, однако, сотрудник музея заметил, что доктор Роде допустил неточность. Залы «москвитов» находились несколько в стороне от того места, где он показывал сгоревшие янтарные щиты. Было это случайностью или умыслом? Пришлось перевернуть груды книг, прежде чем удалось найти достаточно подробное описание кенигсбергского замка и его сокровищ. Перечитывая эти описания, сотрудник Екатерининского дворца-музея нашел то, что искал. В толстой старой книге мелким шрифтом было напечатано: «...В восточном флигеле, по соседст-

ву с залом московитов, в стене вмуровано три янтарных щита с гербами короля Фридриха...»

Все собранные факты позволили советским специалистам сделать следующие выводы.

Показания Герта совпадают с показаниями сотрудника кенигсбергского музея там, где говорится, что янтарную комнату вывезли.

Показания доктора Роде и сотрудника кенигсбергского музея свидетельствуют о том, что янтарная комната была не только вывезена, но и возвращена на место. Это, возможно, сделали с целью сохранения тайны места ее сокрытия или с целью конспирации ее вывоза (в замок могли вернуть и пустые ящики). И в том, и в другом случае янтарная комната не могла находиться в залах, а следовательно, и не могла сгореть.

В комнате, указанной Роде, были действительно остатки сгоревшего янтаря. Но там не обнаружили металлических рам, в которые была вмонтирована янтарная мозаика. Кроме того, залы «московитов» находятся несколько в стороне от комнаты, указанной Роде. Из старинных описаний кенигсбергского замка явствует, что в одной из его комнат на стене висели три небольших щита, остатки которых мог показать Роде.

Письмо, найденное в рейхсканцелярии в Берлине, и трупы под каменными плитами во дворе замка свидетельствовали о том, что сокровища были спрятаны на территории замка. Но находилась ли среди них янтарная комната? Этого никто не мог сказать.

Вместо заключения

Трудами советских людей восстановлены многие памятники в пригородах Ленинграда.

Посетители Екатерининского дворца-музея снова восхищаются его сокровищами: мебелью, фарфоровыми вазами, паркетом, похищенными некогда фашистами. Они рассматривают витрины с множеством мелких янтарных вещей: шахмат, резных фигурок, шкатулок, которые когда-то стояли в знаменитой янтарной комнате.

Но самой янтарной комнаты нет, и местопребывание ее неизвестно. Сгорела ли она при пожаре в Кенигсберге, была ли вывезена в Западную Германию, по-

гребена ли под грудями развалин Королевского замка,— сказать трудно. Но о ней не забыли, поиски ее продолжаются. И, может быть, недалек тот день, когда будут найдены ее следы, а за ними и сама янтарная комната: все двенадцать щитов, выложенных мозаикой из янтаря разных оттенков, от желто-молочного, до густого золотистого цвета. И тогда посетители дворца-музея смогут увидеть это удивительное, редкое произведение искусства и услышат от экскурсовода не менее удивительную, почти легендарную историю янтарной комнаты.

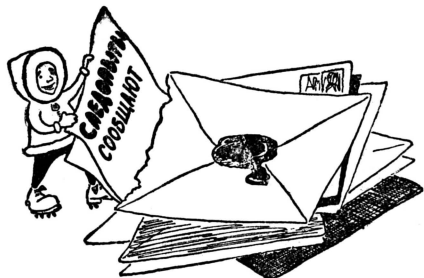

Сильнее Смерти

Это было утром 5 ноября 1942 года близ Орджоникидзе. Младший лейтенант Зангиев, которому предстояло прикрывать товарищей, летевших на штурмовку танковой колонны немцев, сел в кабину своего самолета.

Взревел мотор, и вот аэродром уже позади.

Бой завязался внезапно. Из облаков вынырнули вражеские истребители. Сколько минут отражал Владимир яростные атаки врага, он не помнил. Вдруг

Неожиданная встреча

Эта остренькая любопытная мордочка появилась передо мной внезапно. Лисенок осторожно высунулся из гущи леса и стал внимательно осматривать все вокруг. Фотоаппарат у меня всегда наготове — неожиданная встреча была задокументирована.

В. ЛЕБЕДЕВ,
ст. Менделеево

пушки «Ила» смолкли: кончились боеприпасы. Машину сильно трянуло. Летчик сквозь стекло заднего обзора увидел полосу густого черного дыма. Огонь пробрался в кабину. Вспыхнула одежда. Пламя опалило лицо. «Надо прыгать, иного выхода нет».

Сильным рывком Зангиев откинул колпак и выбросился из самолета.

Очнулся он на земляном полу в каком-то доме. Попытался встать и тотчас повалился на жесткую подстилку.

«Где я?» В комнате никого не было. За дверью слышались голоса. «Свои или фашисты?» Прислушался — говорили по-немецки.

Внезапно дверь открылась, и в комнату вошли двое гитлеровцев. Они заметили, что к пленному летчику вернулось сознание. Начался допрос...

Утром 7 ноября фашисты казнили Зангиева. Они согнали на площадь небольшого горного селения Хаталдон всех жителей. Избитого летчика привязали веревками к лошади, и она поволокла его по каменистой улице села. На окраине была вырыта могила. В нее гитлеровцы бросили истерзанного Владимира.

Ровно через год — 7 ноября 1943 года,

когда Северный Кавказ был очищен от захватчиков, в Алагирской районной газете появилась статья «Гибель Орла». В ней со слов очевидцев рассказывалось о том, как фашисты истязали Зангиева, как погребли его заживо. В горном селении Хаталдон жители поставили памятник герою-летчику.

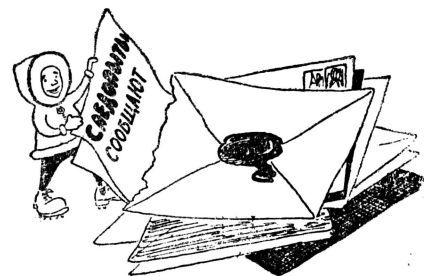
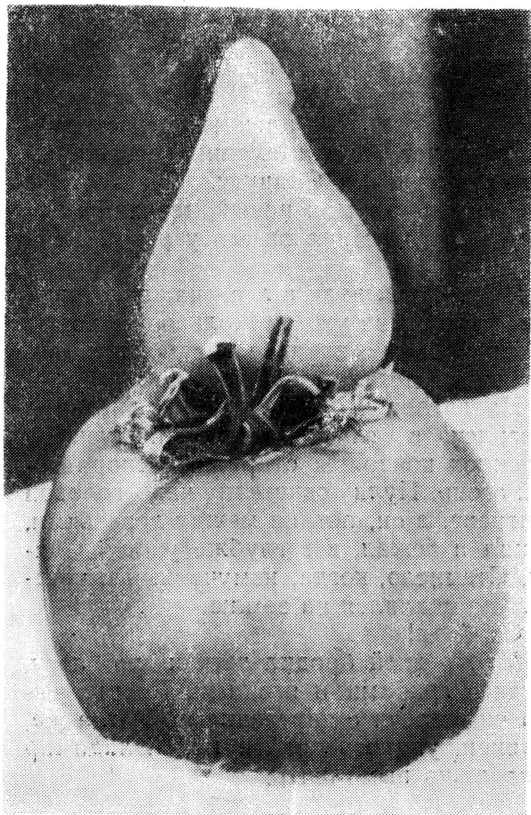
* * *

Но Зангиев не умер.

В памятное утро 7 ноября 1942 года немцы вели через Хаталдон колонну военнопленных. Внимание военнопленных привлекло страшное зрелище: двое гитлеровцев вытащили из ямы полуживого человека, сфотографировали его и бросили прямо на дорогу, по которой двигалась колонна.

Пленные подобрали Владимира. Он был без сознания. Один из красноармейцев, врач по профессии, оказал ему первую помощь. Обессиленные, измученные люди, сами едва стоявшие на ногах, несли Зангиева более 15 километров. Так попал он в лагерь военнопленных, в селении Дигара.

Товарищи ухаживали за ним: приносили в пилотках баланду, промывали раны.

Помидор-мальчишка

Его я увидел случайно. Он выделялся среди своих товарищей по огороду красным колпачком и зеленым галстуком. Ну, прямо франт-мальчишка!

С интересным помидором, однако, пришлось быстро расстаться: он оказался очень вкусным.

А чтобы о нем осталась память, я его заснял.

**Д. КУЗНЕЦОВ,
г. Свердловск**

Наступила зима, выпал снег. Состояние Владимира с каждым днем ухудшалось. Гноились ожоги и раны. Но никто не слышал от него жалоб...

Но вот пленных погрузили в вагоны (в каждый по 70 человек). Везли долго и неизвестно куда.

На одной из станций поезд остановился, и вагоны были переведены на запасный путь.

— Где находимся? — спросил Владимир у товарищей. — Долго стоять придется: в тупик загнали.

— Город Батайск, вроде...

— Батайск!

Сколько воспоминаний было связано у Зангиева с этим городом! Здесь Владимир окончил авиационную школу, впервые поднялся в воздух. Здесь было у него много настоящих друзей. «А почему «было»? Может, и сейчас они в городе?»

— Слушай, друг, — повернулся Владимир к соседу по вагону. — Бумага, карандаш у тебя есть?

— Припрятал. А что?

— Пиши записку Александре Клинке...

Зангиев представил себе Александру, жену товарища, летчика. Смелая женщина, честная, прямая. Если она в городе, непременно придет.

— Так вот... — диктовал он, — пиши: «Владимир Зангиев в вагоне военнопленных. Ему нужна помощь...»

Вскоре маленький бумажный шарик упал на пути. Пленные успели заметить, как его подобрал старик в форменной фуражке железнодорожника.

Неизвестно, кто именно взял записку, как отыскиали в Батайске Александру Клинку. Ясно было, что сделали это настоящие советские люди.

Прошло не более часа, как в вагон острожно постучали, и приглушенный женский голос спросил:

— Владимир Зангиев здесь?

Пленные рассказали о состоянии летчика, и женщина быстро ушла. Вечером в маленькое окошечко вагона был заброшен пакетик с марганцовкой, которой товарищи прижгли раны и ожоги Зангиева.

* * *

Пленных доставили в Славутский лагерь, расположенный неподалеку от Шепетовки. Ряды колючей проволоки. По углам вышки с пулеметами.

Новые испытания выпали на долю Зангиева. Он заболел сыпным тифом. Бо-

лее двух месяцев боролся летчик со смертью и вновь победил ее. Организм ослабел. Раны от ожогов заживали долго. Переломленная нога срасталась медленно. Товарищи самодельным ножом вытесали Владимиру из обрубка дерева протез, прикрепили к колену, и летчик стал учиться ходить без костылей. Со временем нога поджила. Можно было думать и о побеге.

В начале апреля, в темную, ненастную ночь, Зангиев с самодельными ножницами пополз к колючей проволоке. От Владимира к окошку блока, в котором жили пленные, тянулась сигнальная веревка. Летчик добрался до проволоки и только успел перерезать первый ряд, как вдруг почувствовал рывок веревки. Сигнал тревоги. Пришлось вернуться...

Вскоре пронесся слух, что группу пленных будут перевозить в другой лагерь. Решили бежать по дороге: прорезать отверстие в полу вагона и выпрыгнуть на тихом ходу. Стали готовиться. Из обрезков железа выточили ножи. Но куда их спрятать? Перед посадкой в поезд немцы обыскивают, раздевают догола. Саша Сопелкин нашел выход. Приладил к нескольким котелкам по второму дну и под них спрятал ножи.

Зангиеву и его друзьям Сопелкину и Хиски удалось попасть в группу отъезжающих. На станции прошли проверку. Осталось сесть в вагон. И вдруг поступило распоряжение — пленным не отправлять: поедет группа охранников. Пришлось вернуться в Славуту.

Зангиев задумал новый, дерзкий план побега. Осуществил он его утром 23 мая 1943 года.

Пленных вывели в лес на заготовку дров. Владимир уже несколько раз ходил на эти работы и заранее продумал и рассчитал все детали побега.

На глазах у охранников он внезапно бросился в глубь леса. Захваченные врасплох конвоиры открыли беспорядочный огонь. Пули свистели над головой Зангиева, а он, петляя между деревьями, бежал и бежал, все глубже уходя в чащу. Стемнело, когда, измученный и усталый, он свалился на землю.

Свобода!

Много дней бродил летчик по лесу, питаясь грибами и ягодами. Упорно искал он встречи с партизанами. Когда же, наконец, удалось найти их, Владимир смог лишь вымолвить:

— Хлопцы, я к вам.

Так Зангиев стал партизаном. Много можно рассказать о его партизанской жизни, но, пожалуй, красноречивее всего говорит о ней боевая характеристика, подписанная командиром соединения партизанских бригад полковником Андреевым и комиссаром соединения Дьяченко:

«В партизанский отряд имени Ворошилова т. Зангиев Владимир Сосланович прибыл 29 июня 1943 года. С первых дней был бойцом-партизаном... участвовал в дальней разведке и в боях с немецкими карательными отрядами, гарнизонами. Кроме того, участвовал в диверсионной работе, в результате имеет на своем боевом счету один эшелон противника с живой силой и техникой, пущенный под откос...

За боевые дела представлен к правительственной награде».

В конце 1943 года Зангиева переправили через линию фронта. Он вернулся в родную часть. С радостью встретили его боевые друзья. Командир гвардейского авиаполка обнял его и сказал коротко:

— Не забыл машину? Неделю на тренировку хватит?

— Хватит. Все винтики помню!..

Через несколько дней Владимир отправился в боевой полет.

* * *

Майор Зангиев каждый день получает по несколько писем.

Пишут Владимиру Сослановичу друзья по партизанскому отряду, однополчане-фронтовики, воспитанники-курсанты.

Сейчас бывалый летчик учит боевому мастерству молодежь. Но не только большие знания и опыт передает будущим летчикам майор Зангиев. Он воспитывает их мужественными, беззаветно преданными Родине. И каждый, кто познакомится с жизнью Владимира Сослановича Зангиева, вспомнит слова Николая Островского: «Наша партия имеет таких товарищей, которых никакая вьюга, никакой ветер не может сбить с ног... Замечательные эти люди».

Семен ШМЕРЛИНГ

Майор В. С. Зангиев консультирует курсанта.

ПРОШКА

Г. БАБАКОВ

Рисунки Э. ИОДЫНИСА

Редко удается поймать живую выдру. И поэтому легко представить себе радость студента-охотоведа Толи Куропатова, когда однажды, вместо утки-подранка, его собака вынесла из камышовых зарослей выдренка.

Зверек был еще так мал, что рыбешку есть не умел. Толя стал поить его молоком через соску. Сперва выдренок пытался вытолкнуть соску изо рта, а когда почувствовал вкус молока, вдруг зачмокал губами и начал жадно сосать. Маленький, покрытый нежным коричневым пухом, он лежал в специально сколоченном ящике, напоминая чем-то детскую игрушку.

Наступила пора занятий в институте. Толя с питомцем приехал в студенческое общежитие. В нашей комнате у окна, рядом с клеткой лисенка по кличке Цицерон, поселили Прошку.

Общежитие биологов отличалось от других студенческих общежитий тем, что здесь, вопреки всяким правилам, обитала масса всякой лесной живности. Проходя по коридору, вы могли встретить важно прогуливающегося журавля, в комнатах увидеть ежей, белок, сонь, бурндуков, сурков, рябчиков, сов, синиц. На балконах — стаи голубей различных пород.

С первых же дней своего появления Прошка покорила сердца любителей животных. Это был веселый общительный малыш, которого интересовало абсолютно все. Целый

день он бродил по комнате, обнюхивая и изучая непонятный мир окружающих его вещей.

Минут сорок катал Прошка по полу банку с гуталином, а когда она, ударившись о ножку кровати, раскрылась, лизнул гуталин языком и после долго обиженно фыркал и чихал.

Особенно привлекал выдренка чайник. Он был для него, источником блаженства. Каждый день в четыре часа комната наполнялась народом. Собирались охотоведы, звероводы, ребята и девчата с других факультетов, и начиналась процедура купания Прошки. Выдренка сажали на стол. В такие минуты он становился необыкновенно послушным. Опираясь на хвост и задние лапы, сидел очень спокойно, внимательно следя за приготовлениями.

Наконец на столе появлялись таз и чайник с водой. Прошка моментально переваливался через край на дно таза, принимал там прежнюю позу и теперь смотрел только на чайник.

Лить воду было исключительной привилегией жителей комнаты. Чайник высоко поднимали над выдренком, и светлая журчащая струя воды лилась ему на голову. Прошка преображался. Он растирал себя лапками, прыгал и кувыркался, подставляя то живог, то спину под освежающую струю. После купанья Прошку, как ребенка, заворачивали в полотенце и вытирали, а он лежал тихо, прищурив глаза и послушно подставляя лапки.

Однажды произошел такой случай.

Выдренок сидел на столе, ожидая купания. Я принес чайник с водой, поставил его на стол и пошел закрыть дверь. У Прошки не хватило терпения. Он сорвался с места, в один прыжок подскочил к чайнику и окунул в него голову. Присутствующие расхохотались. Тогда выдренок, видя, что ему не мешают, начал раз за разом повторять этот номер. Вынимая из чайника голову, он тряс ею так, что брызги разлетались по всей комнате.

Наступила зима, стало трудней доставать для нашего питомца свежую рыбу. Из обычной человеческой пищи выдренок больше всего любил сыр и колбасу, которые на студенческом столе появлялись редко, только в первые дни после стипендии. Но у Прошки было столько друзей, что он почти каждый день получал эти лакомства.

Как только выдренка брали на руки, он начинал принюхиваться и искать в карманах колбасу. Ему отдавали ее не сразу, а долго обманывали, переключая из кармана в карман и заставляя искать вновь и вновь. Прошка, выведенный из себя этой игрой в прятки, решал завладеть колбасой иначе. Не залезая во внутрь кармана, он вцеплялся острыми зубами в брюки своего доброжелателя и получал вознаграждение.

Незаметно пришла весна, начались государственные экзамены. Настала пора прощания с институтом.

А Прошка? С Прошкой тоже пришлось расстаться. В теплое июньское утро, когда в подмосковных лесах распускались ландыши, мы принесли нашего любимца в институтское учебное охотничье хозяйство, где протекает небольшая богатая рыбой речка Яуза. В эту речку мы и выпустили Прошку. Он долго не мог понять, в чем дело. Отплывет недалеко и снова возвращается, внимательно поглядывая на нас, а потом опять отплывает. В конце концов нырнул наш Прошка, и больше мы его не видели...

Шли годы, и я думал, что уже никогда больше не услышу о Прошке. Но вдруг в первом номере журнала «Уральский следопыт» за прошлый год встретил я маленькую заметку фотокорреспондента И. Шубина «Выдра на охоте». На фотографии я вновь увидел нашего любимца Прошку, и мне захотелось рассказать читателям журнала подробнее о жизни этого ручного выдренка.

ГДЕ ЕГО ПИСЬМА?

Немало хватил горя в царской России пытливый ученый и путешественник Петр Иванович Пашино.

Он происходил из бедной семьи, рано лишился родителей. Детство провел на Урале.

Девятилетним мальчиком попал в Казанскую гимназию, которую и окончил в 1852 году, когда ему еще не было и 16 лет. За хорошие успехи его направили продолжать образование в Казанский университет. Но в Казани закрылось восточное отделение университета, и заканчивать учебу пришлось в Петербурге.

Через несколько лет молодой востоковед уехал в Персию, где работал вторым секретарем русского посольства.

Много еще путешествий совершил впоследствии П. И. Пашино. Он был в Туркестане (оттуда его выслали под конвоем «за неблагонадежность»), несколько раз был в Бомбее, пристально изучая Индию. Эту замечательную страну он так полюбил, что посетил ее трижды. Путешествовал он по Африке, Аравии и совершил кругосветное путешествие.

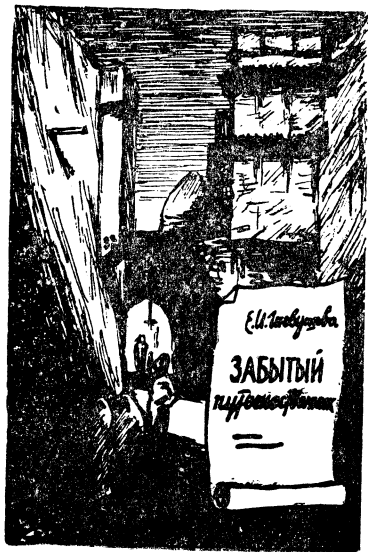
Пашино написал много интересных очерков, но все они хаотически разбросаны по журналам и газетам. К тому же, опасаясь царской охранки, он многие очерки подписывал псевдонимами.

О замечательной жизни этого путешественника рассказала писательница Е. И. Гневушева в книге «Забывтый путешественник», изданной Географизом в 1958 году.

Но, по словам автора, у Пашино потеряны туркестанские дневники, нет многих материалов по Индии. Совершенно не известны детские годы Пашино. А ведь на Урале остались его родственники, с которыми он, вероятно, вел переписку.

Уральцам эта книга дает след, который может привести к интересным открытиям в биографии нашего земляка Петра Ивановича Пашино, — несправедливо забытого путешественника.

Н. ЛОВЦОВ

Рассказ

Это был желтоклювый, крапчатый дрозденек с пухом на голове, темными глупенькими глазами и едва заметным хвостиком. Его подарил мне Николай Владимирович Бобров, мой хороший приятель, любитель и знаток певчих птиц. Он работал инженером на металлургическом заводе, но досуг свой посвящал птицам, влюбленный в них окончательно, бесповоротно и страстно.

Дрозда-белобровика мне давно хотелось подержать, и я чрезвычайно обрадовался этому подарку, хоть выкармливать птенцов нелегкое, хлопотливое дело.

Дрозденка посадили в корзинку, которую поставили в широкий деревянный садок, устланный лопухами. Лето в том году стояло сухое, жаркое. Июнь прошел без дождей, и все черви, которыми надо было кормить моего питомца, ушли в глубокие слои почвы. Каждое утро, перекопав борозды между грядками и землю в водосточной канаве, я с большим трудом набирал десятков пять тощих дождевых червей и с ужасом прикидывал, где же буду искать их завтра?

Затем начиналось кормление. Это было веселое зрелище. Жадно разинув клюв, дрозденек бежал ко мне из корзинки, хлопая отрастающими крылышками, требовал пищи. Я совал червей в клюв, и они исчезали там, живые, словно лезли в нору. Иной упрямый червяк даже вылезал обратно и свисал из клюва, так что приходилось брать его и запихивать снова.

Прозорливость дрозденка была не-

вероятной, кормить приходилось через каждый час. За день он съедал треть пол-литровой банки дождевых червей, таких драгоценных в засуху.

— Чтой-то ты, милой, у меня весь забор подрыл. Поди золото в моем огороде ищешь? — выпрашивала меня старуха-соседка Федосья.

Я попытался объяснить ей цели своих раскопок, но бабка не поняла или не поверила и с тех пор постоянно поглядывала за мной, смешно и неловко высовываясь из-за щелястой огородной калитки.

Зато дрозденек был иного мнения. Он принимал меня за папашу и мамашу, отлично запомнил в лицо и при моем приближении начинал призывно кричать, издавал резкий звук вроде «крич-крич-крич». За это я прозвал его Кич.

Рос он словно на дрожжах.

Развертывались зорьки на крыльях, исчез с головы птенцовый пух, удлинялся хвостик.

Дрозденек начал пробовать свои силы в полете. Открыв клетку, я отходил на несколько шагов, свистел, звал питомца к себе. Сначала он с опасением выглядывал наружу, махал крыльями, сидя на порожке садка, кричал, но не решался оторваться.

Тут я невольно жалел, что не могу взлететь, чтобы показать своему выкормышу, как это делается. Так было лишь некоторое время. Раз решившись на полет, Кич уже не боялся и скоро летал на мой зов через весь двор.

Забавнее всего учился он самостоятельно есть. Я складывал червяков ему в клетку и отходил. Дрозденек спрыгивал вниз, бродил вокруг чашки, задрал хвост, заглядывал туда одним глазом, раскрывал клюв и кричал. Он звал, молил и упрашивал червяка, чтобы тот сам полез к нему в рот.

Прошел целый месяц. Дрозд ел теперь ягоды, тертую морковь с сухарями, муравьиные яйца и кусочки булки, размоченные в молоке.

Это был уже взрослый стройный дрозд-белобровик со строгим взглядом осторожной лесной птицы.

Но своей птенцовой привязанности он не утратил. Каждое утро встречал меня приветственным криком, топорщил перья на голове, носился вдоль клетки. Когда, открывая дверцу, я звал его к себе, он мягко летел и усаживался на плечо.

Больше всего Кич любил загорать, нежиться на солнышке, лежа на моей ладони. Птица закрывала глаза, блаженно дремала, пригретая ласковым теплом.

В конце лета я надолго уезжал из города. Оставить дрозда было не с кем, и я решил его выпустить.

Я унес дрозда в лес и отпустил на поляне. Сначала он озирался, присматривался к непривычной обстановке, но скоро освоился. Забегал по траве, вспугивал бабочек, клевал муравьев и, казалось, перестал обращать внимание на меня.

Я спрятался за густую сосенку. Кич по-прежнему беззаботно суетился. Однако вот он замер, подняв голову, вытянулся, затем беспокойно порхнул на ветку и закричал. Это был голос взрослой птицы.

«Как быстро он меня забыл!» — подумал я, выходя из-за сосенки и отправ-

ляясь в обратный путь. Но тут же услышал шум крыльев. Через мгновение Кич сидел у меня на плече.

Мы провели в лесу весь день. Много раз я прятался, и каждый раз птица безошибочно по голосу находила меня. А все-таки надо было расставаться.

С тех пор прошло два года. Тихая глубокая осень стояла на дворе. Снег уже выпал, и октябрьский холодок, предвестник зимних морозов, слегка пощипывал уши. Вместе с Николаем Владимировичем мы бродили за городом в облетевших голых перелесках, искали стайку северных птиц — щуров. Щуров мы не нашли, зато увидели большую стаю дроздов-белобровиков, которые кормились на рябинах в лесной кромке. Завидев людей, стая снялась с тревожным чаканьем и полетела в глубь леса. На рябине остался один дрозд. Он уже совсем собрался лететь, да вдруг остановился и замер.

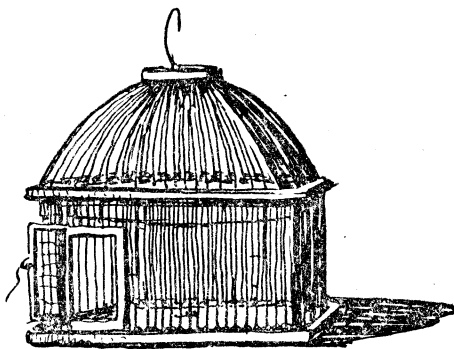
Мы тоже остановились. Не Кич ли это? Догадка пришла произвольно, что-то знакомое чудилось в этом дрозде, хоть он ничем не отличался от других.

— Кич! — тихо позвал я. — Кич!

Птица склонила голову, без боязни смотрела на меня.

— Он, ну, конечно, он! Кич! Фью-фью! — свистнул я.

И вдруг дрозд приподнял перья на голове, настороженность его исчезла, я увидел того самого милого дрозденка, который когда-то жадно тянулся мне навстречу. Он не закричал, не полетел ко мне, и все же я был уверен, что это Кич. Ни один дикий дрозд не подпустил бы нас так близко, ни один не взъерошил бы перья на голове — знак радости и приветия в мимике птиц! Лишь когда я подошел совсем близко, дрозд вспорхнул и улетел...

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШЕЙ ИГРЫ

Начало в 1 номере журнала

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Серия вторая

ТАИНСТВЕННЫЙ СУНДУК

Это, конечно, была пещера. Никому не известная. Я уже хотел придумать ей имя, чтобы потом сообщить географам о своем открытии, но Лена сказала, надо ее обследовать, а потом называть. Так делают все путешественники. Пришлось согласиться.

Мы зажгли фонарики и двинулись в глубь пещеры. Я даже не подозревал ранее, что подземные лабиринты могут быть такими извилистыми и запутанными. Долго мы плутали, то упираясь в тупик, из которого нужно было идти обратно, то возвращаясь на какое-то явно уже знакомое нам место. Наконец мы поняли, что опять заблудились. Но тогда это было наверху, а теперь — под землей. Что похуже — сами понимаете.

Присели мы в каком-то тупике и тяжело вздохнули. Как быть?

И вот, когда мы уже совсем приуныли и Лена подозрительно зашмыгала носом, луч моего фонарика выхватил из темноты что-то странное. Камень не камень...

— Сундук! — вскочила Ленка, то ли от радости, то ли от испуга.

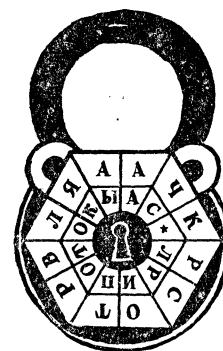
Да, это был сундук. Тяжелый, окованный металлом ящик, как раз такой, в каких обычно пираты прячут свои сокровища. Что же в нем?

Однако не так-то легко оказалось открыть его. Замочек с набором букв — дело знакомое: надо знать сочетание, при котором он был закрыт. Обычно, это какие-то слова. Я и начал перебирать все знакомые мне слова, пословицы, поговорки...

— Тут, наверное, надо что-то сдвинуть, — сказала Лена, которой надоело мое бормотанье.

— А ведь и верно, средний шестигранник повернулся! — закричал я, увидев, как буквы, выстроившись в два ряда, превратились в знакомые слова, замок щелкнул и открылся.

Увы! Сокровищ в сундуке не было. А я то думал... Но Лена, эта шустрая Ленка, всегда что-то увидит также, что другой не видит! Вот и сейчас, — только открыли сундук, и я разочарованно отвернулся, увидев его пустым.

как она уже с головой влезла в сундук и вытащила из него...

Вот тут-то пришла моя очередь торжествовать. Пока Лена раздумывала над стопкой бумажек, вынутых со дна сундука, я уже успел догадаться: это же план пещеры! Только он разрезан на кусочки, и его нужно склеить. И тогда мы, наконец-то, выберемся из пещеры.

Склеить... Хорошо сказать! А как? Уже мы и так, и этак складывали, ничего не получается... И сидеть бы нам в пещере безвыходно, если бы кто-то из нас (Лена говорит, что она, но, помоему, это я) не заметил буковки на каждом листочке.

Тут-то нам и помогла та фамилия писателя, что была зашифрована вопросиками в надписи на левой стороне входа в пещеру. Когда мы разложили листочки в таком порядке, чтобы из букв сложилась известная нам двойная фамилия писателя, план

пещеры был составлен. Оставалось только карандашом наметить наш путь к выходу и двинуться вперед... Вернее говоря, назад из пещеры.

Надо сказать, что идти назад было нелегко. Иногда приходилось ковылять на четвереньках, а иногда даже ползти по-пластунски. А тут еще необходимо все время на план поглядывать, чтобы не свернуть в сторону.

Преодолев один, особенно узкий и трудный проход, где нам изрядно-таки досталось, мы остановились, чтобы еще раз взглянуть на план, но, вместо плана, в своих руках я увидел что-то иное: птицы, звери, рыбы... Что за чепуха?

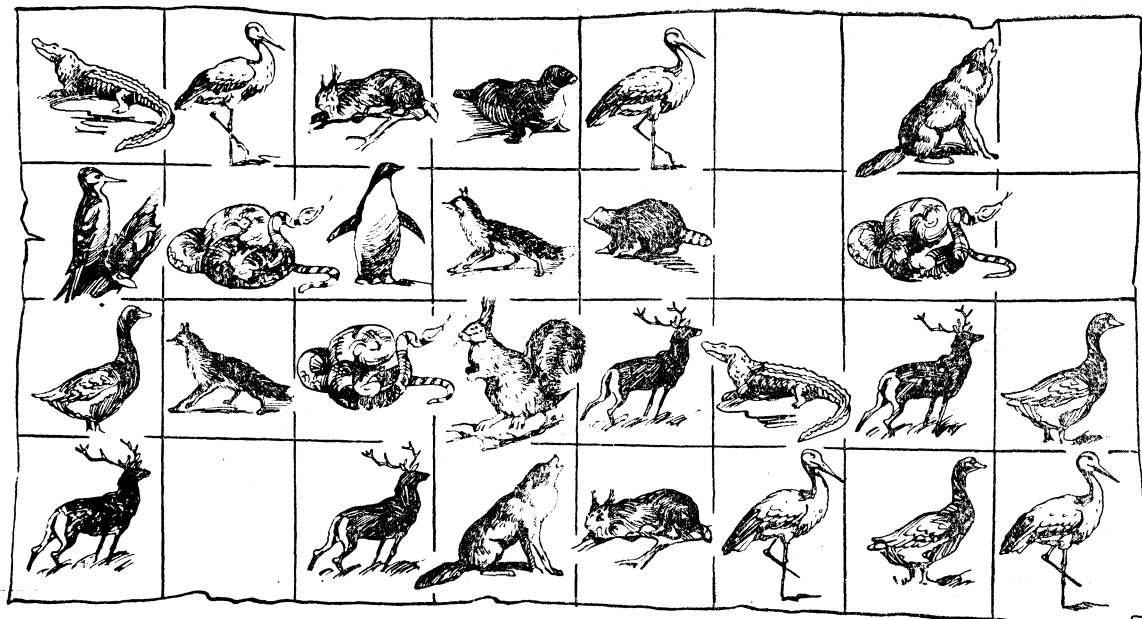
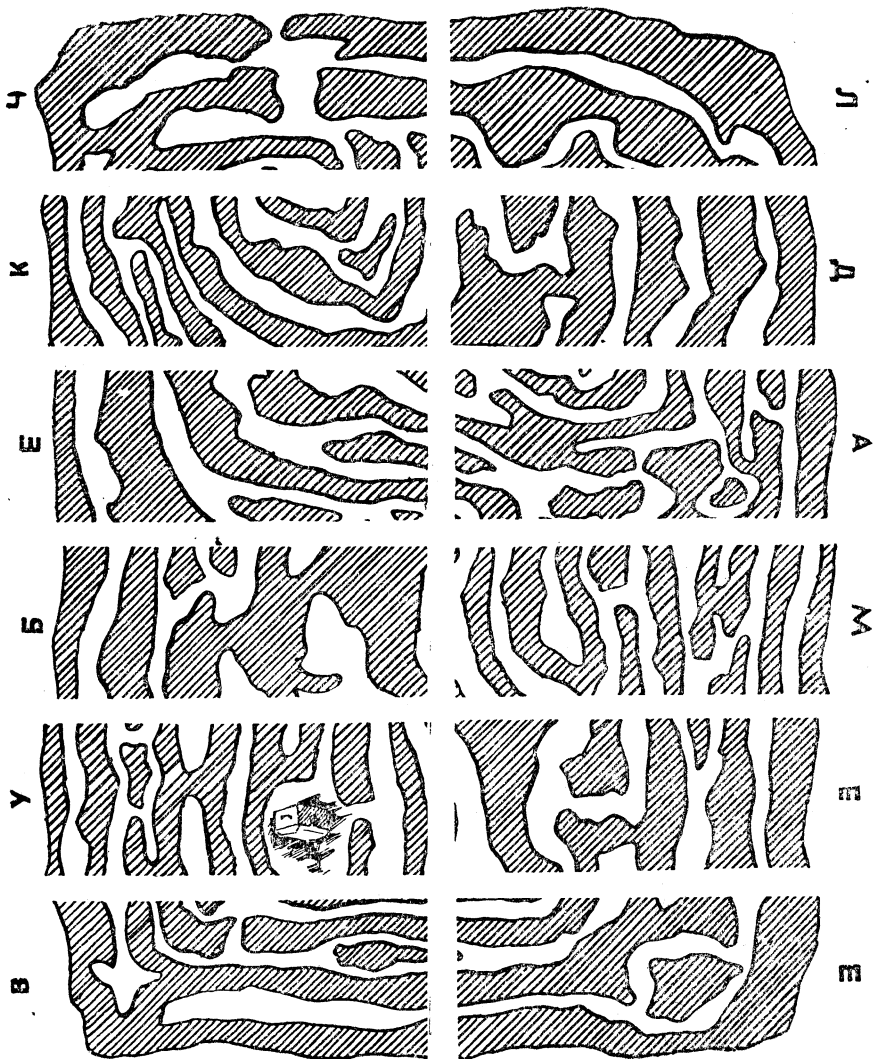
— Да ты перевернул его другой стороной, — заметила Лена, выглядывая из-за плеча.

Что верно, то верно, план был на обороте. Но что изображено на этой стороне?

— Это, наверное, тоже зашифрованная записка, — предположил я. Мы уселись в небольшом гроте и принялись разгадывать новую загадку, подsunутую нам таинственной пещерой.

Сначала нам казалось, что это просто случайные рисунки и никакой тайны в них нет, но я же видел, что рисунки повторяются, значит, тут что-то есть. Может быть, это буквы? И я оказался прав. Записка гласила...

И опять мне не хватило места. Говорят, в следующем номере продолжишь. Приходится...

КОЛЛЕКЦИЯ КОМАНДИРА крейсера „Варяг“

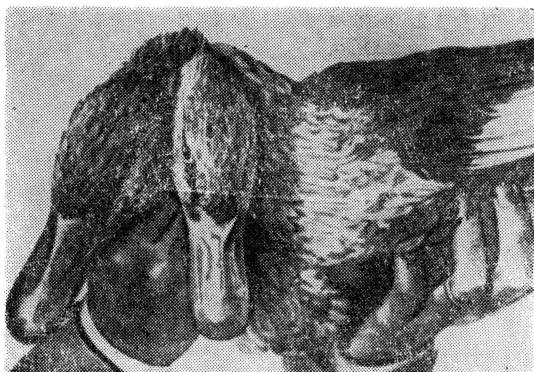
Большой популярностью у коллекционеров пользуется выпущенная в прошлом году почтовая марка в память о В. Ф. Рудневе — командире легендарного крейсера «Варяг», герое русско-японской войны 1905 года.

Любители филателистических редкостей проявляют к ней особое внимание: они разыскивают в листе марок вкрадшееся искажение фамилии. На одной марке в листе напечатано не Руднев, а Рудчев.

Но если почти каждый филателист знает об ошибке на марке Руднева, то далеко не всем известен любопытный факт, связанный с его именем. Всеволод Федорович Руднев был страстным филателистом. Собрать свою коллекцию он начал в 1880 году, в возрасте 25 лет, когда отправился в первое кругосветное путешествие. Его коллекция насчитывала впоследствии 20 тысяч марок — по тому времени неслыханное количество. В ней име-

лись редкие: французские марки 1849 года, самая первая в мире марка, вышедшая в Англии в 1840 году. Позже, в 1913 году, коллекцию В. Ф. Руднева продолжал пополнять его сын, который проживает ныне в Ульяновске. Теперь в коллекции насчитывается свыше 30 тысяч марок из 100 стран. Это одна из самых крупных коллекций почтовых марок в СССР.

Е. САШЕНКОВ,
г. Москва

Многие ученые-врачи в нашей стране и за рубежом изучают и пробуют пересаживать различные органы с одного организма на другой. Сотруднику Института хирургии Академии медицинских наук СССР В. П. Демихову удалось удивительные эксперименты. Он подсаживал, т. е. пришивал и приживлял, собакам сердце и легкие. Собаки жили недели и меся-

цы с двумя сердцами, с дополнительными легкими. Затем хирург сумел одной собаке полностью заменить сердце и легкие, а другой искусно прирастил вторую голову.

В медицинской печати В. П. Демихов сообщал, что собака, к шее которой была подсажена голова щенка, прожила с двумя головами несколько дней. После операции, проходившей, конечно, под наркозом, обе головы проснулись одновременно, обе головы испытывали жажду, и, когда собаке поднесли блюдце с водой, приращенная голова щенка тоже облизывалась. Голова щенка сохраняла свою шенячью игривость и подчас хватала голову взрослой собаки за ухо.

Молодому мексиканскому хирур-

гу С. Ланца удалось прирастить вторую голову утке. Утка прожила несколько дней. Фотографию, которую вы видите, С. Ланца подарил советской делегации на Международном конгрессе хирургов в Мехико.

Можно ли приживлять органы человеческого организма человеку? Ученые считают, что можно. Нужна только совместность химического, белкового состава тканей, подобно тому, как для переливания крови необходима определенная группа крови. Сейчас ученые изучают, как же определять, совместимы составы тканей или нет?

Будущие хирурги, несомненно, научатся применять все достижения по пересадке органов и для лечения человека.

ЧУДЕСА ХИРУРГИИ

На четвертой странице обложки фото Н. Романова «На охоту».

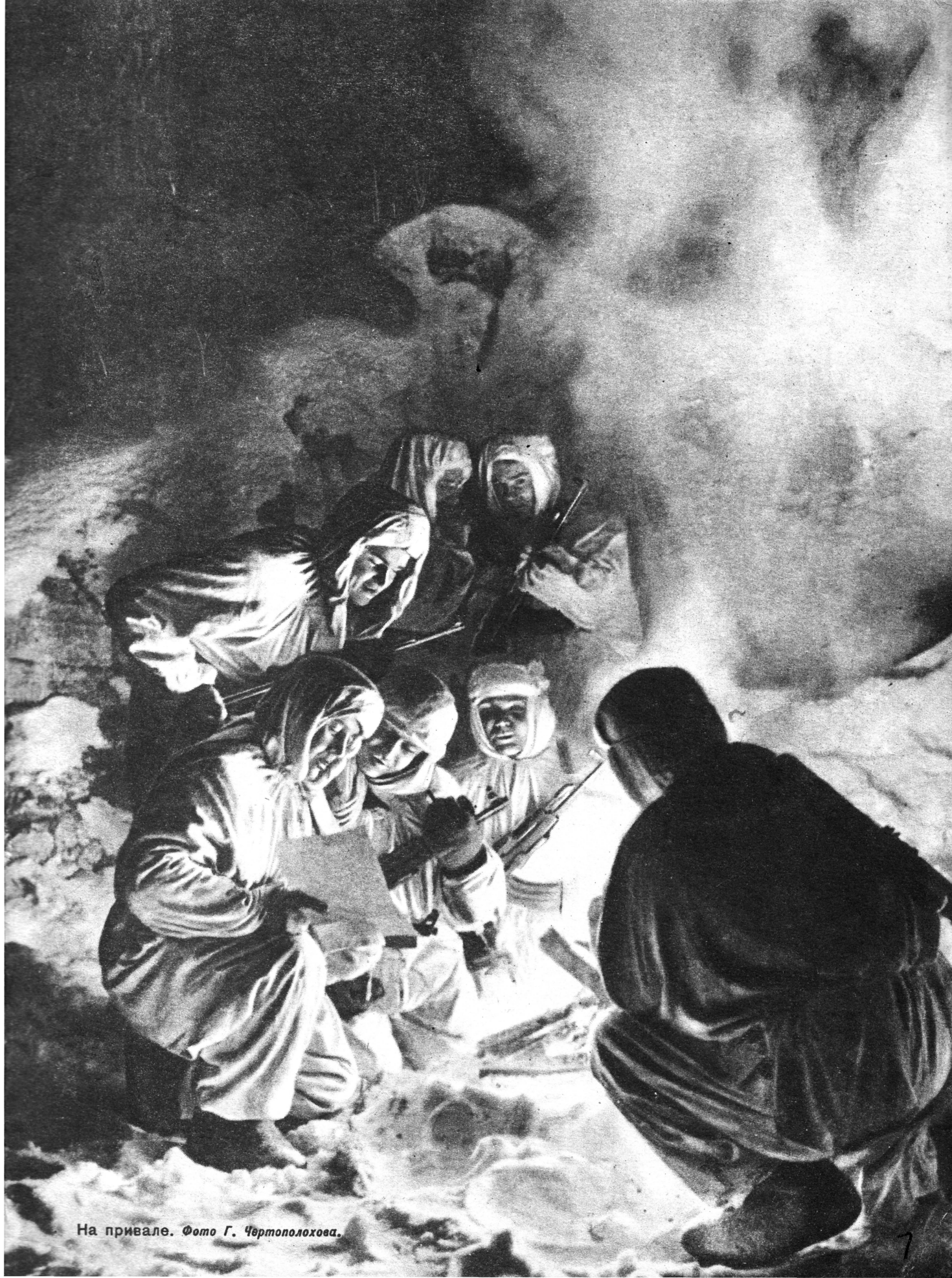
Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров, Ю. Койнов, Ю. Курочкин, Л. Сорокин, Л. Неверов, Г. Перебатов, Кл. Рождественская. Обложка С. Киприна.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24, тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор Я. Чернихов. Технический редактор Т. Меньщикова. Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 23/II 1959 г. Бумага 84×1081/16=2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 8,8.

НС 13355 Тираж 50000. Заказ 2175. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49. Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии.

На привале. Фото Г. Чертополохова.

